

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2

Том 4. История

Санкт-Петербург
2013

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2 (Том 4) 2013
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Вереминко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2013
© Авторы, 2013

Содержание

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

О.Б. Островский

Судьба народного образования в России в 1815–1825 гг. 7

М.Д. Масанова

Образовательная деятельность православной церкви
и монастырей в России в первой половине XIX в. 21

Е.С. Данович

Народные чтения и тверское земство (страницы из истории
борьбы с крестьянской неграмотностью
в дореволюционной России) 26

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А.Ю. Давыдов

Источник по истории культурной жизни крупного города –
путеводители..... 33

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

М.В. Малькова

Б.Г. Ананьев – жизнь, научные взгляды и деятельность ученого 47

ЭТНОГРАФИЯ

З.И. Акимова, В.В. Митина

Нагрудные и поясные украшения народной одежды
мордвы Москвы и Московской области 54

З.И. Акимова, В.В. Митина

Традиции и новации в вышивке народной одежды
мордвы Москвы и Московской области 65

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

З.С. Гаурбекова

Кавказская война – синтез процессов военного конфликта
и политической консолидации..... 72

М.А. Гамидова

Быть или не быть Канаде в составе Британской империи:
полемика Г. Смита и Ф. Хинкса (1877–1878 гг.)..... 82

А.В. Гостенков

Боснийский кризис 91

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

В.М. Курмышов

Развитие береговых баз Балтийского флота в 20–30-е гг. XX в. 105

А.С. Романов

Устная агитация как форма противодействия слухам
в блокированном Ленинграде (1941–1943 гг.) 110

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

С.В. Джунджузов, С.В. Любичанковский

Межведомственные тяжбы вокруг земель калмыцкой команды Оренбургского казачьего войска (30-е гг. XIX в.) 119

Д.А. Разживина

Заведующие переписными участками Всеобщей переписи 1897 г.: обязанности, полномочия, объем работы 135

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

М.А. Салищев

Дворяне – лидеры делового мира Санкт-Петербурга в 1914 г. 144

А.А. Смирнова

Петроградская организация меньшевиков на Объединительном съезде РСДРП меньшевиков 156

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

С.В. Любичанковский

«Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант 165

Сведения об авторах 170

Contents

HISTORY OF EDUCATION

O. B. Ostrovsky

The destiny of public education in Russia in 1815–1825..... 7

M. D. Masanova

The educational activities of the Orthodox churches and monasteries in Russia in the first half of the XIX century..... 21

E. S. Danovich

Public readings and Tver Zemstvo (page from the history of the struggle of the peasant illiteracy in pre-revolutionary Russia) ... 26

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

A. Yu. Davydov

Travel guides as a source on the history of cultural life of a big city.... 33

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

M. V. Malkova

B.G. Ananiev – life, scientific views and activities of the scientist 47

ETNOGRAPHY

Z. I. Akimova, V. V. Mitina

Chest and waist decorations in national clothes of the Mordvinians of Moscow and Moscow region 54

Z. I. Akimova, V. V. Mitina

Traditions and innovations in the embroidery of national clothes of the Mordvinians of Moscow and Moscow region 65

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Z. S. Gairbekova

The Caucasian war as the synthesis of the processes of the military conflict and political consolidation..... 72

M. A. Gamidova

Must Canada be the part of the British Empire or not: the controversy between G. Smith and F. Hincks (1877–1878) 82

A. V. Gostenkov

The Bosnian crisis 91

MILITARY HISTORY

V. M. Kurmyshov

Development of coastal bases BALTIC FLEET in the 20's and 30's. XX century..... 105

A. S. Romanov

Oral agitation as a form of counter rumors during the Siege of Leningrad (1941–1943) 110

HISTORY OF STATE INSTITUTIONS

S. V. Dzhundzhuzov, S. V. Lyubichankovskiy

Interdepartmental dispute about lands of the Kalmyk team
of the Orenburg Cossack army (the 30th years of the XIX century) 119

D. A. Razzhivin

The census area the general census 1897: duties, powers,
scope of work..... 135

RUSSIAN HISTORY PAGES

M. A. Salischev

Noble leaders of the business world of Saint Petersburg in 1914 144

A. A. Smirnova

Petrograd organization of the Mensheviks on Unity Congress
RSDRP Mensheviks 156

SUMMARY AND REVIEW

S. V. Lyubichankovskiy

"Inner periphery" of the Russian Empire: Middle-Volga variant..... 165

About authors 170

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.01(091)(47) «1815/1825»

О.Б. Островский

Судьба народного образования в России в 1815–1825 гг.

В статье исследуется судьба российского народного образования в 1815–1825 гг., даны характеристики главных «гасильников». На основе архивных документов и научной литературы показаны причины, хронология и последствия репрессий против иезуитов Казанского, Санкт-Петербургского и других университетов, Царскосельского лицея и Первой петербургской гимназии.

The article deals with the process of suffocation of Russian national education by 1815–1825 and gives characteristics of the main suppressors. Based on the archival documents and scientific literature, it also reveals the causes, chronology and consequences of the repression against Jesuits, Khazan, St. Petersburg and other universities, Tsarskoye Selo Lyceum, the 1-st gymnasium of St. Petersburg.

Ключевые слова: Александр I, русская история, русская культура, политика в области народного образования.

Key words: Alexander I, russian history, russian culture, education policy.

Отечественная война 1812 г., всколыхнув массовый патриотизм и национальную гордость, породила в обществе либеральные надежды, опасные для существующего политического и социально-экономического строя. Это привело к усилению жандармского контроля и идеологическому «промыванию мозгов».

Потрясения 1812 г. и знакомство в 1814 г. в Париже с баронессой Б.-Ю. Крюденер сделали Александра I «царственным мистиком» экуменического толка. Император общался с разного рода «пророками» и «пророчицами», покровительствовал немецким евангелистам, мистикам-мартинистам, американским и английским квакерам, бывал в келье какого-то схимника, у скопцов. Его посещали мысли об оставлении престола и уходе в монастырь. Он поручил А.С. Шишкову составить для себя выписки из библейских текстов и приблизил архимандрита-самоистязателя Фотия, который носил железные вериги и спал в гробу. Отвращение Фотия «к дамским шляпкам и перчаткам приводит его в изступление», однако «чернобурая шуба его ценилась баснословно дорого, из того же меха сапоги до несколько тысяч» [22. Оп. 2. Д. 282. Л. 2, 6].

Под покровительством царской четы в Михайловском замке с 1817 г. проходили собрания «духовного союза» (21 постоянный участник) во главе с Е.Ф. Татариновой, которая, перейдя из лютеранства в православие, почувствовала в себе дар пророчества и страсть к благотворительности. Их главного прорицателя – юродивого музыканта Никиту Федорова – царь произвел в чиновники [28. Оп. 1. Д. 1866. Л. 1–2]. При дворе и в обществе секту называли «русскими квакерами». Ритуалы секты были заимствованы у хлыстов и скопцов. Участниками бдений бывали обер-прокурор св. Синода, министр духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицын, директор департамента просвещения В.С. Попов, обер-гофмейстер Р.А Кошелев, митрополит Санкт-Петербургский Михаил, вице-президент Академии художеств А.Ф. Лабзин, живописец В.Л. Боровиковский.

Кроме Татариновой в Петербурге действовали общество Хвостовой, секты скопцов, Линделя, Фесснера, Гесснера и «много прочих иных» [11, с. 1448], даже секта «братьев-свиней». В нее входили девять французов и один русский, которые обвинялись в «дурном поведении» и «чрезвычайно опасных политических убеждениях» [19, с. 183–186; 3, с. 298–299]. В Таврическом дворце, сдаваемом в наем собственности вдовствующей императрицы Марии Федоровны, отвели помещения для мусульманских богослужений [27. Оп. 2. Д. 14. Л. 1–14]. Параллельно с этим 20 декабря 1815 г. императорским указом [34. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–3] в Петербурге был закрыт Иезуитский колледж, иезуиты в течение суток высланы полицией из обеих столиц, а их имущество конфисковано в казну.

Этот акт имел предысторию. Учебные заведения иезуитов давали глубокое и разностороннее образование. Правительство ценило их как эффективное средство против распространения среди элитной молодежи атеизма и радикальных идей. В 1812 г. указом Александра I Полоцкая иезуитская коллегия была переименована в Академию с правами университета, и все иезуитские учреждения в России перешли под ее контроль. Однако к началу 1810-х гг. стало нарастать негативное отношение к иезуитам. Еще в 1807 г. Александр Иванович Тургенев по заданию Н.Н. Новосильцева составил историю иезуитов в России и пришел к мысли о необходимости их изгнания. Он приписал им грехи времен Игнасио Лойолы: властолюбие, коварство, цинизм, развращенность, враждебность к любой государственной власти и национальной идее.

Фигура А.И. Тургенева не являлась предметом всестороннего научного изучения. Исследователи традиционно считают его деятелем прогрессивным: выпускник Московского университета, создатель дружеского литературного общества, верный друг, принявший горячее участие в судьбе В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, К.Н. Ба-

тюшкова, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, И.И. Козлова, литератор и историк; активный член «Арзамаса», брат выдающегося декабриста, человек, вхожий во все значимые литературно-художественные салоны и сообщества. Но была и другая сторона, не менее значимая: бессменный секретарь Российского библейского общества, директор Департамента духовных дел, помощник А.Н. Голицына, в доме которого он жил. Министр относился к нему как к сыну, поскольку с детства дружил с отцом Тургеневых. Привыкший к роли интеллектуального лидера в университетском благородном пансионе и дружеском литературном обществе, закрепивший московские навыки отвлеченного философствования в Геттингене, А.И. Тургенев после переезда в Петербург, вероятно, ощутил некоторую ущербность своих представлений и кругозора в сравнении с учениками иезуитов – П.А. Вяземским, К.Н. Батюшковым, Ф.Ф. Вигелем, Ф.П. Толстым и др. Всегда двуличный («духовные» должности не мешали ему наслаждаться «богохульственными» стихами Пушкина и Вяземского), он, возможно неосознанно, связал свое ущемленное честолюбие с иезуитами.

Отечественная война 1812 г. дала новый импульс. Во время наполеоновского нашествия иезуиты, в отличие от русского населения, не покидали мест жительства. Орден Иисуса требовал от своих участников почти военного подчинения, был закрыт для контроля со стороны властей. Это давало повод обвинить иезуитов в прозелитизме. «Иезуиты завладели общественным воспитанием, вербуя питомцев преимущественно в богатых и знатных семействах, и только учреждение Царскосельского лицея спасло от иезуитских рук многих юношей и в числе их будущее светило нашей литературы, Пушкина» [36, с. 31–32], – гласила официальная версия. В реальной деятельности ордена в России «миф о иезуитах» не находит подтверждения. Нет никаких доказательств, что волна обращений в католичество в среде русского дворянства (П.Я. Чаадаев, М.С. Лунин, З.А. Волконская, Е.П. Ростопчина и др.) явилась следствием пропаганды иезуитов. Наоборот, вероятно, это была реакция свободно мыслящих личностей на политику принудительной «христианизации».

Главная, по мнению автора, причина изгнания иезуитов – их передовые педагогические методы, основанные на индивидуальном подходе к внутреннему миру, способностям и интересам каждого ученика с целью воспитания энциклопедически образованной и самостоятельно мыслящей личности. Такая личность критически воспринимает действительность, не поддается официальной пропаганде и представляет потенциальную угрозу любому деспотическому или коррупционному режиму. Поскольку ни одно учебное заведение России, кроме лицея, не могло конкурировать с иезуита-

ми по качеству гуманитарного образования, устранение конкурентов вызвало удовлетворение профессорско-преподавательской среды. Однако менее чем через пять лет, когда передовые педагогические принципы и методы стали укореняться в практике российских университетов, их и лицей удушили, подобно иезуитам.

Вдохновителем религиозно-мистической реакции был обер-прокурор св. Синода кн. Александр Николаевич Голицын, сменивший в 1816 г. А.К. Разумовского в должности министра народного просвещения. Проигравший в карты свою жену, «Вольтерьянец и эпикуреец в молодости, князь Голицын в зрелые годы обратился к благочестию с резко выраженной сентиментальной и мистической окраской <...> Голицын в сущности никогда не знал "ни православия, ни кривославия"; с большим легкомыслием он брался объяснять самые сложные богословские вопросы и создал себе своеобразный пантеон, в котором уживались верования самых непримиримых религий и сект <...> Он постоянно искал "излияния Святого Духа" и откровений, вечно гонялся за пророками и пророчицами, за знаменами и чудесами: <...> то исцелял бесноватых, то удостоивался в мистическом экстазе испытать подобие страданий Спасителя от игл тернового венца» [9, с. 588].

Опорой Голицына стали новый попечитель Московского учебного округа и глава Московского цензурного комитета в 1817–1825 гг. кн. А.П. Оболенский, попечитель СПб учебного округа, председатель СПб цензурного комитета С.С. Уваров и сменивший его в 1821 г. еще более реакционный Д.П. Рунич. Голицын был бессменным президентом Петербургского библейского общества, которое высочайшим повелением от 4 сентября 1814 г. было переименовано в Российское, а дата его основания внесена в месяцеслов [29. Оп. 87. Д. 16. Л. 1–2]. В состав управляющего Комитета, работавшего в доме Голицына, входили министры и сановники. Ежегодно устраивались торжественные собрания в Таврическом дворце. В 1816 г. император подарил Обществу дом в Михайловском саду [27. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–20], где была устроена типография. К 1824 г. оно имело 89 отделений в России, издав 876 тыс. экземпляров Библии на 43 языках (при среднем тираже книг в то время 800–1200 экз.). К 1822 г. приход только петербургского отделения общества равнялся 2.816.293 р. [25]. Эта сумма составляла 11,9 % морских расходов государства, 16,4 % от содержания двора, 20,7 % от содержания МВД, 41,4 % от содержания Министерства духовных дел и народного просвещения [21. Д. 435. Л. 1–2].

Без принадлежности к Библейскому обществу не было хода ни по службе, ни при дворе. Проповедь благочестия, лицемерие и ханжество стали необходимым служебным качеством.

На собраниях Библейского общества рядом с петербургским митрополитом Филаретом сидели католический епископ, лютеранские и англиканские проповедники [2]. Библейское общество призвано было «объединить представителей различных религиозных верований и направить все их силы, как говорил Голицын, на "многопросвещенных" врагов» [20, с. 114].

Высочайшим указом от 24 октября 1817 г. Министерство просвещения и Духовное ведомство были слиты в единое Министерство духовных дел и народного просвещения (МДДиНП) во главе А.Н. Голицыным, который к тому же оставался главой Библейского общества. Это позволило начать стремительную «христианизацию» народного образования. Во всех учебных заведениях были введены обязательные ежедневные чтения Нового завета [29. Оп. 87. Д. 7. Л. 1–61] при сохранении в приходских и уездных училищах уроков Закона Божия. В 1819 г. этот предмет был введен и в программы гимназий, а естественная история, философские науки, эстетика, начала политэкономии, коммерции и технологии исключены из гимназического курса [29. Оп. 87. Д. 46. Л. 1–13; Оп. 89. Д. 11. Л. 1–20]. Во всех университетах появились кафедры богословия [29. Оп. 89. Д. 9. Л. 1–4].

Знаменосцем «крестового похода» против Просвещения стал Михаил Леонтьевич Магницкий. Выпускник Благородного пансиона Московского университета, он в период «либерального курса» был атеистом, носил якобинскую дубинку и бляху с надписью «Droit de l'homme» («Право человека»), сочувствовал деятельности негласного комитета. После Тильзита он стал ярким сторонником Наполеона, конституционной монархии английского образца и ближайшим сотрудником М.М. Сперанского. Падение Сперанского увлекло за собой и его. До 1816 г. Магницкий находился в административной ссылке в Вологде. К этому времени он превратился в пример набожности и благочестия, заслужив благоволение Голицына. Магницкий стал Симбирским губернатором, основателем и главой местного Библейского общества [17, с. 478–491, 639–659]. От студентов он требовал воздержания, соблюдения постов и обрядов, чтобы каждый имел при себе Библию, Новый завет и Псалтырь.

После Указа о роспуске Библейского общества (1824) он стал главным гонителем своего же детища. Вместо былой набожности Магницкий стал поощрять ночные университетские балы и маскарады, куда приглашалось до 500 дам. Как характеризовал его А.Ф. Воейков,

Я за должность – христианин
Я за орден – мартинист
Я за землю – мусульманин
За аренду – атеист.

М.Л. Магницкий потратил свыше 300 тыс. руб. из бюджета Казанского университета, не представив финансового отчета; назначал профессорами лиц, не имевших ученых степеней; за шесть лет ни разу не выезжал в подчиненный ему Казанский учебный округ и университет, управляя ими из Петербурга. Его оружием были политические доносы, они же погубили его карьеру. После смерти Александра I, разбирая бумаги брата, Николай I обнаружил донос Магницкого о том, что вел. кн. Николай Павлович поощряет «вредных профессоров, изгоняемых правительством» [20, с. 111].

В 1819 г., изучив конфискованные у всех студентов конспекты, Магницкий потребовал публичного разрушения Казанского университета как рассадника вольнодумства. Император поручил ему ревизию университета. В результате было уволено более половины профессоров, разорена библиотека, десятки студентов сданы в солдаты, введен казарменный режим, и за семь лет не было напечатано ни одного научного труда. Магницкий учредил должность директора по экономической, полицейской и нравственной части, дав ему «инструкцию», согласно которой древние языки должны изучаться по писаниям святых отцов; история начиналась с христианства; вместо римского права введено византийское; философские учения велено излагать в духе апостольских посланий, а политические науки – на основе Ветхого завета. В преподавании всех наук утвердился «дух святого Евангелия», «языческие» понятия были заменены «христианскими». Например: «Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви, через ходатая Бога и человеков, соединившего горнее с дольным, небесное с земным» [39, с. 71]. При этом типографию Казанского университета Магницкий предлагал передать Магометанскому духовному управлению [29. Оп. 87. Д. 143. Л. 1–5].

В 1821 г. жертвой подобной ревизии стал Петербургский университет. Еще 22 марта 1818 г. попечитель СПб учебного округа Сергей Семенович Уваров произнес речь в торжественном собрании Главного педагогического института о пользе просвещения и высказал надежду на превращение института в университет. В январе 1819 г. он обратился с этим предложением к императору, получил согласие, и 14 февраля 1819 г. на торжественном открытии Университета произнес «ультралиберальную речь, за которую впоследствии сам себя посадил бы в крепость» [6, с. 246].

Уваров ратовал за «введение основательного классического образования» [40]. Звучит прогрессивно и либерально, поскольку в речи нет комментариев по этому поводу. На деле Уваров имел в виду созданную им позднее систему мертвящего «педагогического классицизма»: 1) абсолютное преобладание гуманитарных наук над всеми остальными; 2) абсолютное господство древних языков, ан-

тичной истории и словесности; 3) исключительно репродуктивные методы обучения, направленные на заучивание информации; 4) целенаправленное исключение из преподавания предметов, тем и сюжетов, способных вызвать невыгодные аналогии с современным состоянием России; 5) «распространение здравых начал нравственности, на религии утвержденных». «Либерализм» состоял в реальной заботе о материальном обеспечении учебного процесса и в признании принципов университетского самоуправления.

С.С. Уваров всегда был «флюгером» с медленной реакцией. Вероятно, его ввели в заблуждение либеральные жесты в области народного образования, подобные политическим демаршам императора в условиях усиливавшейся реакции. В 1817 г. был открыт Благородный пансион при Главном педагогическом институте – закрытое заведение для потомственных дворян с четырехлетним сроком обучения по углубленной гимназической программе (из 49 учеников, поступивших в 1817 г., полностью прошли курс 8) [42. Оп. 1. Т. 1. Д. 1761. Л. 1–41]. В январе 1819 г. в Одессе был основан Ришельевский лицей, на содержание которого императорским указом выделялся кредит Министерства финансов в 300 тыс. р. и часть сумм, получаемых одесским портом от экспорта хлеба. Тогда же была реорганизована в лицей Волынская гимназия.

К 1819 г. у Уварова появился конкурент – Дмитрий Петрович Рунич. Сын Владимирского гражданского губернатора, он недолго служил в Семеновском полку, выйдя в отставку (1797) в звании прапорщика. В юности участвовал в масонских ложах, где его наставниками были Н.И. Новиков и А.Ф. Лабзин [14, с. 52–53]. В 1813 г., когда Рунич был заместителем начальника почтового ведомства в Москве, министр внутренних дел О.П. Козадавлев обвинил его в присвоении казенных денег. Но в 1815 г. Рунич написал «слезницу» на высочайшее имя о своих заслугах и убытках во время войны и был вскоре произведен в действительные статские советники, получив ссуду в 40 тыс. руб. [18, с. 267–273]. 17 февраля 1818 г. он обратился к Голицыну с просьбой назначить его членом Главного правления училищ. Последний поддержал Рунича, увидев в нем возможную замену Уварову, который слишком увлекался античностью в ущерб христианству и критиковал действия Магницкого в Казанском университете. 1 марта 1819 г. А.Н. Голицын намекнул об этом во всеподданнейшей записке. Неделью спустя император подписал указ о назначении Рунича членом Главного правления училищ [12. Оп. 2. Д. 95. Л. 73].

Тем временем Уваров отдавал должное официальным веяниям. Он распорядился купить каждому студенту Евангелие за счет университета [41. Оп. 1. Т. 1. Д. 227. Л. 1] и запретил принимать в студенты лиц моложе 17 лет [41. Оп. 1. Т. 1. Д. 114. Л. 1]. При под-

держке Уварова профессор Я.В. Толмачев перевел «Похвальное слово Траяну». Оно было поднесено императору и тот, оценив выгодные для себя аллюзии, наградил переводчика бриллиантовым перстнем [37, с. 713–714].

Летом 1820 г. последовало предписание министра А.Н. Голицына «О немедленном прекращении беспорядков в учебных заведениях». Видимо, это была перестраховка от возможного гнева императора, поскольку неясно, в чем конкретно проявлялись «известные вам беспорядки». Уваров дал предписание своему округу, состоящее из таких же начальственных угроз и, получив с мест рапорта в столь же аморфных выражениях, отчитался о выполнении директивы [42. Оп. 1. Т. 1. Д. 2405. Л. 1–4]. В такой ситуации в январе 1821 г. произошло выступление воспитанников Благородного пансиона Петербургского университета, спровоцированное увольнением по политическим мотивам их любимого гувернера В.К. Кюхельбекера. Воспитанники устроили обструкцию назначенному на его место Ленинскому. «Требование о возвращении Кюхельбекера сопровождалось активными действиями против надзирателей, вплоть до избияния одного из них, и сооружением в классе баррикад» [15, с. 41].

26 февраля 1821 г. ряд воспитанников, в том числе Л.С. Пушкин, были исключены из пансиона. Разбирательство инцидента приклеило ярлык «неблагонадежных» ведущим преподавателям: А.И. Галичу (логика и нравственная философия), А.П. Куницыну (право), Э.-В. С. Раупаху (история философии, немецкий, французский, латинский, греческий языки), Д.С. Чижову (политэкономия), К.Ф. Герману (российская статистика, инспектор классов при Обществе благородных девиц), К.И. Арсеньеву (география, статистика, древняя история). А.П. Куницын и либеральный инспектор А.А. Линдквист были уволены. Исполняющим обязанности директора Благородного пансиона назначили Я.В. Толмачева [29. Оп. 20. Д. 259. Л. 1–5; 41. Оп. 3. Т. 1. Д. 128. Л. 1]. С.С. Уваров протестовал, но в апреле 1821 г. был вынужден подать прошение об отставке по болезни, а в мае попечителем СПб учебного округа стал Д.П. Рунич.

Следствием было «снижение уровня обучения: к середине 1820-х гг. Благородный пансион уже мало отличался от второразрядных частных пансионов. Среди учителей было распространено взяточничество» [1, с. 78]. Класс химии закрыли как «не нужный» [42. Оп. 1. Т. 2. Д. 3350. Л. 1–2]. Одновременно взялись за Первую Санкт-Петербургскую гимназию (Петер-шуде). Еще Уваров отдал один ее флигель под тюрьму, а Рунич добавил кладовую. Зловещая абсурдность такого соседства была очевидной, и флигель вскоре

вернули гимназии [42. Оп. 1. Т. 2. Д. 2412. Л. 1–10; Д. 2721. Л. 1–2; Д. 2986. Л. 1–7; Д. 3005. Л. 1–6].

Поводом для продолжения репрессий в Санкт-Петербургском университете послужила публикация в «Сыне отечества» книги А.П. Куницына «Право естественное», получившей положительные отзывы ректора, профессора политических и юридических наук М.А. Балугьянского и директора Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардта. Рунич признал книгу «сбором пагубных лжеумствований», где «происхождение верховной власти прослеживалось не от Бога, а от соглашения между людьми» [12. Оп. 3. Д. 12. Л. 3–4]. Куницын был уволен из университета; Балугьянский – с поста ректора, но пока оставлен профессором; вместо избираемого ректора административно назначили Д.А. Кавелина [41. Оп. 3. Т. 1. Д. 108. Л. 1–2; 42. Оп. 1. Т. 2. Д. 2640. Л. 1–19]. 19 сентября 1821 г. были отстранены от чтения лекций профессор Арсеньев Галич, Герман и Раупах [41. Оп. 1. Т. 1. Д. 290. Л. 1]. 22 сентября Рунич по примеру Магницкого конфисковал у опальных профессоров тексты лекций и тайно собрал конспекты студентов с целью их идеологической проверки [41. Оп. 1. Т. 1. Д. 290-а. Л. 1].

30 октября 1821 г. состоялось чрезвычайное собрание конференции Петербургского университета, а 3, 4 и 7 ноября Рунич и Кавелин устроили судилище над передовыми профессорами. «Профессоры университета разделились на две стороны – белую и черную <...> Первые придерживались своего мнения и выражали оное по искреннему убеждению, по долгу правды и чести; последние – по зависти, подлости и желанию выслужиться у начальства» [6, с. 246–247]. Согласно Н.И. Гречу, на «белой стороне» были М.А. Балугьянский, П.Д. Лодий (декан философско-юридического факультета), Д.С. Чижов, Ф.Б. Грефе, М.Г. Плисов, Н.И. Бутырский, Соловьев; на черной – отставной поручик, «специалист» по статистике, географии и истории Е.Ф. Зябловский; Я.В. Толмачев, адъюнкт-профессор всеобщей истории Рогов, Попов. В итоге были отстранены от преподавания четыре профессора: А.И. Галич – за то, что в своей книге «История философских систем» подробно излагал основы разных учений, вместо их критики и опровержения с позиций православия; К.Ф. Герман не использовал Священное писание на лекциях по статистике, а К.И. Арсеньев – по геодезии и географии. Э.-В. Раупаха и правоведа М.Г. Плисова обвинили в преподавании новейшей истории на русском языке и в отказе от учебного пособия Роллена и Боссюэта, устаревшего еще во времена М.В. Ломоносова. В 1823 г. Раупаху разрешили уехать за границу, отказав вернуть конфискованный архив и тексты лекций [41. Оп. 3. Т. 1. Д. 276. Л. 1; 42. Оп. 1. Т. 2. Д. 3148. Л. 1–5; 29. Оп. 20. Д. 273. Л. 1–15]. Арсеньеву прекратили выплату жалования и запре-

тили поступать на какую-либо службу до окончания «дела 4-х» [42. Оп. 1. Т. 2. Д. 2912. Л. 1–2; 29. Оп. 20. Д. 289. Л. 1–8]. Бутырский был уволен из Благородного пансиона и заменен Толмачевым. Он подал жалобу, и после долгих интриг должность ему возвратили (при Николае I) [41. Оп. 1. Т. 1. Д. 503. Л. 1; Д. 609. Л. 1; 42. Оп. 1. Т. 2. Д. 3842. Л. 1–10]. В 1823 г. был уволен Галич [42. Оп. 1. Т. 2. Д. 3141. Л. 1–5]; в 1824 г. – Балугьянский, Герман и Арсеньев [29. Оп. 20. Д. 312. Л. 1–39].

7 декабря 1821 г. Д.П. Рунич и Д.А. Кавелин при молчаливом участии и.о. ректора Университета Е.Ф. Зябловского, директора гимназии И.О. Тимковского и инспектора Ф.И. Мидтендорфа устроили расправу над профессором М.Г. Плисовым во время экзамена по естественному праву в Санкт-Петербургской гимназии. Рунич задавал ученикам вопросы, не касающиеся предмета (пересказать наизусть десять заповедей, десятисловие и т. п.), впадал в длинные рассуждения, из которых, «однако ж никто не понял ничего». На попытки Плисова вмешаться Кавелин дважды громко пригрозил вывести его вон. Рунич «все больше заряжался посторонними рассуждениями», грубо прерывая ответы учеников, высказывая суждения «в довольно обидных насчет профессора выражениях о безумии ученых и т. п.». Некоторым ученикам был поставлен ряд разных вопросов одновременно: «Что есть государство? Что есть верховная власть? Каким образом люди оставили естественное состояние? Что такое подчиненность?» Плисов заявил, что эти проблемы относятся не к естественному праву, а к государственному, которое, согласно официальной программе, они еще не проходили. Но Рунич велел ему молчать. Плисову стало дурно, и он покинул аудиторию. Рунич донес министру: «Хотя в тетрадках Плисова не найдено ничего предосудительного, но это самое и доказывает, что он человек вредный, ибо при устном преподавании мог прибавлять, что ему вздумается» [21. Д. 423. Л. 1–6]. Плисова уволили, а естественное право исключили из гимназического курса [29. Оп. 20. Д. 253. Л. 1–3].

Причиной травли Плисова стала поддержка им Галича и его коллег. По тем же мотивам вскоре были уволены создатели кафедры востоковедения французские профессора И.-Ф. Деманж и Ф.-Ф. Шармуа [29. Оп. 20. Д. 254. Л. 1–10; 41. Оп. 1. Т. 1. Д. 305. Л. 1; Оп. 3. Т. 1. Д. 277. Л. 1–3]. Прodelать подобное с профессором латыни и словесности Ф.Б. Грефе и философом-правоведом П.Д. Лодием не удалось потому, вероятно, что первый находился под покровительством императрицы Марии Федоровны и написал ей жалобу о расправе над коллегами [31. Оп. 1. Ч. 1. Д. 204. Л. 1], а второй был известен императору, который являлся крестным отцом его сына [29. Оп. 20. Д. 75. Л. 1–2]. Тем не менее Лодий считал за бла-

го взять длительный отпуск, дав повод лишиться себя заведования кафедрой философии. По возвращении ему пришлось стать преподавателем права. Это его не устраивало, и он подал в отставку [41. Оп. 3. Т. 1. Д. 145. Л. 1; Оп. 1. Т. 1. Д. 448. Л. 1–6; Оп. 1. Т. 1. Д. 466. Л. 1–4]. В итоге «чистки» из Санкт-Петербургского университета было исключено 29 студентов из 59 [29. Оп. 20. Д. 276. Л. 1–79; Д. 288. Л. 1–126]. Новое правление ввело инструкцию Магницкого. С 1824 г. во всех учебных заведениях было запрещено преподавание статистики [42. Оп. 1. Т. 2. Д. 3473. Л. 1–4].

Подобным гонениям в Московском университете подвергся профессор И.-Ф. Буле, в Дерптском – Г.-Ф. Паррот, в Харьковском – И.Е. Срезневский и И.-Г. Шада. Основатель Харьковского университета В.Н. Каразин послал царю жалобу на увольнение и высылку за границу профессора философии И.-Г. Шада, подкрепив ее показаниями других лиц. 20 августа 1819 г. Александр I через А.Н. Голицына объявил В.Н. Каразину выговор за утруждение монарха чтением личной корреспонденции и защиту Шада. Министр приказал «истребовать от статского советника Каразина подписку, чтобы он под опасением жесточайшего наказания не отваживался беспокоить его величество» [33. Оп. 1. Д. 223. Л. 1–10]. Тем временем попечитель Харьковского учебного округа З.Я. Карнеев сам раздавал ученые степени нужным людям. Профессора написали протест, но попечитель приказал их «призвать в Харьковское губернское правление и сделать им строжайший выговор, с подтверждением, что ежели впредь окажут подобное непослушание, то будут преданы суду» [16, с. 288].

Император высоко оценил действия «христианизаторов». 19 ноября 1821 г. университет получил титул «Императорский». Кавелину было пожаловано 3000 десятин земли, Руничу – 5000 десятин на правах аренды и орден св. Владимира 2-й ст. Ставленники Рунича – Е.Ф. Зябловский, А.А. Дегуров, Я.В. Толмачев, переметнувшийся на их сторону Н.И. Бутырский и недосыгаемый для Рунича Ф.-Б. Грефе получили денежное вознаграждение и право занимать кафедры по совместительству [29. Оп. 20. Д. 237. Л. 1–13; Д. 274. Л. 1–18; Д. 292. Л. 1–3]. Экстраординарные профессора Бутырский, Щеглов и Шнейдер стали ординарными, а письмоводитель Рунича получил в награду 2000 руб. [41. Оп. 1. Т. 1. Д. 449. Л. 1–3; Оп. 3. Т. 1. Д. 282. Л. 1–2].

К 1823 г. Библейское общество и министерство Голицына обрели решающее идеологическое и политическое влияние, но по сути обе структуры являлись узаконенным сектантством, нарушая прерогативы православной церкви. «Составилась партия антиголицынская, ничем не лучше в нравственном отношении <...> ее составляли петербургский митрополит Серафим, отданный преос-

вященным митрополитом Московским Платоном из семинаристов в монахи, чтоб спасти его от позорного наказания за какое-то мерзкое преступление; петербургский обер-полицмейстер пьяный Иван Васильевич Гладков; сестра его, игуменья казанского женского монастыря Назарета, Прасковья Михайловна Нилова, урожденная Бакунина, и еще некоторые особы, собиравшиеся у вдовы Державина» [6, с. 256]. Во главе церковных оппозиционеров встал архимандрит Фотий. Среди мистиков он имел сеть осведомителей, скупал и жег их издания, чтобы не разошлись в публике, вел ханжескую переписку с А.Н. Голицыным и А.Ф. Лабзиным, пытаясь выявить их агентов в своем окружении. Фотия поддерживали влиятельные сенаторы и страстные ура-патриоты Н.С. Мордвинов и А.С. Шишков. Втроем они склонили на свою сторону А.А. Аракчеева, который видел в Голицыне главного конкурента в борьбе за влияние на императора.

К этому времени европейское революционное движение было подавлено, а Священный союз из-за греческого вопроса дал трещину. В таких условиях Александр I перешел к поддержке официального православия. Еще в конце 1821 г. из столицы были высланы Б.-Ю. Крюденер и ее секта, поскольку она «проповедовала грядущее мистическое торжество русского царя в стенах храма Святой Софии» [10, с. 335] и после того, как царь предал греков. В июле 1822 г. из Михайловского замка выселили секту Татариновой. В мае 1824 г. Синод усилиями Аракчеева и Фотия добился отставки А.Н. Голицына и упразднения МДДИНП. Деятельность Российского библейского общества прекратилась. Официально оно было закрыто указом Николая I от 12 апреля 1826 г.

«С победой Фотия и Шишкова над Голицыным... можно считать, победила идея "православия и народности"» [24, с. 101]. Политика правительства в области народного образования показывала лживость формулы «сначала Просвещение, потом реформы». В 1802 г. в Петербургской губернии (самой образцово-показательной) было 2003 учебных заведения, в 1810 г. – 2482, а к 1824 г. – 1341 [4, с. 116] – на 40 % меньше, чем в павловское время. В 1813 г. приказом министра народного просвещения было запрещено принимать в гимназии «детей несвободных состояний» без специального разрешения министра. К 1825 г. из 553 губернских и уездных городов России 131 город не имел ни одной школы [8, с. 183].

При А.С. Шишкове, сменившем А.Н. Голицына на посту министра народного просвещения (1824–1828), ничто не изменилось. «Гасильник» – Шишков заявлял: «Обучить грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы» [цит. по: 13, с. 335]. В условиях неуклонного усиления цензурного гнета, реакционного пересмотра программ

гимназий и университетов, резкого сокращения или запрещения преподавания естественного, римского, современного права, философии, статистики, новой истории и словесности высшее гуманитарное образование в России становилось фикцией. Целенаправленное удушение просвещения позволяло правящему режиму отказаться от либеральных реформ под предлогом непросвещенности народа. Это вело к окончательному разочарованию в идее «просвещенного» абсолютизма. Без свержения существующего строя просвещение казалось невозможным. Перед поборниками просвещения возникла невеселая альтернатива: лояльность к государственному порядку, преступному по отношению к просвещению, или переход на позиции бунтарского романтизма и декабризма, преступные по отношению к этому государственному порядку и таящие для просвещения угрозы не меньшие, пусть и иного рода.

Список литературы

1. Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря: в 2 т. – СПб., 2003. Т. 1.
2. Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. – Саратов, 2002.
3. Высылка из России членов «Общества свиней» в 1824 г. // Русская старина. – 1881. – Т. 31.
4. Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа. – СПб., 1854.
5. Вяземский П.А. Из старой записной книжки // Русский архив. – 1874. – Т. 7. – Кн. 2.
6. Греч Н.И. Записки о моей жизни. – М., 2002.
7. Дружинин Н.М. Декабрист И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа // Дружинин Н.М. Избр. тр.: революционное движение в России в XIX в. – М., 1985.
8. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
9. Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты. По изд. вел. кн. Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». – СПб., 1996.
10. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII–первой трети XIX века. – М., 2004.
11. Из записок юрьевского архимандрита Фотия о скопцах, хлыстах и других тайных сектах в Петербурге в 1819 году // Русский архив. – 1869. – 1873. – Кн. 2.
12. Институт русской литературы (ИРЛИ). ОР. Ф. 263.
13. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. – Пг., 1915.
14. Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России в первой четверти XIX века. – СПб., 2005.
15. Косачевская Е.М. Н.Д. Маркович. 1804–1860. – Л., 1987.
16. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. – М., 1993–1994. – Т. 2. – Ч. 2.
17. Михаил Леонтьевич Магницкий, новые данные к его характеристике, 1812–1844 гг. // Русская старина. – 1875. – Т. 14.

18. Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году. Документы архива Министерства народного просвещения, собранные и изданные под ред. К. Военского. – СПб., 1912.
19. «Общество свиней» и изгнание его членов за границу в 1824 г. // Русская старина. – 1881. – Т. 30.
20. Окунь С.Б. История СССР: лекции. Ч. 2. (1812–1825). – Л., 1978.
21. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) ф. 542.
22. ОР РНБ. ф. 874.
23. Отправка молодых педагогов за границу в 1816 году. Инструкция // Русская старина. – 1880. – Т. 29.
24. Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. – М., 1975.
25. Пыпин А.Н. Российское библейское общество // Вестн. Европы. – 1868. – № 8.
26. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М., 1956–1958. Т. X.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). ф. 470.
28. РГИА. ф. 497.
29. РГИА. ф. 733.
30. РГИА. ф. 736.
31. РГИА. ф. 759.
32. РГИА. ф. 777.
33. РГИА. ф. 1101.
34. РГИА. ф. 1673.
35. Сообщение редактора // Журн. Департамента народного просвещения. – 1821. – Ч. 1 (январь). С. 67–83; февраль. – С. 154–161.
36. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: в 2 т. – СПб., 1889. – Т. 2.
37. Толмачев Я.В. Автобиографическая записка // Русская старина. – 1892. – Т. 75.
38. Толстой Ф.П. Записки... 1788–1873 // Русская старина. – 1873. – Т. 7.
39. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: курс лекций. – М., 1997.
40. Уваров С.С. Речь, произнесенная в чрезвычайном собрании Конференции Главного педагогического института 14 февраль. 1819 г. // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности». – Т. 1. – С. XVIII–XIX.
41. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). ф. 14.
42. ЦГИА СПб. ф. 139.

М.Д. Масанова

Образовательная деятельность православной церкви и монастырей в России в первой половине XIX в.

Деятельность Духовного ведомства по образованию крестьянских детей была направлена, в первую очередь, на борьбу с раскольниками. Школы открывались при монастырях и церквях для крестьянских детей поселян. Постепенно сформировались основные правила деятельности церковно-приходских школ, они дополняли школы ведомств (например, Министерства государственных имуществ). Приходские священники сыграли большую роль в образовании крестьянских детей, выступая в качестве учителей.

The function of the Spiritual Department for the education of peasant children was aimed, in the first place, to the struggle with the schismatics. Schools were opened in monasteries and churches for children of peasant villagers. Gradually the basic rules of the Church parish schools were formed; they complemented the schools of the departments (e.g. the Ministry of State Property). Parish priests played an important role in the education of peasant children, acting as teachers.

Ключевые слова: религиозное образование, приходские священники, крестьянские дети, церковно-приходские школы.

Key words: religious education, parish priests, peasants' children, the Church-parish schools.

Развитие России требовало развития просвещения не только в городах, где были открыты приходские городские училища, но и в сельской местности. В первой половине XIX в. образование и религия являлись двумя взаимосвязанными средствами умственного и нравственного развития человека в духе верности не только православному вероучению, но и «любви к своей Родине, к своему народу» [1, с. 5; 10, с. 7]. В то же время следует заметить, что развитие образования в сельской местности было связано с целым рядом проблем, так как существовавшая система начального образования не предполагала обучения крестьянских детей. При этом необходимо учитывать и такой важнейший фактор, как сохранение крепостного права в стране в рассматриваемый период.

Попытки Духовного ведомства организовать школы при церквях и монастырях для детей поселян до 30-х гг. XIX в. практически не давали ощутимого результата. Значимым событием стал указ Св. Синода от 20 октября 1836 г., который утвердил «Правила касательно первоначального обучения поселянских детей». В докумен-

те, в частности, говорилось о привлечении православного духовенства к повсеместному открытию школ для детей поселян, так как «первоначальное образование поселянских детей есть обязанность приходского духовенства». Можно согласиться с рядом исследователей в том, что это были первые правила церковно-приходских школ, которые определили основные принципы их деятельности:

- первоначальное обучение поселянских детей является обязанностью приходского духовенства, которое должно использовать эту возможность для воспитания детей «в вере и благочестии»;

- церковно-приходские школы должны были открываться только в тех селениях, где не было приказных училищ других ведомств;

- эти учреждения должны были открываться по возможности при монастырях мужских для детей мужского пола и при монастырях женских для детей женского пола;

- обучение могло проводиться в доме священнослужителя или домах притча и осуществляться священнослужителем, дьяконом или причетником;

- обучение было бесплатным и включало чтение церковных книг и книг гражданской печати и, по желанию, обучение письму, началам арифметики и Закону Божьему;

- дети в обязательном порядке приучались к службе в храме;

- обучение длилось с 1 сентября до 1 мая, всё остальное время объявлялось каникулярным;

- в процессе обучения использовались учебники и иные книги, принятые в духовных училищах, которые приобретала церковь;

- контроль над деятельностью школы осуществлялся благочинным.

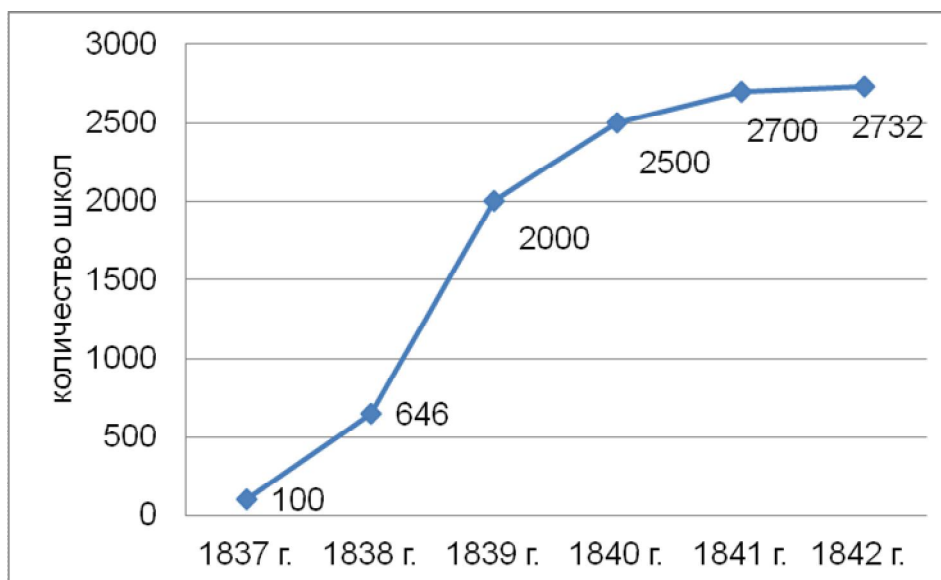
В 1837 г. Синод под давлением правительства активизировал свою деятельность по искоренению раскола. Одним из важнейших направлений этой деятельности было повсеместное открытие при монастырях и приходских церквях школ для детей раскольников, функционирование которых должно было осуществляться в соответствии с рассмотренными выше правилами обучения «поселянских» детей.

Первоначально предполагалось открывать школы лишь в селениях, где проживали раскольники, поскольку основная задача таких школ состояла в том, чтобы утверждать в народе православную веру. Возможно, что рост числа школ, открываемых при монастырях и приходских церквях, скорее говорил об усердии духовного начальства в борьбе с расколом, нежели о желании обучать детей грамоте.

В отчетах епархий за 1837 г. задачами образования в сельской местности становится повсеместное открытие школ при монастырях и приходских церквях для детей монастырских служащих и поселян казенных сел в целях «... утверждения в народе православной веры

и необходимого для народа образования» [2, с. 30]. Если Духовное ведомство сообщало об открытии в 1837 г. около 100 школ [2, с. 31], то уже в 1838 г. по отчету епархий их было открыто 646, в том числе: в Пензенской – 52, Вятской – 154, Пермской – 136, Тамбовской – 67, Рязанской – 30, Тверской – 55, Смоленской – 31, Архангельской – 54, Московской – 49 и 18 – при монастырях [3, с. 23–24]. Таким образом, после 1837 г. учащимися духовных школ, возможно, становятся дети казенных крестьян.

Количество школ по отчетам епархий стремительно росло, и к 1839 г. было открыто уже 2000 церковно-приходских школ в епархиях, в которых 2586 наставников обучали 19 тыс. детей [4, с. 30–32]. В дальнейшем рост количества школ для детей монастырских служащих и поселян продолжился, хотя в начале 1840-х гг. уже и не был столь стремительным, как ранее (рисунок). Таким образом, в среднем на одного наставника приходилось около семи учащихся, а в каждой школе обучалось в среднем 10 учащихся.

Динамика количества церковно-приходских школ в епархиях при монастырях и церквях для детей монастырских служащих и поселян (1837–1842)

Школы при монастырях и приходских церквях стали «...важным средством духовного просвещения паствы», что позволяло им не только давать общее понятие о православной вере, но и «первоначально необходимые для каждого познания в чтении, письме и счислении», что должно было стать, по мнению Св. Синода, надежной защитой «... от невежества расколов» [5, с. 31–32].

Устав духовных консисторий 1841 г. вменял в обязанность епархиальному начальству помогать приходскому духовенству открывать при церквях училища «... в виде простом и приспособленном к народному быту...» для обучения детей поселян чтению,

письму, молитвам и началам Катехизиса и училища при мужских монастырях для мальчиков, при женских – для девочек. Об их деятельности необходимо было сообщать в Св. Синод [7, ст. 14409].

В отчетах обер-прокурора Св. Синода количество школ при монастырях и приходских церквях всегда указывалось с пометкой «кроме приходских училищ МГИ». Школы были бесплатными, существовали на пожертвования прихожан и священнослужителей. Если священнослужители не могли уделять время обучению детей, зачастую это делали причетники, которые в осенне-зимний период ходили по домам или собирали детей в домах церковных старост и обучали их «начальным истинам веры...» [6, с. 24–25].

С 1842 г. на местных священников, если их было более одного, или, если это было удобно по делам самого прихода, возлагалось обучение крестьянских детей в имениях Министерства государственных имуществ [8, ст. 15794]. Безусловно, приходские училища МГИ отличались от школ при монастырях и приходских церквях, так как их цель состояла не только в распространении православия, но и в подготовке грамотных крестьян, способных работать в казенных палатах. Поэтому сравнивать деятельность школ при монастырях и приходских церквях и приходских училищ МГИ без учета всех особенностей их деятельности невозможно.

В отчетах Духовного ведомства сообщалось, что по данным епархий к 1842 г. при церквях и монастырях в 34 губерниях России было открыто 147 временных волостных училищ, в которых обучалось приходскими священниками на общественный счет 6294 и на собственные средства 2812 мальчиков [9. Л. 25].

Цель открытия школ при монастырях для детей служителей и прочих детей была определена – борьба с расколом, и можно говорить об их особом влиянии на процесс распространения грамотности среди государственных крестьян.

Непродолжительность деятельности многих церковно-приходских школ объяснялась различными обстоятельствами: низким уровнем образования членов притча, которые привлекались к преподаванию; патриархальным сознанием крестьян, которые не отпускали детей в школу; отсутствием возможностей священнослужителей обучать детей из-за занятости делами прихода.

Очень сложно определить практическую значимость указа Св. Синода о «Правилах касательно первоначального обучения поселенских детей» 1836 г. и Устава духовных консисторий Св. Синода 1841 г. для распространения грамотности среди детей казенных крестьян, так как результаты анализа архивных материалов и научной литературы показывают противоречивость данных о числе открытых церковно-приходских школ духовным ведомством самостоятельно. Необходимо заметить, что церковно-приходские школы при монастырях и церквях должны были открываться только в тех селениях, где не было приказных училищ других ведомств.

Можно предположить, что в отчетах епархий до 1842 г. не проводилось различия между церковно-приходскими школами духовного ведомства, которых было немного, и обучением крестьянских детей по просьбе ведомств приходскими священниками в приходах. Ведомство государственных имуществ было заинтересовано в подготовке низших чиновников для палат, особенно волостных писарей. Поэтому оно организовывало их подготовку различными методами, приглашая в качестве наставников приходских священников, которые были единственными претендентами на должность сельского учителя. Одновременно духовное ведомство для борьбы с расколом использовало приходских священников в качестве наставников, которые при желании родителей обучали крестьянских детей элементарной грамотности в школах при монастырях и церквях.

Таким образом, первая половина XIX в. стала временем активизации деятельности православных церквей и монастырей по обучению крестьянских детей чтению, письму, счету и богословию. Важную роль в этом процессе сыграла позиция Св. Синода и повседневная деятельность приходских священников. Несмотря на имевшиеся трудности, в стране росло число школ при монастырях и приходских церквях и вместе с тем, хотя и крайне медленно, распространялась грамотность среди крестьян.

Список литературы

1. Вишленкова Е.А. Духовная школа в России первой четверти XIX в. – Казань, 1998.
2. Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1837 г. – СПб., 1838.
3. Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1838 г. – СПб., 1839.
4. Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1839 г. – СПб., 1840.
5. Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1844 г. – СПб., 1845.
6. Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1849 г. – СПб., 1850.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т. XVI.
8. ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XVII.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 20. Д. 26810.
10. Скворцов В.Н. Гражданственность и патриотизм как важнейшие составляющие общественного сознания (из опыта работы Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина) // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремко. – СПб., 2012.

Е.С. Данович

**Народные чтения и тверское земство
(страницы из истории борьбы с крестьянской
неграмотностью в дореволюционной России)**

В статье дается характеристика деятельности Тверского земства по организации народных чтений. Обращается внимание на значительную роль подобных «народных развлечений» в образовании крестьянского населения края.

The article describes the activities of Tver Zemstvo on the organization of public readings. The author draws attention to the significant role of these «popular entertainment» in the education of the peasant population of the region.

Ключевые слова: пореформенная Россия, народное образование, школьное дело, земские деятели, тверское земство, народные чтения.

Key words: post-reform Russia, public education, schooling, Zemstvo figures, Tver Zemstvo, public readings.

Народные чтения являлись частью системы внешкольного образования, развивавшейся в пореформенной России и включавшей в себя ряд существующих, «кроме правильно организованной повседневной школы для детей, <...> способов для распространения просвещения», таких как школы воскресные, повторительные классы, народные читальни, библиотеки школьные, бесплатные народные, городские публичные, при управах, общественных учреждениях, частные платные, и организация продажи книг [3, с. 7]. Основной целью всех этих мероприятий было предотвращение очень часто встречавшегося рецидива неграмотности, когда выпускники начальных народных школ разучивались писать и читать [3, с. 7], не находя применения полученных знаний в жизни. При этом народные чтения с использованием «туманных» картинок охватывали наибольшую аудиторию, на которую могли влиять самым непосредственным образом. Естественно поэтому, что они находились под постоянным бдительным контролем правительства.

Начиная с 1871 г. они разрешались, по мнению П.Н. Милюкова, «как средство отвлечь рабочих от революционной пропаганды, <...> только в Петербурге, только по брошюрам, специально для этого отобранным, и только лицам, вполне благонадежным политически» [9, с. 142]. По изданным 24 декабря 1876 г. «Правилам об устройстве народных чтений» они могли проходить в губернских городах ка-

ждый раз с разрешения министров внутренних дел, народного просвещения и обер-прокурора Синода по сочинениям, одобренным Ученым комитетом Министерства просвещения [9, с. 142]. Согласно следующим правилам от 15 мая 1890 г. они должны были производиться вне школы, с разрешения губернатора и по особому каталогу (тому же, что и для бесплатных народных библиотек), а к участию в их проведении допускались лишь преподаватели учебных заведений.

Губернские земства начали ассигновать средства на проведение чтений сначала в городах, а потом в селениях, главным образом, с середины 1890-х гг. (Полтавское, Нижегородское, Тамбовское, Харьковское, Вятское) [2, с. 230]. Как отмечал в 1909 г. Б.Б. Веселовский, «в данном направлении сделано очень мало» из-за «стеснительных условий, которыми обставлено разрешение чтений» [2, с. 230]. Среди губернских земств первым, обратившимся к проведению чтений, стало Тверское, традиционно лидировавшее во многих сферах народного просвещения благодаря преобладанию либерально настроенных гласных, убежденных в возможности изменения сознания, а затем и жизни народа через просвещение.

Вместе с тем инициатива устройства первых чтений в Твери в 1881 г. принадлежала не земству, а кругу частных лиц. На следующий год они избрали, ради придания чтениям более серьезной и прочной организации, особую распорядительную комиссию для непосредственного заведования делами читальни и руководства ведением самих чтений. В ее состав вошли директора и преподаватели тверских учебных заведений, директор народных училищ, представители земств, врачи. Председателем комиссии стал директор гимназии П.Ф. Фрезе, секретарем и казначеем – преподаватель гимназии К.В. Чернышева, библиотекарем – преподаватель реального училища Н.И. Розова [2, с. 230].

В последующие годы деятельностью читальни руководила «группа лиц, образовавшаяся из среды преподавателей Тверских учебных заведений» [11, с. 345]. С 1887 по 1909 г. заведовал читальней преподаватель реального училища и школы Максимовича Леонид Антонович Колаковский, принимавший «живое участие в делах читальни со времени ее учреждения» и ставший душой организации чтений [11, с. 345]. Заведующий ежегодно составлял обстоятельный отчет о ходе чтений и об израсходовании ассигнованных губернским земством сумм, печатавшийся в докладах управы.

Редакционная комиссия губернского земства сразу отнеслась к чтениям с большим сочувствием и постоянно выделяла на их нужды средства. В 1895 г. комиссия, рассмотрев отчет о Тверской народной читальне, высказалась за придание ей общегубернского значения, «так как она обладает очень ценным имуществом <...> и

оказывает им помощь другим подобным учреждениям» [3, с. 7]. На следующий год по докладам Л.А. Колаковского и губернской управы об оказании содействия уездам в деле организации народных чтений редакционная комиссия в качестве наиболее целесообразного способа помощи уездным земствам указала на увеличение средств читальни, чтобы дать ей возможность снабжать уездные чтения нужными картинами. В течение 1890–1900-х гг. проходило по 23 чтения в год при среднем числе посетителей в 300 чел. [7, с. 18].

Чтения, включавшие в себя две части: 1) духовную – беседа, проводившаяся поочередно законоучителями гимназий и приходскими священниками (а 4 раза в неделю пел хор певчих), 2) светские чтения – проходили по воскресным и праздничным дням в особом помещении, отведенном для них городской думой [11, с. 347].

Главный контингент слушателей состоял из городских жителей, фабричных рабочих и крестьян близлежащих деревень, собиравшихся в базарные дни в городе, мелких торговцев и солдат. Таким образом, городские чтения способствовали общению между сословиями, что расширяло кругозор пришедших на них, а значит, выполняло важнейшую просветительскую функцию. Разнообразие аудитории, охватываемой чтениями, свидетельствовало о широком и достаточно универсальном ассортименте читальни.

Посещались чтения в течение года неравномерно. Наименьшая посещаемость отмечалась в летние, последние весенние и начальные осенние месяцы, что было связано с сельскохозяйственными работами, наибольшая – с конца октября по Пасху. В это время «набиралось столько посетителей, что большое помещение читальни наполнялось ими» [8, с. 19]. На количество посещений влияли, конечно, и эпидемии.

Что касается содержания, то явное предпочтение отдавалось чтениям общественно–бытовым и историческим, интересовавшим слушателей благодаря тематике и широкому выбору книг, доступных по языку и форме изложения. Организовывались также чтения географические, литературные и естественно-исторические.

Надо сказать, что аудитория начинала меняться под регулярным воздействием чтений. Если, по наблюдениям устроителей, в первые годы самые интересные чтения «могли слушать со вниманием минут 20–30, после чего начинался шум: постукивания ногами, перешептывания, привставания или уход из читальни целыми партиями, что часто сильно затрудняло продолжение чтений, поэтому чтения выбирались самые короткие, а длинные сильно сокращались», то в последующем вызвавшее интерес чтение прослушивалось с полным вниманием до конца, если оно продолжалось даже больше двух часов. Очевидно, – делали вывод устроители, – «слу-

шатели, посетив несколько раз читальню, приучились подольше сосредоточивать свое внимание» [11, с. 350]. Таким образом, чтения не только давали огромное количество новой информации широким слоям населения, но и развивали их способности к ее восприятию, именно этим в наибольшей степени способствуя просвещению народа.

Однако с 1901 г. деятельность читальни заметно сократилась, а в 1904 г., когда она лишилась помещения в гимназии, чтения совершенно прекратились. Тверская народная читальня закрылась в 1909 г., когда после отказа от заведования складом пособий для чтений Л.А. Колаковского собрание решило передать его в ведение земской женской учительской школы им. П.П. Максимовича «в виду изъявленного советом школы согласия заведовать складом» [4, с. 26].

После этого чтения продолжались только в уездах, где они начались более чем на 10 лет позже, чем в Твери, так как правилами 1876 г. они не допускались. «О разрешении народных чтений как единственного способа ознакомить крестьянство хотя бы с элементарными знаниями» [9, с. 141] тверское земство ходатайствовало с 80-х гг., после того как в русле насаждения правительством церковно-приходской школы священникам в уездных городах и селах было позволено публично читать книги религиозного содержания. Лишь в 1894 г. земские чтения в уездах были разрешены «при точном указании каждый раз устроителей и при утверждении их (устроителей) администрацией». Картины первое время уездные читальни получали со склада, организованного в 1897 г. при читальне в Твери [11, с. 353].

Более половины всех чтений (в 53 пунктах) приходилось на Тверской уезд. Регулярно чтения проводились также в Новоторжском (в среднем в четырех пунктах), Старицком (в пяти, а в октябре 1916 г. уездное собрание постановило сделать ассигнование на оборудование еще двух пунктов волшебными фонарями, экранами и занавесками для затемнения окон» [5, с. 168–174, 177]), Ржевском (в двух), Бежецком (в семи), Корчевском (в четырех) [3, с. 7]. В Осташковском уезде в 1913 г. учителями устраивались чтения для народа при двухклассных училищах (Сорожском и Оковецком) [6. Л. 46 об.].

Одним из наиболее активных уездных земств в области устройства народных чтений, как и при организации многих других просветительских мероприятий, оказалось Весьегонское, где служили будущие лидеры земского либерального движения и кадетской партии Ф.И. Родичев и Д.И. Шаховской. Первый, начав свою земскую деятельность в конце 1870-х гг., посвящал ее «воспитанию свободного человека, т. е. народному образованию» [12, с. 211] и постепенно превратил глухой Весьегонский уезд Тверской губернии «в

опытную станцию созидательного русского либерализма» [12, с. 212]. Происходило это превращение благодаря конкретным «малым» делам, среди которых одно из первых мест занимала организация народных чтений.

Из доклада земской управы за 1897–1898 уч. г. видно, что в этот период они проводились «в двух пунктах: при Березницком училище и <...> Макаровской читальне» [10, с. 16].

В отчете учителя А.В. Бойкова о чтениях в Березницах поднималась важная тема отношения народа к чтениям, связанная с постоянно волновавшей земцев проблемой оценки народом их деятельности. Учитель выделял следующие основные условия, способствовавшие развитию чтений: «просторное помещение, вполне достаточное освещение и сопровождение чтений показыванием картин, освещенных волшебным фонарем» [10, с. 18]. Характерно, что два первых условия относились к вопросу школьной гигиены. Тут прослеживается взаимосвязь между упомянутым выше внедрением в народ понятий гигиены через чтения и восприятием крестьянами чтений благодаря проведению в жизнь при их организации этих понятий. Из причин, препятствовавших чтениям, Бойков называл «местные помочи и бывшие в окрестности ярмарки (в Вознесение), игру в козны (бабки), в карты, которые в последнее время чтения начинают побеждать, то есть, когда игроки получают известие, что чтение начинается, перестают играть и идут слушать чтение, и в этом не раскаиваются. Слушатели – лица обоего пола и возраста: от малютки лет 6–7 до старика лет 60–70. Преобладают мужчины» [10, с. 17].

Традиционное описание чтений мы находим в одном из отчетов: «три статьи: "Взятие Никополя", "О Суворове", "Народная война" были прочитаны в один вечер и произвели на слушателей настолько сильное впечатление, так заинтересовали их, что весь вечер (6 часов) 28 взрослых, 20 подростков и 5 малышей слушали так внимательно, что слышен был малейший шорох кого-либо; ни один из курильщиков в продолжение всего вечера не курил ни разу, слушатели в перемены даже за питьем не выходили с мест, а мальчики подавали им воду в кружках. Но лишь только начиналось чтение, не успевшие напиться наскоро хватали глотка по два, по три и сидели, как вкопанные. Но вот кончилось чтение. Никто не издает ни звука. Сидят минуты три, не сходя с места, почти не шевелясь, хорошо зная, что чтению этого вечера наступил конец. Никому почему-то не хочется вставать с места первому. Но вот встает 1 крестьянин, молча подходит к чтецу, подает ему руку и благодарит за чтение, за ним 2-й, 3-й и так далее, все до единого взрослые. Удовольствие свое слушатели не могут выразить словами, а только вздохи, ахи и причмокивания свидетельствуют о том, что предмет чтений им

очень, очень понравился» [10, с. 19]. В доказательство огромного интереса крестьян к чтениям Бойков приводил их продолжительность – от 5 ч вечера до 12 ч ночи, причем относилось это к тому дню (31 мая), «когда в деревне <...> было 8 помочей и заговенье, а слушателей <...> – не менее 20 взрослых мужчин, около 20 женщин, 5–10 подростков обоего пола и до 40–50 мальчиков и девочек» [10, с. 19].

Чтения за отчетный год, по мнению учителя, ясно показывали их необходимость населению, интересовавшемуся ими как для воспитания себя и для занятий, так и для удовольствия. Кроме того, они отвлекали крестьян «от нежелательных дел: игры в кости, карты» [10, с. 17].

В докладе земской управы за 1898–99 уч. г. шла речь о Макаровской читальне. Земцы отмечали трудность определения количества слушателей, так как «аудитория постоянно движется: одни уходят, другие приходят и только сравнительно небольшое количество взрослых мужчин (15–20 человек) остаются от начала до конца чтения. Девушки и дети обычно прибегают посмотреть картину и затем убегают. В иные дни (вечером) зал (12 кв. сажен) бывает битком набит народом – когда погода и другие условия позволяют жителям окружающих деревень собраться. Дальние, пользующиеся редко, относятся к чтениям с большим воодушевлением, нежели свои местные. Совсем мало посетителей (20–30 человек) в пивные праздники, в дни ярмарок и свадеб» [10, с. 17].

Таким образом, хотя далеко не каждый раз результаты чтений соответствовали ожиданиям, управа считала это «народное развлечение одним из самых здоровых и желательных» [10, с. 18].

Вообще в уездах чтения шли преимущественно при начальных сельских школах, что влекло за собой предъявление определенных требований к их помещениям. Так, известный литературный критик А.А. Андреева, член Московского общества общеобразовательных народных развлечений и председатель попечительства народных школ Калязинского уезда Тверской губернии в 1904–1918 гг., много работавшая «над правильной постановкой образования в крестьянской массе», устраивавшая «общеобразовательные развлечения, привлекавшие массу местного люда» и состоявшая почетной блюстительницей министерского училища, выстроенного в 1904 г. на средства ее матери, принимала «непосредственное участие в выработке самого плана постройки, заботясь о том, чтобы здание служило не одним только узкоучебным целям двухклассного училища, но и просветительским целям для всего населения» [1. Л. 2]. Прежде всего, под этими целями Андреева имела в виду устройство чтений, на время которых помещение могло вмещать до 400 чел. [1. Л. 2].

Таким образом, кроме непосредственно образования, чтения несли серьезную воспитательную нагрузку, помогая крестьянам осознать необходимость гигиены школьных зданий, что должно было способствовать изменению народного быта и, соответственно, сознания, т. е. решению одной из важнейших задач, ставящихся тверским земством при организации системы внешкольного образования.

Список литературы

1. Автобиография А.А. Андреевой. Москва. 1925 год. // Ин-т мировой литературы и искусства. Ф. 347. Оп. 1. № 83.
2. Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет: в 4 т. Т. 1. – СПб., 1909.
3. Доклад о внешкольном образовании в Тверской губернии. (1896) // Журналы Тверского губернского земского собрания. – Тверь, 1897. – С. 7–8.
4. Доклад редакционной комиссии Тверского губернского земства Тверскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1909 г. // Журналы Тверского губернского земского собрания. – 1909. – Тверь, 1910. – С. 26–29.
5. Из постановлений Тверского и Старицкого уездных земских собраний 1916 г. по внешкольному образованию. (15 окт., 13 нояб. 1916 г.). // Докл. Тверской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1916 г. По народному образованию. – Тверь, 1917. – С. 168–177.
6. Краткие сведения о начальных училищах Осташковского уезда за 1913 год из отчета инспектора народных училищ. // Гос. архив Тверской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 8133. Л. 46 об.–49 об.
7. Культура и быт Тверской губернии. (1895–1916) // Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Архивное отделение администрации Тверской обл. Тверской центр документации новейшей истории. Сер. учеб. пособий «Архив – школе». – Тверь, 1997. – Вып. 4. – С. 3–18.
8. Мамадышский Н. Очерки деятельности тверского земства за 25-тилетие его существования // Северный вестн. – 1891. – № 8. – С. 18–29.
9. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 2 т. – Т. 2. – Ч. 2. – М., 1994.
10. Народное образование в Весьегонском уезде в 1897–98 уч. г. // Доклад Весьегонской земской управы Весьегонскому Очередному земскому собранию по народному образованию за 1897/98 уч. г. и постановления собрания, относящиеся к докладу. – Речица, 1898. – С. 16–19.
11. Отчет о Тверской народной читальне. // Материалы для истории Тверского губернского земства. 1886–1908. Т. 6–10. Т. 6. 1886–1908 / Сост. И.К. Гудзь; под ред. А.Н. Полтеева. – Тверь, 1909. – С. 345–356.
12. Тыркова–Вильямс А.В. Ф.И. Родичев // Новый журнал. – 1954. – № 38. – С. 210–217.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(470.23-25) «1924/1970» (093)(036)

А.Ю. Давыдов

Источник по истории культурной жизни крупного города – путеводители

На основе изучения текстов путеводителей, вышедших в свет на протяжении многих десятилетий советского периода, автор определяет их источниковедческую значимость для исследования культурной жизни одного из крупнейших городских центров – Ленинграда. В статье отмечается, что в путеводителях нередко упоминаются малоизвестные частности, важные для воссоздания целостной картины. Вместе с тем в материалах путеводителей могут встречаться редкие документы, поиск которых современными исследователями затруднен. Путеводители – это и источник для изучения истории общественного сознания, ибо они отразили изменение взглядов на отдельные явления культуры. Кроме того, знакомство с их материалами позволяет составить представление об исторической эволюции агитационно-пропагандистской составляющей государственной политики. Путеводители – важные свидетели эпохи и ценное пособие для конкретно-исторической реконструкции.

Based on the study of texts guides, issued over many decades of the Soviet period, the author determines the importance of source materials for the study of the cultural life of one of the largest urban centers - Leningrad. The article notes that the guidebooks often mention the little-known details, important to reconstruct the whole picture. However, the material guides can find rare documents, search of them can be difficult for the modern researchers. Travel guides are also a source for studying the history of social consciousness, as they reflected the change of views on the specific cultural phenomena. In addition, familiarity with their materials gives an idea of the historical evolution of the agitprop component of the state policy. Travel guides are the important witnesses of the time and the valuable guide for the specific-historical reconstruction.

Ключевые слова: исторический источник, путеводители, экскурсионные маршруты, пролетарский туризм, историко-художественные комплексы, общественное сознание, адресно-справочные книги, повседневность, культурный досуг, культурно-массовая работа, архитектурный облик, история книжного дела.

Key words: historical source, guides, tours, proletarian tourism, historical and artistic centers, the public consciousness, address and reference books, everyday life, cultural leisure, cultural-mass work, architectural look, history of books.

Определение источниковедческой значимости материалов путеводителей представляется весьма актуальным. При этом соответствующих специальных научных работ автору обнаружить не удалось. Попытка выявить важность привлечения путеводителей

для изучения исторического прошлого предпринималась в публицистической литературе. В книге Ю. Александрова по праву на первое место выдвигается просветительная и воспитательная функция указанных изданий. Автор выступает против «несправедливой оценки, когда в путеводителе видели лишь... издание, не заслуживающее серьезного внимания» [1, с. 8]. Однако вызывает сомнение и безоговорочная характеристика Ю. Александровым путеводителей всех видов в целом (всех их частей, разделов) как важного исторического источника.

Путеводители следует отнести к кратким справочным изданиям, содержащим сведения о стране, городе, туристском маршруте, историко-художественном памятнике и т. п. [30, с. 1080]. Материалы рассмотренных нами ниже путеводителей познакомили читателя с достопримечательностями крупного города, помогали ему навести справки по региону, получить информацию бытового характера. Автор данной статьи отдает отчет в том, что жанр путеводителя предполагает использование его в качестве вторичного и опосредованного – тем не менее ценного – источника.

Учитывая явную недооценку исследователями источниковедческой значимости путеводителей, с одной стороны, и переоценку ее в публицистической литературе – с другой, в данной статье была поставлена задача – определить значение материалов путеводителей для изучения истории культурной жизни мегаполиса, одного из крупнейших советских городских центров – Ленинграда. Начальный рубеж исследования – 1924 г., когда появился первый путеводитель по этому городу. Конечный рубеж – 1970-е гг., когда путеводителей стало так много, что изучению их следует посвятить отдельные работы.

Особо отметим, что выход в свет путеводителей сам по себе отражает специфику культурно-исторической ситуации. В условиях вызванной нэпом общественной стабилизации население ощутило потребность расширить кругозор; в частности, трудящиеся стали активно интересоваться историей, культурой бывшей российской столицы. Новое радикальное изменение ситуации в годы Великой Отечественной войны имело следствием прекращение выхода в свет путеводителей и резкое сокращение их тиражей в послевоенный период.

По мере улучшения положения дел в стране и в Ленинграде внимание к путеводителям усиливалось. Их выпускали в свет несколько издательств: в 1920-е – середине 1950-х гг. – издательство орготдела Леноблисполкома, газетно-журнальное и книжное издательство исполкома Ленсовета, социально-экономическое издательство ОГИЗ, издательство «Физкультура и спорт»; с середины 1950-х гг. путеводители выходят в издательстве обкома КПСС

«Лениздат». Примечательно, что партийное руководство в полной мере осознало пропагандистскую значимость путеводителей именно в идеологически переломные 1950-е гг.

Вся совокупность путеводителей может быть подразделена на две группы: 1) путеводители по историко-художественным комплексам, паркам, учреждениям культуры, экскурсионным маршрутам [4–6; 8; 14; 16; 29; 31–34]; 2) путеводители по городу [7; 9–13; 17; 20–28]. Они различаются по источниковедческой значимости. В первых освещались отдельные стороны жизни Ленинграда и нередко упоминались малоизвестные частности, во вторых решалась задача ознакомления трудящихся с городом в целом, и чаще приводились общеизвестные факты.

Путеводители для экскурсантов и по музеям, историко-художественным комплексам, паркам имеют как источники более важное значение. Это определяется тем, что их авторами были нередко работники и руководители тех учреждений культуры, о которых шла речь в справочниках. Квалифицированные специалисты, располагавшие обширной и объективной информацией, делились с читателями своими личными наблюдениями, впечатлениями [15, с. 34–35]. В частности, автор изданного в 1928 г. путеводителя «Петербург–Ленинград в прошлом и настоящем» А.П. Пресман особо обращал внимание на то, что с текстом ознакомились и внесли поправки известный архитектор Л.А. Ильин, сотрудники экскурсионно-методической базы Облесполкома, Государственного музея революции [19, с. 5]. Поэтому при изучении указанных материалов исследователь получает оригинальную информацию, важную для познания истории архитектуры, экскурсионной работы, музейного дела.

Вторая из названных групп – путеводители по Ленинграду. Они, как правило, состояли из двух разделов – общего и справочного. Материалы для первого раздела (в нем освещалась политическая, экономическая и культурная история города) готовили историки, литераторы, искусствоведы. Они привлекали сведения редких документов, а также ссылались на личные впечатления. Их работы можно определить как документальные очерки публицистического толка, научно-популярные статьи, личные зарисовки. Источниками они могут быть названы в том плане, что отразили понимание современниками отдельных явлений культурной жизни. Например, путеводители 1920–1930-х гг. выявляют присущие общественному сознанию того времени тенденции вульгарно-социологического свойства. Упрощенность отличала подход к ряду направлений в искусстве. В частности, в очерке о музеях солидного двухтомного путеводителя 1933 г. читаем: «Федотов был первым художником, в

произведениях своих по-буржуазному трактовавший буржуазную среду. Он подлинный создатель буржуазного жанра» [11, с. 430].

Несомненный интерес представляет осмысление источниковедческой значимости справочных разделов путеводителей по Ленинграду, причем изданных в разные периоды – до Великой Отечественной войны и после нее. Сначала – об изданиях довоенного времени. В 1920–1930-е гг. регулярно публиковались адресно-справочные книги «Ленинград». В смысле информационной насыщенности путеводители серьезно уступали им. Сравнение текстов показывает, что путеводители составлялись в том числе и на основе указанных книг; между тем учреждения культуры, парки, сады и т. д. упоминались в них (в отличие от книг серии «Ленинград») не все, а только самые популярные. Поэтому в данном отношении исследователю целесообразней использовать материалы адресно-справочных книг.

Достоинством же путеводителей 1920–1930-х гг. является наличие в них больших разделов рекламных приложений (75 стр. в путеводителе 1937 г. (на 620 стр. текста) и 137 стр. в путеводителе 1940 г. (на 616 стр.); думается, эти приложения могут быть отнесены к разделу справок, ибо функции у них одинаковы. В адресно-справочных книгах рекламные разделы также встречались, однако объявления о порядке работы учреждений культуры в путеводителях в силу их просветительной направленности помещались чаще. Важно, что тексты объявлений (даже о работе одного учреждения культуры) не дублировали друг друга в адресно-справочных книгах и путеводителях, поскольку они подписывались к печати в разное время года с интервалом в несколько месяцев. Помещать на страницах популярного издания устаревшие объявления (в частности, о репертуаре театров, гастрольных поездках) не имело смысла и поэтому давались новейшие. Более того, в ряде случаев объявления путеводителей по Ленинграду помогают уточнить и конкретизировать сведения адресно-справочных книг. Вот характерный факт. В указанных книгах упоминается учреждение под названием «ДСК»; из рекламного приложения путеводителя 1937 г. ясно, что имеется в виду Дом санитарной культуры [21, с. 396].

Теперь попытаемся выявить специфику комплекса вышедших в свет в 1950–1970-е гг. путеводителей по городу и отдельным учреждениям культуры. В это время были достигнуты значительные успехи в телефонизации города, улучшилась деятельность «Ленгорсправки». Как следствие снижается информационная значимость путеводителей. Определяется тенденция к исчезновению разделов объявлений, сокращению самих справочных разделов путеводителей. Их содержание все более приобретает характер общего обзора. Нередко в них перечисляются только театры, музеи,

концертные залы и, наконец, парки. Причем эти перечни явно неполные. Отсюда – противоречивые данные. Например, если в путеводителе «Достопримечательности Ленинграда» [5] упомянут 21 музей, то в кратком справочнике «Музеи Ленинграда» [16] речь идет о 66 музеях. Сообщения о работе учреждений культуры теперь сводятся в основном к указанию адреса и номера телефона. Впрочем, в 1950–1970-е гг. изменяется и содержание адресно-справочных книг, которые издаются нерегулярно и резко уменьшаются в объеме. Таким образом, источниковедческая ценность справок путеводителей, изданных в 1950–1970-х гг., снижается не вследствие «конкуренции» со стороны первоисточников – объемистых адресно-справочных книг, а в силу присущих теперь им отрывочности, фрагментарности, нередко и противоречивости данных.

Вместе с тем отрицать наличие в справочных разделах путеводителей по Ленинграду важной для историка информации не следует. С их помощью можно определить районы концентрации ведущих учреждений культуры, выяснить, насколько рационально расположена сеть их в центре города и на окраинах. В то же время необходим избирательный подход к путеводителям по Ленинграду. Особую группу составляют те из них, в работе над которыми, как это следует из текстов, принимали участие советские работники, деятели культуры, архитекторы, строители. Опыт людей, непосредственно и близко знакомых с культурной жизнью города, участвующих в ее развитии, нашел отражение в точности оценок, выводов, всесторонности, нередко и оригинальности характеристик кратких справочников [17].

Содержание отдельных путеводителей может служить важным дополнением статистических сборников. Это относится, например, к справочнику «Ленинград от А до Я» [9]. Его (как и другие подобные издания) с полным правом можно отнести к путеводителям, поскольку, рассказывая об отдельных улицах, площадях и т. д., составители нередко характеризовали целый туристический маршрут [9, с. 132, 133, 205–208, 211–212]. Среди прочего в этой книге содержится полный перечень учреждений культуры, приводятся краткие сведения о порядке и условиях их работы. Именно эти сведения в ряде случаев уточняют данные одновременно вышедшего в свет статистического сборника «Ленинград и Ленинградская область в цифрах». В частности, в сборнике упоминаются 13 театров и не говорится о кинотеатрах, а в путеводителе речь ведется соответственно о 16 театрах и 43 кинотеатрах. Если в статсборнике приводятся лишь цифровые данные, то в книге «Ленинград от А до Я» последовательно перечисляются учреждения культуры, приводятся краткие сведения о порядке их работы. Парадокс: путеводитель устранил огрехи в работе государственного учреждения статистики.

Путеводители следует рассматривать не только как письменные источники, но и изобразительные. Имеются в виду многочисленные фотографии. Они помещены на страницах почти всех соответствующих изданий (кроме 1920-х гг.) и в совокупности с поясняющими надписями представляют своеобразную «летопись» культурной жизни Ленинграда.

Определенную информацию дает исследователю сравнение тиражей путеводителей. Их рост (от 20 тыс. в первое десятилетие Советской власти до 200 тыс. в 1970-е гг.) – яркое свидетельство развития культурных потребностей граждан, активизации культурной политики. Кроме того, постепенное, от десятилетия к десятилетию, улучшение внешнего вида путеводителей (качества бумаги, фотографий), все большая красочность их оформления говорят об успехах полиграфии. В широком смысле это характерная деталь расширения материальной базы культуры.

Сравнение оглавлений путеводителей позволяет проследить процесс усиления их пропагандистской направленности, вызванной в том числе и постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании гражданской истории в школе (16 мая 1934 г.) и об учебниках истории (3 мая 1936 г.). В постановлениях ставились задачи формирования марксистско-ленинского мировоззрения. Соответственно путеводители, авторами которых нередко выступали и общественеды, стали уделять значительно больше внимания темам революционного движения, развития индустрии, материального производства. Сопоставим с этой точки зрения путеводители 1933, 1935 и 1937 гг. В первом очерк «Роль Ленинграда в развитии пролетарской революции» (автор – исследователь революционного движения М. Лурье) занимает 7 стр., а во втором и третьем – соответственно 36 и 34. В двух последних путеводителях в два раза (в сравнении с первым) расширен объем очерков о промышленности Ленинграда. В них пропагандировались достижения первых ленинградских стахановцев, помещены их фотографии. Таким образом, в путеводителях находили отражение основные тенденции идейно-политического воздействия на трудящихся.

Большой интерес представляет изучение отдельных сфер культурной жизни Ленинграда, освещаемых в путеводителях и кратких справочных изданиях. Так, сравнение путеводителей для экскурсантов позволяет проследить и объяснить изменения тематики экскурсий. Бросается в глаза прямая взаимосвязь между политической, социальной злободневностью и содержанием туристической и экскурсионной работы. Вот выразительные факты. Материалы выпущенного в свет известным автором Н.Н. Соболевым-Томилиным в начале 1930-х гг. «Спутника туриста» свидетельствуют, что первоочередное значение в то время имели посещения экскурсантами

производственных предприятий. В списке туристских объектов значилось несколько десятков заводов – «Красный путиловец», «Красный выборжец» и т. д. На втором месте в путеводителе стояли «техничко-экономические экскурсии» – ознакомление с деятельностью Ленинградского торгового порта, посещение выставок рабочего изобретательства; далее следовали «сельскохозяйственные экскурсии» – выезды в совхозы [29]. Особо отметим, что из всех довоенных путеводителей книга Соболева-Томилина содержит наиболее полную характеристику разных сторон экскурсионной деятельности профсоюзов и других общественных организаций.

Как представляется, на исходе 1920-х гг. «великий перелом» распространил свое влияние и на путеводители. Познавательные и культурно-просветительные приоритеты уступили место форсированно-индустриализационному первенству. Возьмем, например, подготовленный до «перелома» путеводитель 1929 г., в котором в контексте раскрытия основной темы «Мы и Восток» подробно характеризовался «маршрут по городу с осмотром мечети», предусматривалось «знакомство с памятниками по истории связей России и восточных стран» [32, с. 34]. Противоположность представляет указанный выше путеводитель начала 1930-х гг. Его содержание в полной мере отразило «производственный» крен и курс на «социалистическую реконструкцию». Тогда партийно-государственные структуры стали проводить тотальную мобилизацию в целях решения, прежде всего, хозяйственных задач. Впрочем, довольно быстро спохватились и принялись поворачивать руль в сторону революционной тематики. Изучение упоминавшихся путеводителей 1935 и 1937 гг., а также вышедших в конце 1930-х гг. и в послевоенный период пособий по туристским и экскурсионным маршрутам позволяет выяснить, что ведущим направлением становится организация поездок по местам революционной славы, посещение музеев-квартир (поездки на предприятия уходят на второй план) [6; 12; 21; 25].

В путеводителях второй половины 1950-х и 1960-х гг. приоритет отдается экскурсиям по Ленинградскому метрополитену. Метро в городе Ленина открылось в ноябре 1955 г., и впервые в путеводителе 1956 г. указывалось, что соответствующая экскурсия продолжительностью 2 ч 30 мин предусматривает поездку по трассе и осмотр всех станций (тогда их было 8) [34, с. 84].

Таким образом, в организации досуга жителей и гостей одного из крупнейших городов экскурсиям отводилось очень важное место (в изучаемое время возможности культурного проведения свободного времени были довольно ограниченными). Именно поэтому в советском обществе содержание экскурсионной работы напрямую отражало установки партийных и государственных органов и их эво-

люцию. Данные обстоятельства отчетливо выявляются в ходе сравнительного анализа сведений путеводителей.

Материалы путеводителей знакомят с постановкой дела размещения и обслуживания туристов и экскурсантов. Так, путеводитель 1929 г., прежде всего, уделяет внимание экскурсионному обслуживанию гостей Ленинграда. Уже из небольшого рекламного объявления на с. 1 видно, что оно в то время входило в функции экскурсионно-лекторской базы областного отдела народного образования. Несколько номеров телефонов (редкость для того времени) указывают на большой интерес трудящихся к деятельности этой организации. В ее ведении находился Дом экскурсанта, который запечатлен на фотографии на с. 2; сопроводительный текст разъясняет, что это общежитие на 500 мест. Далее в путеводителе сообщается, что отделения Дома экскурсанта располагались в пригородах – Детском Селе и Старом Петергофе [32]. Подтверждается положение о важнейшей роли экскурсий в жизни горожан и их гостей.

Присущая «реконструктивному» времени специфическая попытка соединить общественно-политическую самодеятельность рабочих и туризм, экскурсия нашла отражение в материалах «Спутника туриста», изданного в 1932 г. На его страницах помещен ценный документ – директивное письмо Ленинградского областного совета профессиональных союзов (ЛОСПС) всем облотделам, районным и городским советам профсоюзов о передаче туристско-экскурсионной работы в ведение Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). Поскольку розыск указанного документа весьма затруднителен, то подобная публикация уникальна. В письме ставилась задача превратить ячейки ОПТЭ в центры туристской работы на предприятиях, привлечь в них широкие массы рабочих, характеризовалась организационная структура добровольного Общества. Туристам надлежало во время своих походов в том числе оказывать помощь совхозам, МТС в ремонте техники, помещений и т. п. [29, с. 143, 148–150; 3, с. 138]. Так своеобразно понимался туризм в «реконструктивный» период. Использование подобных документов исследователями будет способствовать более углубленному изучению истории общественных организаций в переломные 30-е гг.

Значимость путеводителей выражается и в том, что они содержат такие (на первый взгляд малосущественные) факты, которые редко встречаются в других источниках. На их страницах сами современники характеризуют особенности, конкретные детали повседневной жизни городского населения в разные периоды. Это относится, в частности, и к упомянутому «Спутнику туриста» 1932 г. Например, в нем сообщается, что во время однодневных поездок в пригороды Ленинграда туристы знакомились с новыми строительными объектами, для них устраивались викторины, коллективные

игры, катания на лодках, прогулки по лесу; большие группы экскурсантов сопровождал оркестр, который размещался на пароходе. Книга дает информацию об уровне милитаризации молодежи: юноши и девушки нередко отправлялись в одно- и двухдневные воензированные походы, по пути знакомились с памятниками боевой славы, встречались с представителями частей Красной армии, под руководством офицеров устраивали военные лагеря, проводили стрелковые соревнования [29, с. 114–116, 124–127]. Согласно материалам путеводителей, военно-патриотическая и оборонно-массовая тенденции в значительной мере определяли культурный досуг крупного города в 1920–1930-е гг.

Путеводители насыщены фактами, рассказывавшими о работе отдельных учреждений культуры. В частности, в 1956 г. Г.И. Назарова опубликовала «Памятку для посетителей Всесоюзного музея А.С. Пушкина в Ленинграде». В ней, между прочим, подробно описываются экспонаты, находившиеся в кабинете поэта. Это важно для исследователя, ибо в экспозициях отчетливо отражаются ведущие концепции исторической науки своего времени. Другим важным источником является справочник-путеводитель «Музеи Ленинграда», в котором содержится указание на отделы и важнейшие залы ленинградских музеев. Поскольку справочник в 1950–1960-е гг. издавался несколько раз, то сравнения данных разных изданий позволяют уточнить динамику совершенствования музейного дела. На это указывают и сами авторы в издании 1961 г. во вступительном разделе: «Со времени последнего (второго) издания справочника минуло более четырех лет. Поэтому новое издание учитывает все те большие изменения, которые произошли в наших музеях» [16, с. 6]. Сравнение переиздававшихся путеводителей позволяет определить своего рода хронологию изменений культурной жизни города.

В материалах путеводителей значительное место отводится театральной жизни Ленинграда. Например, многочисленные фотографии, на которых запечатлены сцены из спектаклей, дают представление о репертуаре ленинградских театров в разные годы [10, с. 425–431; 5, с. 102]. Из объявлений путеводителей 1920–1930-х гг. узнаем о времени начала утренних и вечерних спектаклей; получаем сведения о том, что билеты на них можно заказать по телефону, что туристы такие заказы должны делать за две недели до приезда в Ленинград, и т. д. Путеводители указывают на широкое внедрение в 1930-е гг. в практику работы сценических коллективов новшества – постановок спектаклей в Домах культуры. Так, изданный в 1940 г. путеводитель сообщает, что в Доме культуры им. Капранова давали спектакли Театр оперы и балета им. С.М. Кирова, Малый оперный театр, Театр драмы им. А.С. Пушкина [12].

Произошедшие в послевоенные десятилетия серьезные перемены в работе ленинградских учреждений культуры отмечены в путеводителе 1971 г. Прежде всего, обращено внимание на рост роли кинотеатров. Оказывается, немалое их число (11 из 43) уже к началу 1970-х гг. имело по два-три зала, что значительно расширяло круг зрителей. Существенное значение имеют приведенные в путеводителе точные цифры о вместительности кинозалов. По какой-то причине в статистических сборниках подобные сведения отсутствуют, хотя они являются важной характеристикой процесса приобщения населения к ценностям искусства, организации их досуга в условиях серьезного увеличения свободного времени (два выходных дня в неделю).

Особая тема – это проведение свободного времени горожан в парках и садах. Важную информацию об этом содержат вышедшие в свет в 1930-е гг. справочники-путеводители по дворцам и паркам Ленинграда, а отчасти и объявления путеводителей по городу. В книгах перечислялись все парки и сады, программы культурно-массовых мероприятий: карнавалов, стахановских праздников. Путеводители указывают на обязательное присутствие духовых оркестров в парках и садах, их рекламные приложения сообщают о размещении в летних павильонах научно-технических выставок, содержат сведения о работе летних театров – в Парке культуры и отдыха им. И.В. Бабушкина, в Центральном парке культуры и отдыха им. С.М. Кирова и т. д. Летние театры были рассчитаны на 1000 и 1600 мест и служили своеобразными «вторыми» сценическими площадками профессиональных коллективов. При этом в парках кроме спектаклей демонстрировались эстрадно-цирковые программы, устраивались симфонические концерты [4, с. 9; 25, с. 15; 2, с. 25].

Излюбленным местом отдыха ленинградцев являлся пляж Петропавловской крепости. Яркая характеристика проведения здесь досуга горожанами в 1930-е гг. содержится в ряде путеводителей. В одном из них – «Дворцы и парки Ленсовета летом 1936 г.» – читаем: «Лучший пляж в центре города, оборудован кабинами, имеются буфет, книжный киоск, медпункт и т. п. Играет духовой оркестр, открыта школа плавания, и производится прием норм на значок ГТО» [4, с. 14]. Таким образом, отдельные сообщения путеводителей наполнены важной информацией, значительно расширяющей представление о возможностях культурного проведения свободного времени трудящимися.

Сведения о работе парков в 1950–1970-е гг. можно почерпнуть из фотографий путеводителей по Ленинграду этих лет. Так, на одной из них в путеводителе 1963 г. нашел отражение фрагмент празднования Дня авиации в Центральном парке культуры и отдыха

им. С.М. Кирова – посетители парка вокруг расположенных на поляне перед Елагиным дворцом вертолетов и боевого самолета-истребителя [23, с. 153]. Множество подобных снимков позволяет судить о многообразном характере культурно-массовой работы в указанный период.

Фотографии путеводителей являются источником по истории скульптуры, архитектуры – важного элемента духовной и материальной культуры. С их помощью исследователь сможет точно установить место расположения скульптурных памятников прошлого, их размеры, описать, как они выглядели. Это особенно важно, если речь идет о скульптурах, установленных согласно плану монументальной пропаганды; они изготавливались из малопрочных материалов и рано или поздно разрушались. Например, составители почти всех путеводителей по Ленинграду 1930-х гг. помещали фотоснимки скульптурного бюста Лассаля. Видно, что бюст был укреплен на высоком постаменте, что памятник установили на Невском проспекте напротив здания бывшей городской думы. Поскольку на фотографии рядом с ним, как правило, находились люди, то можно указать на значительные его размеры – 2,5–3 человеческих роста [25, с. 199; 21, с. 131]. Фотографии путеводителей 1930-х гг. знакомят с памятником Александру III, расположенным в то время еще в центре площади Восстания. Эта скульптура – произведение ваятеля П. Трубецкого – была оставлена на своем месте после Октябрьской революции в целях «обличения самодержавия» [25, с. 195].

Фотографии важны и в том отношении, что в различных путеводителях помещались снимки одних и тех же улиц, домов, памятников. Это поможет представить динамику изменения архитектурного облика города. На страницах путеводителя 1937 г. видим два снимка площади Стачек; первый сделан в 1926 г. (до реконструкции), второй – в 1936 г. (после реконструкции). В результате сравнения становится понятно, когда коренным образом изменился внешний вид площади – исчезли низенькие дома, примыкавшие к величественным Нарвским воротам, были построены новые многоэтажные здания. Об изменениях внешнего вида площади в последующие годы свидетельствует снимок, помещенный в путеводителе 1957 г.; здесь ее уже украшает павильон станции метрополитена [7, с. 254].

Итог многолетним и многообразным изменениям архитектурного облика города подведен в путеводителе 1970 г. В «Слове к читателям» председатель Ленгорисполкома А.А. Сизов пишет: «Приметы нового города... Это комплекс 10-этажных корпусов на правом берегу Невы, напротив Смольного; это 9- и 14-этажные дома у Володарского моста, на Васильевском острове, на Московском и Измайловском проспектах. Город развивается по утвержденному правительством генеральному плану, рассчитанному на 20–25 лет»

[17, с. 7–8]. Примечательно, что руководители города обращались к горожанам на страницах путеводителя. В этом выразилось осознание высокой значимости, популярности изданий.

Путеводители представляют собой и источник по истории книжного дела в городе. В частности, их объявления рекламируют выходявшие в 1920–1930-е гг. журнал «На фронте индустриализации», газету «Литературный Ленинград» и др., указывают цены на них, содержат сведения о порядке работы издательств, читален, книжных магазинов. Характерно, что в путеводителях 1920-х гг. содержится информация о частных книжных магазинах и библиотеках, упоминается о продаже быстро разорявшимися после 1926 г. их владельцами «книг на вес». Одно из объявлений приглашало в залы библиотеки безработных умственного труда [24, с. 72; 20, с. 68]. Таким образом, в материалах путеводителей нашли отражение тенденции изменения политики в отношении частного предпринимательства, рынка труда в переходный период.

В путеводителях (прежде всего в разделе объявлений) сообщается об условиях приема в вузы, о количестве факультетов и отделений высших учебных заведений и т. д. [25, с. 59; 21, с. 313]. В них содержатся данные о распространении телевидения в послевоенные годы, в частности, о росте численности телевизионных ателье [23, с. 675].

Характерно, что первые путеводители издавались как справочники для гостей Ленинграда. Например, во вводном разделе путеводителя 1924 г. указывается: «Создать новый путеводитель редакцию побудил усилившийся прилив в Ленинград приезжих, экскурсантов, туристов...» [28, с. 3]. Из других материалов следует, что возможности для приобщения туристов к культурным ценностям были весьма широкими. В частности, в приложении к путеводителю 1929 г. упоминаются 66 достопримечательностей города, с которыми экскурсионно-лекторская база знакомила гостей Ленинграда [32]. Вместе с тем в путеводителях часто говорится о спектаклях, концертах, с которыми на сценах ленинградских театров, в парках, садах выступали мастера искусств из других городов [4, с. 14; 2, с. 25]. Подобные многочисленные факты позволяют определить, что во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Ленинград становится всесоюзным центром туризма.

Подведем итоги. Путеводители являлись отражателями культурной жизни крупного города в том виде, в каком ее воспринимали современники. Они отразили присущую советским десятилетиям эволюцию представлений о ее роли в общественной жизни, в формировании отдельной личности и целого коллектива, о ее целесообразных формах и историческом наполнении. Изменение содержания путеводителей в первую очередь стало результатом

влияния политического режима. Изучение их текстов позволяет составить представление об эволюции государственной политики и, прежде всего, ее агитационно-пропагандистской составляющей, а также о тенденциях изменения общественного сознания. Кроме того, упоминавшиеся на страницах путеводителей частности могут иметь немалое значение для реконструкции того или иного явления истории повседневности. Таким образом, отдельные материалы путеводителей являются дополнительным источником по истории культурной жизни крупного города, позволяют с достаточной полнотой характеризовать деятельность культурно-просветительных учреждений. Путеводители – важные свидетели эпохи.

Список литературы

1. Александров Ю. Москва: Диалог путеводителей. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1985.
2. Государственные дворцы-музеи и парки пригородов и города Ленинграда: справ. – Л., 1940. – С. 25.
3. Давыдов А.Ю. Деятельность Всесоюзного общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) в Ленинграде // Добровольные общества в Петрограде – Ленинграде: сб. ст. – Л., 1989.
4. Дворцы и парки Ленсовета летом 1936 г. – Л., 1936.
5. Достопримечательности Ленинграда. – Л., 1961.
6. Краткий указатель экскурсий по Ленинграду и пригородам. – Л., 1960.
7. Ленинград: Краткий справочник. – Л., 1957.
8. Ленинград: Краткий справочник для туристов. – Л., 1966.
9. Ленинград от А до Я. – Л., 1971.
10. Ленинград: Путеводитель. Т. 1. История, экономика, культура. – М.-Л., 1933.
11. Ленинград: Путеводитель. Т. 2. Прогулки по городу, музеи, научные учреждения: справ. – М.; Л., 1933.
12. Ленинград: Путеводитель. – Л., 1940.
13. Ленинград: Путеводитель. – Л., 1977.
14. Ленинград: Спутник туриста. – Л., 1961.
15. Лощинин Н.П., Минц Н.В. О путеводителях по литературным и художественным музеям (краткий обзор путеводителей). – М., 1960.
16. Музеи Ленинграда: краткий справ. 3-е изд., испр., доп. – Л., 1961.
17. Муштуков В.Е., Пашкевич А.А., Цукинский Б.А. Ленинград: Путеводитель. – Л., 1970.
18. Назарова Г. И. Памятка для посетителей Всесоюзного музея А.С. Пушкина в Ленинграде. – Л., 1956.
19. Пресман А.П. Петербург – Ленинград в прошлом и настоящем: пособие для экскурсантов и туристов. – Л., 1928.
20. Путеводитель по Ленинграду. – Л., 1926.
21. Путеводитель по Ленинграду. – Л., 1937.
22. Путеводитель по Ленинграду. – Л., 1957.
23. Путеводитель по Ленинграду. – Л., 1963.
24. Путеводитель по Ленинграду с новой картой Ленинграда. – Л., 1927.
25. Путеводитель по Ленинграду с приложением карты Ленинграда. – Л., 1935.

26. Путеводитель по Ленинграду с приложением нового плана. – Л., 1933.
27. Путеводитель по Ленинграду с приложением плана Ленинграда: Иллюстрации главных памятников искусства, достопримечательностей окрестностей Ленинграда. – Л., 1928.
28. Рубен С. В. Путеводитель по Ленинграду с новейшей картой. – Л., 1924.
29. Соболев-Томилин Н.И. Спутник туриста по Ленинграду и окрестностям. – М.-Л., 1932.
30. Советский энциклопедический словарь. – 3-е изд. – М., 1984.
31. Справочник для организаторов автобусных экскурсий по Ленинграду. – Л., 1940.
32. Экскурсия в Ленинград: справ. в помощь экскурсоводу, туристу. – Л., 1929.
33. Экскурсии по городу, пригородам и музеям Ленинграда: справ. – Л., 1954.
34. Экскурсии по городу, пригородам и музеям Ленинграда. – Л., 1956.

УДК 159.9(092) «1931/1972»

М.В. Малькова

Б.Г. Ананьев – жизнь, научные взгляды и деятельность ученого

В статье рассматривается жизненный путь, научные взгляды и многогранная деятельность крупного советского ученого-психолога Б.Г. Ананьева. Судьба и научное творчество ученого показаны в контексте исторических событий в России и СССР XX в.

The article describes the way of life, scientific views and multifaceted activities of the great Soviet scientist and psychologist B.G. Ananiev. The destiny and the scientific creative work of the scientist are shown in the context of the historical events in Russia and the Soviet Union in XX century.

Ключевые слова: отечественная наука, ученые, научная деятельность, психология, повседневная жизнь, партийно-государственная власть.

Key words: domestic science, scientists, scientific activity, psychology, everyday life, party and state power.

Жизнь и деятельность одного из ведущих теоретиков советской психологии Бориса Герасимовича Ананьева (1907–1972) представляет большой интерес с точки зрения исследования вклада ученого в развитие всеобъемлющей системы человековедения, в центре которой находится психологическая наука. Вместе с тем особый интерес представляет и исторический аспект рассматриваемой проблемы: особенности повседневной жизни советского ученого на различных, в том числе весьма сложных и драматичных, этапах истории России.

Б.Г. Ананьев родился 1(14) августа 1907 г. во Владикавказе в обрусевшей армянской семье. Его детство и ранняя юность совпали с годами революционных потрясений и войн, поэтому о данном периоде его жизни известий почти не сохранилось.

В 1924 г. Борис Ананьев поступил в Горский педагогический институт. Там он встретился с доцентом педологии Р.И. Черановским, который приобщил его к научным занятиям в области детской психологии. С энтузиазмом, столь свойственным послереволюционной России, он в качестве ассистента Черановского углубился в изуче-

ние умственной одаренности и психологических особенностей подростков юношеского возраста. Под руководством Черановского была подготовлена и дипломная работа Бориса Ананьева на тему «Эволюция миропонимания и мироощущения в юношеском возрасте».

Новый рубеж в жизни и творчестве ученого наступил в 1928 г., когда по окончании Горского педагогического института он направился в Петроград, где вскоре был принят в аспирантуру основанного В.М. Бехтеревым в 1918 г. Института по изучению мозга. Молодой аспирант за время своего обучения (1928–1931) глубоко впитал дух бехтеревской научной школы объективной психологии, принятые в ней принципы научного исследования и гражданского поведения. Здесь он окончательно сформировался как ученый, получил известность, обрел единомышленников и соратников.

Этот период (20-е – начало 30-х гг. XX в.) отмечен не только крупными переменами в социально-экономической и политической жизни страны [10; 12; 13], но и в развитии гуманитарных наук, в том числе психологии. С одной стороны, всё более очевидной становилась недостаточность имевшихся на тот момент знаний, которыми располагала общая психология. Необходимыми были знания о возрастной изменчивости в психическом развитии взрослых людей в разные периоды их жизни, об их возможностях активного участия в учебной и трудовой деятельности, об особенностях нервной и психической деятельности ребенка на разных этапах его жизни и пр. С другой стороны, это было время всё более активизировавшейся борьбы против «буржуазных» ученых за утверждение марксистских принципов в науке. «Партийно-государственная власть, – отмечает один из современных авторов, – ... потребовала от ученых, чтобы они в своих научных исследованиях исходили прежде всего из политической мотивации, идейно-политических интересов партии большевиков» [8, с. 239].

В этих непростых условиях Б.Г. Ананьев проявил себя в качестве ученого, который, с одной стороны, прислушивался к новым веяниям и учитывал их в своей деятельности, а с другой – как незаурядный, самостоятельный мыслитель, не боявшийся высказывать собственные суждения. В 1931 г. вышла одна из первых его научных статей «О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии» [1, с. 325–344]. Смелыми и новаторскими были содержащиеся в данной статье тезисы: о выяснении «отношения биологического и социального» как одной из основных проблем науки, о необходимости междисциплинарного подхода в психологических исследованиях (в том числе используя достижения социологии, этнологии и других наук, многие из которых уже тогда носили на себе ярлык «буржуазных») и, наконец, о важности проведения историко-психологических исследований, призванных помочь

более точно определить предметное поле психологии и методы данной науки [1, с. 333].

В самом начале 1930-х гг. в Институте мозга им. В.М. Бехтерева было предпринято коллективное исследование, посвященное проблемам развития школьников. Б.Г. Ананьев стал заведовать лабораторией психологии воспитания и одним из первых в СССР организовал школьную психологическую службу на базе средней школы в Выборгском районе Ленинграда.

Стержневой проблемой научно-исследовательской работы его лаборатории в первой половине 30-х гг. стала проблема характера школьников. В ходе этого исследования был использован метод, предложенный еще старшими наставниками ученого. О значении комплексного изучения нервной и психической деятельности ребенка Б.Г. Ананьев позднее напишет следующее: «В отечественной психологии систематические генетико-психологические исследования начаты В.М. Бехтеревым и Н.М. Щеловановым в клинике-лаборатории раннего детства, где впервые был разработан метод длительного изучения одних и тех же детей, охватывающий весь период раннего детства. Этим фактически было положено начало методу, получившему в настоящее время название лонгитюдинального» [7, с. 128].

По справедливому замечанию современных историков начиная с середины 1930-х гг. влияние И.В. Сталина на вопросы науки и культуры значительно возросло. При этом в «основе взаимоотношений власти и научной интеллигенции лежала внутренняя убежденность И.В. Сталина в инакомыслии старой (и новой) интеллигенции и прагматичный подход к использованию ее знаний и опыта, основанный на отсутствии доверия к ней» [11, с. 207].

Такая ситуация имела целый ряд негативных последствий для развития отечественной науки, в том числе психологического направления. Так, в результате принятого 4 июля 1936 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» разгромной критике были подвергнуты «бессмысленные и вредные» анкетирования и тестирования школьников с целью определить роль наследственных и социальных факторов в их жизни [9]. По сути, был наложен запрет на любые исследования, хотя бы внешне напоминавшие педологию. За критикой последовали «оргвыводы» и кадровые перестановки. Среди прочих был арестован и осужден заведующий сектором психологии Института мозга профессор А.А. Таланкин. В сентябре 1937 г. этот пост занял Б.Г. Ананьев. В том же году по совокупности научных работ ему была присвоена ученая степень кандидата педагогических наук.

В невероятно сложной обстановке массовых репрессий в СССР и непрекращающихся попыток партийно-государственной власти

внедрить в практику научных исследований материалистические принципы Б.Г. Ананьев, возглавив сектор психологии, развернул два новых цикла исследований. Первый был посвящен истории отечественной психологии, второй – психологии чувственного отражения.

У ученого сложились собственные взгляды на историю науки, на роль тех или иных деятелей прошлого. Б.Г. Ананьев был убежден в необходимости опоры на опыт предшественников, уважая в них первопроходцев науки. Он обладал высокоразвитым чувством истории: чтобы идти вперед, надо внимательно взглянуть на прошлое, проанализировать его ревизию и извлечь уроки. Именно по проблемам истории психологии Б.Г. Ананьевым была подготовлена и в 1939 г. успешно защищена докторская диссертация на тему «Формирование научной психологии в СССР».

На рубеже 1930-х – 1940-х гг. Б.Г. Ананьев написал несколько программных статей, в которых была выдвинута гипотеза о генезисе чувствительности. По мнению ученого, чувствительность с самого начала онтогенеза выступает как интегральная функция (отправление) целостного организма. Ананьев подчеркивал решающее значение сенсорных процессов в общем развитии человека и пришел к мысли о его неравномерности и гетерохронности [2, с. 4–10].

Особой страницей в жизни нашей страны и народа стала Великая Отечественная война. 8 сентября 1941 г. вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады, возникла и нарастала угроза разрушения бесценных памятников архитектуры и стратегических объектов. Тогда Б.Г. Ананьев обратился в МПВО Ленинграда с инициативой о проведении специальных работ по маскировке городских зданий. Группа сотрудников Института мозга поднималась на башню Исаакиевского собора, чтобы оттуда проводить эксперименты по восприятию городских строений. Благодаря этой работе ученым и военным удалось создать систему искусственной дезориентации на основе данных психофизиологии [3, с. 5–16].

В 1942 г. Ананьев вместе с небольшой группой сотрудников Института мозга оказался в эвакуации, сначала в Казани, затем на родине своей жены в Тбилиси, где начал работать в психопатологическом кабинете эвакогоспиталя. Здесь он занимался восстановлением речевых функций, утраченных в результате боевых ранений.

В Ленинград Б.Г. Ананьев вернулся в конце 1943 г. и вскоре получил предложение руководства Ленинградского государственного университета возглавить, а точнее говоря, создать новую кафедру психологии и психологическое отделение философского факультета университета. К этой работе он приступил со свойственным ему энтузиазмом и самоотдачей в августе 1944 г.

В сентябре 1945 г. Б.Г. Ананьев был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР (действи-

тельным ее членом он стал в 1955 г.). Научная и организаторская деятельность выдающегося ученого была на подъеме. В период 1945–1948 гг. он опубликовал свыше 25 работ, среди них были статьи, посвященные творчеству К.Д. Ушинского как великого русского психолога [4, с. 98–111], основам культуры устной и письменной речи [5, с. 5–16] и др. Ученый был буквально переполнен замыслами, выступал инициатором многих начинаний. Он вел исследования сразу по нескольким направлениям: изучение осязания и других видов чувствительности, психология речи, проблемы детской психологии, продолжал заниматься историей психологии и психологией личности. Результатом исследований в области истории психологии явилась публикация фундаментального произведения «Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков» [6]. В этот период Ананьев отчетливо сформулировал идею о связи формирования характера и познания человека человеком, о закономерностях формирования самосознания человека на ранних стадиях развития.

На рубеже 40-х–50-х гг. XX в. оформилось новое направление исследований Б.Г. Ананьева, истоки которого лежали в довоенных работах Института мозга. Началось целенаправленное всестороннее изучение билатеральности мозга и его функций – проблемы, которая была тогда неизведанной и лишь в последние годы стала весьма популярной, хотя новаторская роль Ананьева при этом почти не упоминается.

Возглавляя в 1951–1960 гг. Ленинградский научно-исследовательский институт педагогики АПН РСФСР, Б.Г. Ананьев организовал комплексное изучение проблем обучения, воспитания и развития, осуществляемое педагогами, психологами и методистами. Целью этих исследований явилось изучение взаимосвязей различных сторон развития школьников в процессе обучения и разработка научных основ организации учебного процесса. Результаты этих исследований были обобщены в коллективной монографии «Первоначальное обучение и воспитание детей», вышедшей в 1958 г.

В 1957 г. Ананьеву исполнилось 50 лет. Состоялось торжественное собрание, на котором юбиляр говорил о необходимости комплексных исследований, о синтезе всех знаний о человеке. Начало комплексных исследований в школе Ананьева совпало с общим подъемом психологической науки, оживлением в стране в период «оттепели». В 1959 г. в ЛГУ была создана первая в СССР лаборатория инженерной психологии, которую возглавил ученик и сотрудник Ананьева Б.Ф. Ломов. В 1962 г. организована первая в стране лаборатория социальной психологии (заведующий Е.С. Кузьмин – также ученик Ананьева). По инициативе Ананьева в ЛГУ открыли Институт комплексных социальных исследований и в его составе – лабораторию дифференциальной антропологии и психологии.

В начале 60-х гг. Б.Г. Ананьев приступил к работе над книгой «Человек как предмет познания», где подвел итоги своей многолетней работы и обозначил контуры синтетической науки о человеке. Он указал на необходимость сосредоточить внимание исследователей на рассмотрении взаимных связей между разными областями, так или иначе связанными с изучением человека, между техническими и антропологическими науками, на необходимость исследования основных направлений, по которым должен осуществляться комплексный подход к проблеме воспитания человека. Рассматривая вопрос о взаимодействии медицинских, педагогических и технических наук в системе человекознания, Б.Г. Ананьев, выступая как науковед, отмечал, что медицинские и педагогические науки являются прикладными (по отношению к общественным наукам) и вместе с тем теоретическими, так как они обобщают практический опыт в наиболее гуманных видах деятельности общества [7].

Б.Г. Ананьев пришел к выводу о необходимости создания общей картины психического развития человека, что представляет собой как бы итог всего творческого пути ученого. Проблема целостности человека как индивида, субъекта деятельности и личности требовала принципиально нового подхода в ее решении – организации комплексного изучения человека.

В 1965 г. Б.Г. Ананьевым были организованы два цикла работ, выполнявшихся до 1972 г. Один из этих циклов выполнялся коллективом сотрудников сектора психологии НИИ общего образования взрослых (зав. сектором Е.И. Степанова), другой – сотрудниками лаборатории дифференциальной психологии и антропологии ЛГУ (зав. лабораторией Б.Г. Ананьев). Перед первым циклом работ стояла задача разработать возрастную периодизацию зрелости или взрослости и определить меру обучаемости взрослых, перед вторым – исследовать структуру личности и динамику ее развития у студентов на протяжении пяти лет их обучения в вузе.

Многое из задуманного Б.Г. Ананьеву осуществить не удалось. Он скончался от инфаркта 18 мая 1972 г.

Жизнь и творчество этого выдающегося ученого были подлинным служением Отечеству, перипетии истории которого непосредственно отразились на судьбе Б.Г. Ананьева. Оценивая значение его деятельности для отечественной науки, необходимо подчеркнуть, что им был разработан принципиально новый методологический подход к исследованию психики человека. Это позволило не только выделить новые разделы психологии, но и по-новому взглянуть на самого человека. Говоря об основных особенностях развития научного знания о человеке, Б.Г. Ананьев отмечал, что проблема человека становится общей проблемой для всей науки в целом. При этом для научного познания человека характерны как

все возрастающая дифференциация и специализация отдельных дисциплин, так и тенденция к объединению различных наук и методов исследования человека. Не сразу идеи Б.Г. Ананьева были оценены коллегами. Лишь спустя годы ученые осознали ценность комплексного и системного подходов в сфере человекознания – по мере развития системных идей и самих наук о человеке. Приоритет Б.Г. Ананьева как одного из крупнейших отечественных ученых здесь неоспорим.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. – Т. IV. – Вып. 3–4. – Л., 1931.
2. Ананьев Б.Г. К постановке проблемы чувствительности // Тр. ин-та по изучению мозга им. В. М. Бехтерева. Т. XII. – Л., 1940.
3. Ананьев Б.Г. Психофизиологические вопросы военной маскировки // Психология: тр. Академии наук Грузинской ССР. Т. II. – Тбилиси, 1943.
4. Ананьев Б.Г. К.Д. Ушинский – великий русский психолог // Советская педагогика. – 1945. – № 12.
5. Ананьев Б.Г. Психологические основы культуры устной и письменной речи и ее воспитание в школе // Психология речи: учен. зап. Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 53. Л., 1946.
6. Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. – М., 1947.
7. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1969.
8. Гайдамакин А.В. Политический экстремизм власти и научное творчество ученого. Конец 20-х – 30-е гг. XX столетия // Социальные конфликты в истории России: материалы Всерос. науч. конф. Омск, 22 окт. 2004 г. – Омск, 2004.
9. Правда. – 1936. – 4 июля.
10. Ратьковский И.С., Ходяков М.В. История Советской России. – СПб., 2001.
11. Судариков А.М. Советская наука под управлением И.В. Сталина: успехи, проблемы, неудачи // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. – СПб., 2001.
12. Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). – СПб., 2011.
13. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). – СПб., 1997.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391.7:391(=511.152)

З.И. Акимова, В.В. Митина

Нагрудные и поясные украшения народной одежды мордвы Москвы и Московской области

В статье описаны основные типы нагрудных и поясных украшений мордвы, проживающей в Москве и Московской области, выходцев из Краснослободского и Ковылкинского районов. Рассмотрены и выявлены традиционные и оригинальные украшения, изучен способ их ношения.

This paper describes the main types of breast and belt decorations Mordovians living in Moscow and the Moscow region and natives Krasnoslobodsky Kovylkinskogo areas. Examined and identified traditional and original decoration, to explore ways of wearing them.

Ключевые слова: нагрудные украшения, поясные украшения, одежда, этнография, традиция.

Key words: breast jewelry, belt ornaments, clothing, ethnography, tradition.

Традиционный праздничный мордовский костюм отличался обилием украшений. Женские украшения в народной одежде имели разделение по месту их ношения: нагрудные, поясные, наручные, головные [1, с. 93–128]. Комплекс украшений в народной одежде указывал на материальное положение женщины, её социальный и возрастной статус. Материалами для изготовления украшений служил широкий спектр доступных в природе предметов и веществ: кожа, мех, шерсть, дерево, кора, лыко, растительные волокна, камень, перо, конский волос, стекло, металл и даже кости животных.

Наиболее богатый комплекс украшений женщины носили вокруг шеи и на поясе – это нагрудные и поясные украшения. Данные украшения в первую очередь помимо необходимых функций (скрепление глубокого выреза рубахи, фиксирование широкой рубахи на уровне пояса) являлись оберегами, защищали наиболее значимые области тела женщины необходимые для продолжения рода (грудь, бедра) от потустороннего влияния. Мордва до наших дней сохранила интересные древние формы украшений, которые можно наблюдать и в современной народной одежде.

С целью изучить современное состояние традиционной одежды у мордвы Центральной части России была организована этнографическая экспедиция в Москву и Московскую область (2012 г., Л.И. Никонова – проф., рук. экспед.) [4], позволившая собрать интереснейший материал. В Москве и области была зафиксирована народная одежда коллективов художественной самодеятельности: «Бояраваня», «Колопинские голоса», «Марлюня», «Масторава», «Тештине-Тяштине», «Эрзянь вайгель», «Эх, Мордовочки!», а также отдельных представителей мордовской диаспоры. Это комплекс костюма мордвы – выходцев из Краснослободского, Ковылкинского, Зубово-Полянского, Атюрьевского, Торбеевского, Кадошкинского районов республики Мордовия, а также из Оренбургской, Пензенской областей, городов Темников и Москва, каждый из которых обладал определенной спецификой.

У мордвы, проживающей в Москве и Московской области, традиционная одежда представляет переходный и городской типы, т. е. ансамбль одежды включает: белую рубаху или платье, фартук, головной убор, комплекс украшений (поясные, нагрудные), редко можно наблюдать традиционную обувь в костюме, она обычно заменяется на современные сапоги. Некоторые отдельные комплексы костюма включают старинные украшения, которые женщины носят на груди или на поясе, в одежде также можно наблюдать украшения, изготовленные из новых материалов, являющиеся современным вариантом старинных украшений.

Остановимся на рассмотрении украшений в одежде выходцев из Краснослободского и Ковылкинского районов. Краснослободский район представлен одеждой: П.В. Букиной, Е.В. Букиной, А. Букиной, В.Н. Журавлёвой, А.П. Ивониной, О.П. Фединой, Н.П. Чуркиной, Л.П. Шубиной, Т.В. Шукшиной (деревня Старое Липьёво); А.С. Алиевой (село Мордовские Парки); Н.Б. Вельмискиной, Е.Н. Сидоркиной (село Колопино); А.П. Пиксайкиной (село Мордовские Полянки); Н.Т. Кувезёнковой и её дочери М. Кувезёнковой, А.И. Ткачёвой, Е.Т. Чинилиной, Т.Т. Чумбаевой (село Рыбкино). Рассмотрена также одежда следующих выходцев из Ковылкинского района: М.А. Алимовой, Т.А. Зайчук, Е.Д. Кольтяпиной, Н.Д. Куфтиновой (село Волгапино); Н.Г. Гудковой, Н.М. Гуськовой (село Ежовка); Е.Я. Мишаниной (село Мамолаево); Н.А. Гутарёвой (село Мордовское Коломасово); Е.М. Шукшиной (деревня Поникедовка).

Среди характерных нагрудных украшений традиционного комплекса мордвы исследователи выделяют, прежде всего, заколку *сюлгам* (м.), *сюлгамо* (э.), позволявшую скреплять края глубокого грудного выреза рубахи. Традиционные женские рубахи имели глубокий вырез, что было связано с функциональной необходимостью, использованием рубахи в период кормления младенца: «Рубаха как

основной элемент женской одежды, – пишет Т.А. Шигурова, – должна была выполнять чисто практическую функцию, то есть быть удобной для будущей матери: специальной одежды для нее не шили» [32, с. 3]. С уменьшением форм бытования народного костюма (исчезновения его из повседневной жизни), происходившего с начала XX в., глубокий вырез становится значительно меньше и постепенно заменяется на более удобную в городских условиях маленькую горловину, скрепляющуюся, как правило, пуговицей. Данные процессы способствовали исчезновению из народной одежды традиционной заколки *сюлгам* (м.), *сюлгамо* (э.). Ту же специфику можно наблюдать в изучаемой одежде мордвы, проживающей в Москве и Московской области, так как рубахи их одежды имеют неглубокий треугольный вырез горловины, а в целостном комплексе одежды отсутствует традиционная нагрудная заколка.

До наших дней мордва исследуемого региона сохранила разнообразные украшения в виде колье, бисерных пелерин, нитей бусин. Характерной особенностью нагрудных украшений костюма мордвы-мокши Краснослободского, Старошайговского, Ковылкинского, Рузавского районов, как отмечают исследователи, является их компактность: «Комплекс нагрудных украшений был компактно собран вокруг шеи, так как в ансамбле заметное место отводилось передникам с высокой грудкой» [2, с. 313]. Таким образом, комплекс нагрудных украшений выходцев из Краснослободского и Ковылкинского районов имеет много общего: в него входит небольшого размера бисерная сетка или сетка из бусин – *цифкс*, которая располагается очень близко к шее, и нить из бус, бисера и стекла – *карганят*.

Бисерную сетку, со слов информаторов [5; 14] называемую *цифкс*, можно наблюдать среди нагрудных украшений одежды: М.А. Алимовой [6], Е.В. Букиной [7], П.В. Букиной [5], А. Букиной [8], Н.Б. Вельмискиной [9], Н.Г. Гудковой [10], Т.А. Зайчук [11], А.П. Ивоиной [12], Е.Д. Кольяпиной [13], Н.Д. Куфтиновой [14], А.П. Пиксайкиной [15], Е.Н. Сидоркиной [16], О.П. Фединой [17], Н.П. Чуркиной [18], Т.В. Шукшиной [19]. Оно изготовлено из двух – восьми рядов сетки среднего размера бусин «золотого», синего, зеленого, «серебряного», сиреневого, красного цветов. Среди нагрудных украшений одежды М.А. Алимовой [6] можно видеть две разновидности бисерных ожерелий, при этом большее ожерелье одевается ниже меньшего. Чуть ниже ожерелий в одежде М.А. Алимовой [6] расположены три броши из бусин в виде стилизованных цветов. Среди нагрудных украшений А.П. Пиксайкиной [15] помимо описанного выше украшения *цифкс* можно видеть плотную бисерную полосу с четким геометрическим орнаментом, украшение одевается «стойкой» высоко вокруг шеи. Общим для данных украшений служит со-

временный материал, из которого изготавливаются украшения – это бисер крупного размера или бусины. Применение данного материала при производстве украшения свидетельствует о тенденции в упрощении сложной техники изготовления.

Отличаются нагрудные украшения, включенные в одежду А.С. Алиевой [20], М. Кувезенковой [22] и Е.Я. Мишаниной [21]. Одно из двух украшений *цифкс* в одежде А.С. Алиевой [20], меньшего размера, изготовлено из крупного однотонного бисера желтого цвета, его края декорированы бубенцами. Бисерное ожерелье Е.Я. Мишаниной [21] изготовлено из мелкого бисера разных цветов: белого, зелёного, жёлтого, красного и металлических бубенчиков по краю. *Цифкс*, включенное в одежду М. Кувезенковой [22] – это широкая пелерина, сплетенная из 12 рядов мелкого бисера розового, красного, оранжевого, зеленого, жёлтого, белого и чёрного цветов. Материалы, из которых изготовлены данные украшения, свидетельствуют о том, что они являются ранним типом украшения, традиционным украшением мордвы-мокши.

Во все ансамбли нагрудных украшений народной одежды исследуемой группы входит несколько рядов нитей бусин *крганят* различных цветов, контрастирующих с яркими передниками – это «жемчужные» белые, розовые, жёлтые, «изумрудные», черные, красные, коричневые и другие бусины. *Крганят* костюма А. Букиной [8] и Т.В. Шукшиной [19], в который не включен передник, имеет темные цвета, составляя контраст белому фону рубахи. В костюмах В.Н. Журавлёвой [28] и Е.Т. Чинилиной [29] отсутствует *цифкс*, поэтому единственным нагрудным украшением одежды служат нити бусин *крганят*, плотно покрывающих грудь женщины. Нить из бус надевается женщинами поверх *цифкс* и обматывается вокруг шеи два или три раза, спускаясь низко до пояса. Бусы грамотно объединяют элементы комплекса одежды в целостный ансамбль.

Отдельно следует рассмотреть нагрудные украшения одежды Н.Т. Кувезёнковой [22], А.И. Ткачёвой [23] и Т.Т. Чумбаевой [24], так как они являются современными и не связанными с традицией. Украшения данной группы одежды состоят из двух типов: кольцо, расположенного плотно к шее, имеющего современную форму в виде декоративных веточек с листьями и цветами, изготовленного из современных материалов, блестящих страз; кольцо дополняют современные нити бус различных цветов – белого, красного, бардового, зеленого, голубого, розового, «золотого», «жемчужного», подобранных в контраст передникам или рубахам. Колье, по всей видимости, включено в одежду женщинами с целью объединения костюма членов коллектива «Эх, Мордовочки!» в целостный ансамбль. Нити бус надеваются поверх кольца, обматываясь вокруг шеи от двух до шести раз, спускаясь низко до живота.

Ярким и самобытным нагрудным украшением одежды выходцев из Ковылкинского района служит нарядная пелерина из бисера – *бояравань крганя*, закрывавшая плечи, грудь и спину женщины, доходившая до пояса, её концы декорируются монетками: «Белая рубаха была фоном для пелерины, которая со временем вытеснила вышивку на плечах и груди. Традиционно это украшение надевала невеста на свадьбу, а молодые женщины носили его по большим праздникам. В XX в. *бояравань крганя* получила широкое распространение как типичный элемент костюма мокшанок всего ареала» [2, с. 342]. Данное украшение можно видеть в одежде Н.А. Гутарёвой [25], Н.М. Гуськовой [26] и Е.М. Шукшиной [27], оно плотно прилегает к шее и спускается ниже груди. Пелерина изготовлена из мелкого бисера ярких цветов, формирующего ряды геометрического орнамента в виде ромбов, ромбов с «отростками», зигзагов и косоугольного креста. В комплекс нагрудных украшений Е.М. Шукшиной [27] поверх бисерной пелерины надета пелерина небольшого размера, изготовленная из семи рядов разноцветных бусин. *Бояравань крганя* Н.А. Гутарёвой [25] и Н.М. Гуськовой [26] дополняется нитями из бусин различной формы, цвета и длины.

Благодаря предпринятой экспедиции была обнаружена интересная коллекция народной одежды, которая бережно сохранилась Ниной Дмитриевной Куфтиновой [14]. В коллекции одежды, помимо нескольких ожерелий *цифкс*, изготовленных Ниной Дмитриевной из современных материалов, можно было видеть старинное черезплечное украшение, которое состоит из рядов цепочек, стекляруса, бусин и монет – это *кичкор*. Данный тип украшения носили женщины на плечах, надевая его наперекрест: «Имелось у мордвы особое черезплечное украшение в виде перевязи. Девушки и молодые замужние мокшанки в праздничные дни носили перевязь в Инсарском и Ковылкинском районах. Называли перевязь *кичкор*, *крёскал* или по-русски кресты» [1, с. 126]. Украшение *кичкор* в коллекции Н.Д. Куфтиновой [14] имеет большую длину и состоит из цепочки, на которую фиксируются чёрный и прозрачный стеклярус, различные монеты и бубенцы.

Необходимой деталью костюмного комплекса мордвы являлся пояс, который позволял фиксировать к телу длинную широкую рубаху. Согласно традиции существовали особые способы повязывания пояса, отличающие одежду отдельных групп мордвы. Среди этнографических признаков, как отмечают исследователи, была особенность подпоясывания мокшанскими женщинами рубах выше колен, оставляя большой напуск над поясом: «Пояс... перевиваясь в два приема под животом и держа на бедрах шерстяные кисти... прижимается к телу собственную спереди сумою, а сзади морщинами длинную рубаху мордовки» [31, с. 332].

Наибольшее распространение среди разнообразия поясов исследуемой группы одежды по технике изготовления имеет пояс, тканый на дощечках шириной от 1 до 5 см, называемый, со слов Н. Д. Куфтиновой [14], *каркс*. Его можно встретить в одежде: Н.Г. Гудковой [10], Е.Д. Кольяпиной [13], Н.Т. Кувезёнской [30], М. Кувезёнской [22], Н.Д. Куфтиновой [14], Е.Я. Мишаниной [21], А.И. Ткачёвой [23], О.П. Фединой [17]. В комплект костюма О.П. Фединой [17] входит пояс, плетенный из шерсти на дощечках темно-красного как основного, а также темно-синего, желтого и зеленого цветов как дополнительных. Данный пояс является традиционным, о чем свидетельствуют материалы и техника его производства. Пояса в одежде Н.Г. Гудковой [10], Е.Д. Кольяпиной [13], Н.Т. Кувезёнской [30], М. Кувезёнской [22], Н.Д. Куфтиновой [14], А.И. Ткачёвой [23] завязаны с левой стороны и сплетены из шерсти более ярких цветов – красной, синей, розовой, белой, зелёной, жёлтой. Край поясов декорируется маленькими кистями трех ярких цветов: пояс Н. Т. Кувезёнской [30] – зелёным, розовым и синим; пояс М. Кувезёнской [22] – жёлтым, красным и зеленым; пояс А.И. Ткачёвой [23] – голубым, красным, жёлтым. Пояс в одежде, где включена рубаха, повязывается под передником (одежда Н.Т. Кувезёнской [30] и Е.Т. Чинилиной [29]), в одежде, где присутствует платье, пояс одет поверх передника (одежда А.И. Ткачёвой [23], Т.Т. Чумбаевой [24]). Пояс в одежде Е.Я. Мишаниной [21] повязывается на спине, его края с короткими красными кистями выправляются, создавая дополнительное поясное украшение на спине женщины.

В качестве пояса в одежде Е.В. Букиной [7] и Е.М. Шукшиной [27] используется широкий кашемировый кушак зеленого цвета, повязанный поверх передника и рубахи и составляющий им контраст. Кушак завязан по центру на животе женщины, его края выправлены по бокам. Согласно выводам исследователей подобный тип пояса может служить имитацией парного поясного украшения *кеска рущат* – набедренных полотенец: «С появлением фабричных кашемировых кушаков боковые полотенца вышли из обихода, уступив место новой моде красиво располагать среди подвесок концы кушака» [2, с. 313].

Оригинальный пояс можно видеть в одежде П.В. Букиной [5], В.Н. Журавлевой [28], Т.А. Зайчук [11], он связан крючком из цветной пряжи с добавлением блестящего люрикса. Пояс завязан на уровне живота, по левой стороне, состоит из отдельных цветковых фрагментов: красного, зеленого, голубого, оранжевого, синего, бардового цветов, на его конце имеются пушистые кисти. Разнообразные разновидности поясов, плетенных на дощечках и вязанных крючком, можно видеть в коллекции Н.Д. Куфтиновой [14], которые были изготовлены ею.

Представляет интерес пояс в одежде А. Букиной [8], который может рассматриваться как самостоятельное и оригинальное украшение данного детского костюма. Пояс состоит из широкой красной ткани, на которую рядами нашиты цветная тесьма с геометрическим орнаментом, тесьма «зигзаг», плетенный на дощечках шерстяной узкий пояс, а также декоративные ленты, на которые нашиваются блестящие пайетки.

В виде самостоятельного украшения одежды Т.В. Шукшиной [19] используется пояс, из-за того, что в костюме не включен передник. Красный широкий пояс создает контраст белой ситцевой рубахе. Пояс повязан с правой стороны, его концы украшены фабричными тесьмой с геометрическим рисунком, блестящими лентами и небольшими кистями. Данное украшение не является традиционным для костюма мордвы-мокши, и скорее всего изготовлено на производстве, с целью определения общих деталей в костюме членов самодеятельного коллектива «Бояраваня», так как в одежде некоторых членов коллектива можно наблюдать подобное поясное украшение.

К отдельной группе украшений костюма следует отнести поясные подвески у выходцев из Краснослободского района, которые можно наблюдать в одежде А.С. Алиевой [20], Н.Т. Кувезёнковой [22], А.П. Пиксайкиной [15], О.П. Феединой [17]. В качестве поясного украшения в одежде А.С. Алиевой [20], А.П. Пиксайкиной [15], О.П. Феединой [17] служит пара подвесок небольшого размера, трапециевидной формы с красными кистями на конце, которые, со слов информаторов [5; 17], назывались *килькш*. Конструкция украшений состоит из проволоки, соединенной при помощи металлических цепочек и шерстяного тканого пояса, широкие красные кисти зашиты рядами пуговиц, бисера, стекляруса, бус и медных цепочек, по бокам подвесок располагаются колокольчики. Указанное украшение – это современный вариант традиционных подвесок *килькш*, носимых мордвой-мокшей данного района: «Парные подвески – *кильштамат*, или *сект*, имели трапециевидную форму, в их основе были плотно украшенные на шерстяную тесьму в два или четыре ряда раковины-каури, дополненные разноцветными бусами, яркими кистями из шерстяных нитей, поднизями из бисера» [3, с. 243].

Данные поясные украшения сохраняют форму и размер, характерные для традиционных украшений, при этом ряды белых раковин-каури заменяются на ряды бусин, медные пуговицы заменяются на плоские шерстяные круги зеленого и розовых цветов, кисти дополняются мелкой бисерной декоративной отделкой. Традиционное поясное украшение *килькш* можно наблюдать в одежде Н.Т. Кувезёнковой [22]. На это указывают материалы, использованные для его производства. Украшение состоит из бусин красного, синего,

жёлтых цветов, старинных монет, металлических пуговиц и круглых бубенцов, нашитых по краю и низу *килькш*.

В комплексе одежды выходцев из Ковылкинского района Т.А. Зайчук [11], Н.Д. Куфтиновой [14], Е.Я. Мишаниной [21] можно видеть парное поясное украшение – подвески, со слов Н.Д. Куфтиновой [14], называемые *килькшт*. Украшение декорируется раковинами каури, стеклярусом, бисером, латунными пуговицами и бубенцами, их низ оформляется шерстяными кистями. Данные подвески, как отмечают исследователи, можно видеть в традиционном костюме, что свидетельствует о его сохранности в исследуемой группе одежды: «подвески состояли из металлического каркаса в виде двух, трех рядов медной проволоки, скрепленной поперечными стержнями. На проволоку нанизывались раковины каури. Иногда основу украшения составлял узкий плетеный пояс, на который прикреплялись раковины, разноцветные бусы, медные пуговицы, а по краям на поперечную проволоку – бубенчики (*корейнят*), жетоны, а также кисточки *цёконят* из бисера. Подвески всегда имели на конце бахрому из красных или черных шерстяных или шёлковых ниток» [1, с. 108].

В одежду Н. Д. Куфтиновой [14] включены поясные подвески позднего варианта; они также состоят из проволочного каркаса; ряды раковин и медных пуговиц заменяются на бусины, бисер, современные цветные пуговицы, плоские круги из картона обмотанные цветной шерстью; сохраняются бубенцы по бокам украшения; низ *килькшт* оформляется красными кистями из шерсти с нашивкой из бисера и стекляруса. Данное поясное украшение надето женщиной по бокам на бедрах симметрично с левой и правой стороны.

Отдельно следует рассмотреть поясные подвески, включенные в одежду Н.А. Гутарёвой [25] и Н.М. Гуськовой [26], так как они представляют наиболее полный набор, состоящий из двух пар подвесок коротких, рассмотренных выше, и длинных, одетых в данном костюме под короткими. Этот набор подвесок является праздничным, а способ их ношения – традиционным и характерным для исследуемой группы одежды: «Характерной чертой поясного набора южных сёл было наличие в ансамбле двух пар длинных и коротких подвесок» [2, с. 343]. Подвески Н.М. Гуськовой [26] состоят из проволочного каркаса, на который рядами нанизаны «золотистые» пуговицы, зеленые и белые бусины, ракушки-каури. Вместо кистей по низу украшений пришита красная ткань, натянутая на каркас трапециевидной формы, повторяющий форму кистей, ткань оформлена нашитыми пуговицами, блестящими пайтками и «золотистыми» монетками, цветным бисером, нашивка из которого создает ряды простого геометрического орнамента в виде ромбов, крестов и зигзагов. По бокам *килькшт* имеются «золотистые» колокольчики. Парные

подвески Н.А. Гутарёвой [25] изготовлены из более старых материалов – латунных пуговиц и крупных бусин, низ украшения оформлен красными шерстяными кистями.

В коллекции одежды Н. Д. Куфтиновой [14] можно было видеть две разновидности описанных выше длинных и коротких поясных подвесок *килькшт*. Одна пара длинных подвесок изготовлена из рядов латунных пуговиц, бусин красного цвета, ракушек-каури, плоских кругов, обмотанных розовой и зеленой шерстяной нитью, по краям дополненные подвижными бубенцами. Вместо кистей используется трапециевидной формы ткань, натянутая на каркас, на которую нашиты ряды тесьмы, пуговиц, блессток и мелкого цветного бисера. Вторая пара длинных украшений изготовлена из рядов латунных пуговиц и кругов, обмотанных цветной шерстью, в центре которых располагается белая пуговица, раковин-каури, зеленых и синих бусин, металлических бубенцов по бокам. По низу украшение имеет красные шерстяные кисти, декорированные проволокой, пуговицами и бисером. Две пары коротких поясных украшений изготовлены из мелкой цепочки, металлических и пластиковых пуговиц, бусин разных цветов, монет бубенцов. Отличаются украшения цветом шерстяных кистей, имеющих по низу, в одном случае это красные кисти, в другом зеленые.

Своеобразным поясным украшением, которое можно наблюдать только в одежде П.В. Букиной [5], является поясное украшение квадратной формы, которое надето женщиной с правой стороны. Украшение состоит из ткани, на которую нашиты разноцветные атласные ленты, белое кружево и блестящие пайетки, по низу украшение декорировано маленькими круглыми бубенцами.

Подводя итог изучению нагрудных и поясных украшений мордвы, проживающей в Москве и Московской области, следует отметить, что носителями костюма являются женщины среднего и пожилого возраста, что приводит к некоторым изменениям в одежде. Женщины разных возрастов надевают наиболее сложные, богатые и нарядные нагрудные и поясные украшения. Также в условиях города происходит постепенное стирание традиционных способов подпоясовывания рубахи в пользу индивидуального удобства носительницы костюма, исчезает необходимость в ношении наиболее характерного нагрудного украшения – заколки *сюлгам* (м.), *сюлгамо* (э.) из-за изменений в крое рубахи.

При внимательном рассмотрении нагрудных и поясных украшений мордвы, проживающей в Москве и Московской области, заметна тенденция сохранения в народной одежде территориального признака, т. е. его особенностей по месту рождения носительницы костюма. Выражается это в сохранившихся особых способах ношения поясных подвесок, формах, материалах и способах производства

некоторых нагрудных и поясных украшений. Отмечены тенденции возникновения новых традиций, связанных с тем, что мордва объединяется в коллективы самодеятельности. Так, женщины, которые являлись представителями того или иного коллектива художественной самодеятельности, старались включать в одежду схожие близкие украшения, например, нагрудные – кольцо – члены коллектива «Эх, Мордовочки!», или пояса – представительницы коллектива «Бояраваня».

Таким образом, описание нагрудных и поясных украшений мордвы, проживающей в Москве и Московской области, свидетельствует о том, что в народной одежде наравне соседствуют как традиции, так и нововведения, позволяющие формировать новую городскую этническую культуру.

Список литературы

1. Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. – М., 1973.
2. Мордовский народный костюм: альбом / сост. и авт. текста: Т.П. Прокина, М.И. Сурина; редкол.: Н.Ф. Мокшин и [др.]; пер. с англ. Н.Н. Плеханкова; фот. Б. А. Тишулин. – Саранск, 2007.
3. Мордовский народный костюм: альбом / Т.П. Прокина, М.И. Сурина. – Саранск, 1990.
4. Никонова Л.И. Фотоматериал по результатам этнографической экспедиции: Москва и Московская обл. 2012 г. // Архив отдела этнографии и этнологии государственного казённого учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».
5. ПМА: Букина Пелагея Васильевна, 1939 г. р., Куфтинова Нина Дмитриевна, 1952 г. р., Москва, записи 2012 г.
6. ПМА: Алимova Мария Александровна, 1953 г. р., Москва, записи 2012 г.
7. ПМА: Букина Елена Викторовна, 1970 г. р., Москва, записи 2012 г.
8. ПМА: Букина Арина, 2004 г. р., Москва, записи 2012 г.
9. ПМА: Вельмискина Наталия Борисовна, 1963 г. р., город Видное, записи 2012 г.
10. ПМА: Гудкова Надежда Григорьевна, 1965 г. р., Москва, записи 2012 г.
11. ПМА: Зайчук Татьяны Александровны, 1949 г. р., город Зеленоград Моск. обл., записи 2012 г.
12. ПМА: Ивонина Анна Павловна, 1956 г. р., Москва, записи 2012 г.
13. ПМА: Кольтяпина Елена Дмитриевна, 1966 г. р., Москва, записи 2012 г.
14. ПМА: Куфтинова Нина Дмитриевна, 1952 г. р., Москва, записи 2012 г.
15. ПМА: Пиксайкина Анна Павловна, 1962 г. р., Москва, записи 2012 г.
16. ПМА: Сидоркина Елена Николаевна, 1959 г. р., Москва, записи 2012 г.
17. ПМА: Федина Ольга Павловна, 1964 г. р., Москва, записи 2012 г.
18. ПМА: Чуркина Нина Павловна, 1969 г. р., Москва, записи 2012 г.
19. ПМА: Шукшина Татьяна Владимировна, 1955 г. р., Москва, записи 2012 г.
20. ПМА: Алиева Анна Степановна, 1952 г. р., Москва, записи 2012 г.
21. ПМА: Мишанина Екатерина Яковлевна, 1959 г. р., Люберцы Моск. обл., записи 2012 г.
22. ПМА: Кувезёнкова Маша, 2002 г. р., Москва, записи 2012 г.

23. ПМА: Ткачёва Анна Ивановна, 1961 г. р., Москва, записи 2012 г.
24. ПМА: Чумбаева Татьяна Тимофеевна, 1961 г. р., Москва, записи 2012 г.
25. ПМА: Гутарёва Нина Архиповна, 1961 г. р., Москва, записи 2012 г.
26. ПМА: Гуськова Наталья Михайловна, 1961 г. р., Москва, записи 2012 г.
27. ПМА: Шукшина Елена Михайловна, 1974 г. р., Москва, записи 2012 г.
28. ПМА: Журавлёва Валентина Николаевна, 1967 г. р., Москва, записи 2012 г.
29. ПМА: Чинилина Елена Тимофеевна, 1964 г. р., Москва, записи 2012 г.
30. ПМА: Кувезёнкова Наталия Тимофеевна, 1969 г. р., Москва, записи 2012 г.
31. Примеров А. Одежда Каменнобродских русских и мордвинов (Описание народных одеяний, носимых русскими и мордвою, живущими в окрестностях села Каменный Брод Краснослободского уезда Пензенской губернии) // Моск. унив. изв. – 1868. – № 4. – С. 332.
32. Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы; науч. ред. Н. И. Воронина. – Саранск, 2012. – С. 3.

Традиции и новации в вышивке народной одежды мордвы Москвы и Московской области

В статье дается описание вышивки народной одежды мордвы, проживающей в Москве и Московской области, определяются сохранившиеся традиции и новации, проникающие в вышивку рубах народной одежды мордвы.

This article describes the popular clothing embroidery Mordovians living in Moscow and Moscow region, determined to preserve the tradition and innovation, penetrating into the shirts embroidered folk costumes Mordva.

Ключевые слова: вышивка, одежда, рубаха, этнография, традиция, новация.

Key words: embroidery, clothing, shirt, ethnography, tradition, innovation.

Далеко за пределами территории жизни мордовского этноса его традиционный костюм был известен своим богатством. Л.Н. Молотова, описывая вышивку мордвы, выделяет ее особенность и сложность среди традиционной вышивки народов России: «Иной по характеру узора и технике исполнения была мордовская вышивка – она более массивна, декоративна и фактурна. Как справедливо отмечают специалисты, ей присуща ковровость. И действительно, старинные женские рубахи, почти сплошь покрытые продольными полосами густой, плотной вышивки, производят именно такое впечатление» [2, с. 25]. Орнамент вышивки, будучи порождением и принадлежностью традиционной культуры, глубоко консервативен, мало подвержен изменениям. Своими корнями он восходит к архаическим временам и является хранителем еще мифологических представлений о бытие.

Основным элементом народного костюма мордвы является рубаха, которая нередко служила верхней и нижней одеждой одновременно. Именно рубаха оформлялась наиболее богатой вышивкой, сложность и техника её исполнения была в прямой зависимости от мастерства девушки или женщины, носительницы костюма, которая сама изготавливала одежду.

С целью изучить современное состояние народной художественной культуры, в том числе одежды и вышивки, в этнокультурных процессах мордвы Центральной части России была организована этнографическая экспедиция в Москву и Московскую область [4]. В

ходе экспедиции был собран материал, позволяющий выявить степень сохранности традиции, а также количество нововведений, проникающих в народный костюм мордвы.

Важно отметить, что вышивка в народной одежде мордвы, проживающей в Москве и Московской области, зафиксирована, прежде всего, в одежде коллективов художественной самодеятельности: «Бояраваня», «Колопинские голоса», «Марлюня», «Масторава», «Тештине-Тяштине», «Эрзянь вайгель», «Эх, Мордовочка!», а также отдельных представителей мордовской диаспоры. Это выходцы из Краснослободского, Ковылкинского, Зубово-Полянского, Атюрьевского, Торбеевского, Кадошкинского районов республики Мордовия, а также из Оренбургской, Пензенской областей, городов Темников и Москва, каждый из которых обладал определенной спецификой.

Новая сфера функционирования народной одежды – сценические площадки, крупные торжества, мероприятия, семейные и государственные праздники – способствуют повсеместному изменению костюма. Новизной является необходимость как можно ярче продемонстрировать этническую культуру, оригинальность того или иного коллектива или отдельного представителя, что способствует появлению вариативности вышивки рубах в народной одежде мордвы.

Вышивку рубах мордвы, проживающей в Москве, следует разделить на три разновидности: рубахи, вышитые традиционной вышивкой; оформленные вышивкой, локализуемой в принятых традицией зонах, вышивка на данных рубахах выполнена как традиционными техниками, так и нетрадиционными, но её рисунок повторяет преимущественно геометрические мотивы, присущие традиции; рубахи, декорированные различными техниками, вышивка в которых наносится как в традиционных зонах, так и в нетрадиционных.

В качестве примера следует рассмотреть вышивку рубах народной одежды: Е.В. Букиной (уроженка деревни Старое Липьёво Краснослободского района), А. Букиной (уроженка Москвы), Т.А. Зайчук (уроженка села Волгапино Ковылкинского района), Н.Д. Куфтиновой (уроженка села Волгапино Ковылкинского района), Е.Я. Мишаниной (уроженка села Мамолаево Ковылкинского района), А.П. Пиксайкиной (уроженка села Мордовские Полянки Краснослободского района), О.П. Фединой (уроженка деревни Старое Липьёво Краснослободского района), Н.П. Фоминой (уроженка села Вышелей Городищенского района Пензенской области), Л.П. Шубиной (уроженка деревни Старое Липьёво Краснослободского района).

Надежда Петровна Фомина [5] является носителем неполного традиционного комплекса костюма, в который входят: рубаха, распашная одежда, головной убор (платок), нагрудные украшения; в костюме отсутствуют поясные украшения и традиционная обувь.

Рубаха Н.П. Фоминой изготовлена из домотканого полотна, ее вышивка традиционна для мордвы-эрзи и выполнена в техниках: «счетной глади», «росписи» и «набора»: «Эрзянская вышивка характеризовалась красивой ковровой фактурой. Её орнамент был довольно прост: ромбы, кресты, ломаные линии, россыпь точек» [3, с. 36]. Геометрические мотивы плотной вышивки рубахи Н.П. Фоминой являются традиционными; согласуются с канонами материалы, применяемые для вышивки (шерсть) и цвета вышивки (темно-красный и темно-синий как основные, оранжевый и зеленый как дополнительные). Рубаху Н.П. Фоминой с ее декоративной отделкой, вышивкой следует рассматривать как компонент традиционного комплекса народного костюма.

Следующей разновидностью декоративного оформления рубах является вышивка, нанесенная с целью имитации традиции. Рисунок подобного типа вышивки повторяет преимущественно геометрические мотивы, присущие традиционной вышивке, выполняется как традиционными техниками, так и нетрадиционными и локализуется на рубахе в принятых традицией зонах. Это вышивка на рубахах одежды Е.В. Букиной [6], А. Букиной [7], А.П. Пиксайкиной [8], О.П. Фединой [9], Л.П. Шубиной [10]. Комплекс одежды данных информаторов включает: рубаху – *панар* или платье – *нула*, передник – *сапоня*, головной убор, нагрудные украшения *крганят* и бусы, поясные подвески – *килькш*, в одежду О. П. Фединой [9] входит наспинное украшение – *копорь лента*. В костюме отсутствует традиционная обувь и верхняя одежда.

Расположение вышивки на рубахах исследуемой группы имеет общие черты: декорируется край рубахи, плечи и плечевой шов, соединяющий рукав с передним и задним полотнищами рубахи, по спинке рубаха оформляется продольной вышивкой, некоторые рубахи имеют вышивку вдоль длины рукава. Низ рубах расшивается вышивкой, выполненной в технике «набора» (рубахи Е.В. Букиной [6], А. Букиной [7], А.П. Пиксайкиной [8], О.П. Фединой [9] и Л.П. Шубиной [10]), «счетной глади» (рубахи Е.В. Букиной [6], А.П. Пиксайкиной [8], Л.П. Шубиной [10]), «росписи» (рубахи Е.В. Букиной [6], А.П. Пиксайкиной [8], Л.П. Шубиной [10]), «крестика» (рубаха Е.В. Букиной [6]).

Широкий рукав, раскроенный из двух тканей разных цветов, рубах Е.В. Букиной [6], А. Букиной [7], О.П. Фединой [9], Л.П. Шубиной [10] декорируется по низу цветными лентами и разнообразной тесьмой. По рукавам рубах А.П. Пиксайкиной [8] и Л.П. Шубиной [10], не имеющих вставки из красной ткани, можно видеть продольную вышивку в виде повторяющихся крупных цветов растительного орнамента в полосе, выполненных в традиционной технике «счетной

глади». Счетная гладь дополняется характерными для традиции техниками вышивки «набором» и «росписи».

Верх спинки рубахи и плечи оформляются орнаментальными полосами и розетками, исполненными в различных техниках вышивки: «счетной глади» – рубахи Е.В. Букиной [6] и Л.П. Шубиной [10], «крестика» – рубахи Е.В. Букиной [6] и А. Букиной [7], «набора» – рубахи Е.В. Букиной [6], А. Букиной [7], А.П. Пиксайкиной [8], О.П. Фединой [9] и Л.П. Шубиной [10], «росписи» – рубаха Е.В. Букиной [6]. Вдоль спины по швам, соединяющим задние и боковые полотнища рубахи, вышивается орнаментальная полоса, называемая *кувалмат* (со слов П.В. Букиной [14]), что характерно для традиционных рубах мордвы-мокши. Подобная продольная вышивка согласно традиции декорировала швы переднего полотнища рубахи, однако из-за того, что в комплекс костюма стали включать передник, полностью закрывающий перед рубахи, происходит отказ от данной вышивки.

Обращает на себя внимание факт значительного увеличения яркости цвета вышивки исследуемой группы рубах. Так, основными остаются традиционный красный и черные цвета, дополнительными – зеленый и желтый, с ними также часто используются голубой, оранжевый и розовый цвета.

В результате тщательного изучения сохранившейся вышивки на рубахах Е.В. Букиной, А. Букиной, А.П. Пиксайкиной, О.П. Фединой, Л.П. Шубиной, было отмечено ее изменение. Это связано с использованием современных материалов: переплетение фабричной ткани, например на рубахе Е.В. Букиной [6], значительно тоньше переплетения самотканого холста, также современные нити – мулине, которые используются для выполнения вышивки, позволяют создать более тонкий и изящный рисунок. Как было отмечено Т.А. Крюковой, при изучении народного костюма мордвы-мокши: «В качестве материала для вышивки, наряду с шерстью, в настоящее время используется цветной шёлк и мулине. Это вносит изменения и в общий характер вышивки. Если даже он остается прежним, то из-за употребления нового материала становится более мелким, почти ювелирной работы» [1, с. 89]. В большинстве случаев из-за трудоемкости в выполнении традиционной вышивки по счету нитей ткани мастерицы ее заменяют на более простой «набор» – рубаха О.П. Фединой [9] – и даже на нетрадиционную вышивку «крестиком» – рубахи Е.В. Букиной [6], А. Букиной [7]. Новые техники вышивки сохраняют тенденцию имитации геометрического узора, характерного для традиционной вышивки мордвы.

Богатством вышивки и оригинальностью решения отличаются рубахи, входящие в одежду Т.А. Зайчук [11], Н.Д. Куфтиновой [12], Е.Я. Мишаниной [13]. Вышивки этих рубах необходимо рассматри-

вать как следующую разновидность, характеризующуюся большим количеством нововведений. Рубахи в данной одежде декорируются различными техниками вышивки, которая наносится как в зонах, принятых традицией, так и в нетрадиционных. В одежду Т.А. Зайчук [11], Н.Д. Куфтиновой [12], Е.Я. Мишаниной [13] входят: рубаха – *панар* или платье – *нула*, передник с грудкой или с рукавами – *сапоня*, головной убор, нагрудные, поясные, наспинные украшения.

Вышивка на рубахах Т.А. Зайчук [11], Н.Д. Куфтиновой [12], Е.Я. Мишаниной [13] имеет как общие черты, так и собственную специфику. К общим чертам вышивки следует отнести её расположение, она локализуется: по низу рубахи (техника «счетной» глади, «набора», «росписи»), по плечам (техника «счетной» глади, «набора», «крестика»), вдоль спины по швам, соединяющим заднее и боковые полотнища, которая, со слов Н.Д. Куфтиновой [12], называется *кувалмат* (техника «росписи»). Следует отметить факт незначительного декорирования вышивкой переднего полотнища рубахи (низа переда рубахи, выреза горловины), это связано с появлением в одежде передника, закрывающего переднее полотнище, в связи с чем происходит отказ от оформления переднего полотнища.

К специфике вышивки рубах Т.А. Зайчук, Н.Д. Куфтиновой, Е.Я. Мишаниной следует отнести разнообразие орнамента, композиции и техник вышивки декорирующей рукава, плечи и спинку рубах. Вышивка рукавов рубахи Е.Я. Мишаниной [13] располагается над красной тканью, нашитой по низу рукавов, она группируется в виде полосы сюжетной композиции из цветов, дерева и птиц, выполненных в технике «крестика». Над вышитыми розами красного и синего цветов, заключенных в полосу, можно наблюдать раскидистое дерево, по сторонам которого стоят птицы с расправленными крыльями. Для вышивки использованы нити мулине ярких цветов: красного и черного как основных, синего, розового, зелёного и жёлтого как дополнительных.

Вышивка рукавов рубахи Н.Д. Куфтиновой [12] отличается оригинальностью рисунка и техникой исполнения. Нина Дмитриевна Куфтинова является носителем и создателем своего костюма, в том числе богато оформленной рубахи. Н.Д. Куфтинова расшивает рубаху по рукавам букетами ярких полевых цветов – красными маками, сказочными цветами: желтыми, сиреневыми, оранжевыми, розовыми в технике «цветной глади». Помимо применения новой техники вышивки, оригинальных орнаментальных композиций, современных материалов и ярких цветовых сочетаний, мастерица располагает орнамент в нехарактерных местах рубахи, чтобы как можно нагляднее продемонстрировать красочность вышивки, т. е. по наружной стороне рукава, а также на лопатках около плеч, что

позволяет плотному рисунку вышивки плавно «входить» в «пространство» белого домотканого холста.

Наибольшим разнообразием вышивки среди рубах изучаемой группы отличается рубаха Т.А. Зайчук [11]. На её рукавах над тканью красного цвета, нашитой по низу рукава, вышиты «крестиком» ряды растительного орнамента, вазон со стилизованными полевыми цветами и по сторонам петухи с пушистыми хвостами. Чуть выше по плечу широкой полосой располагается зигзаг с разноцветными цветами, вышитыми «крестиком». Рядом с орнаментальной полосой располагаются полосы тесьмы, ленты, вышитые полосы и розетки геометрического орнамента, выполненные в технике «счетной глади». Богато оформляется и спина рубахи. Между продольными полосами вышивки *кувалмат* размещается поперечная вышивка «крестиком». Орнамент состоит из полосы мелкого орнамента, под которой можно наблюдать рисунок с цветами и листьями, заключенными в треугольник вершинной вниз. Вся вышивка выполнена нитями мулине различных цветов – красным, черным как основных, темно- и светло-розовым, синем, голубым, зеленым, желтым, фиолетовым, оранжевым как дополнительных.

Описанная вышивка одежды Т.А. Зайчук, Н.Д. Куфтиновой, Е.Я. Мишаниной отличается оригинальностью и индивидуальностью решения, новыми техниками выполнения, яркостью цветового колорита и включением в неё множества ярких и анилиновых цветов. В целом при выполнении вышивки народные мастера ориентируются на упрощение техники, так трудоемкая «счетная гладь» заменяется на более простые техники «цветную гладь», «набор» или «крестик».

Таким образом, выявленные разновидности декоративного оформления рубах мордвы, проживающей в Москве: традиционная вышивка, вышивка с включением незначительного количества нововведений и вышивка, отличающаяся оригинальностью и индивидуальностью, позволяют сделать выводы, что народная вышивка в данном регионе претерпевает постоянные изменения, сохраняя только исконную локализацию по низу рубах в виде розеток и орнаментальных полос, в розетках по плечу и орнаментальному ряду по рукавам и спинке. Следует отметить тенденцию упрощения в выполнении вышивки, когда сложные техники «счетной глади» и «росписи», принятые в традиции, заменяются на более простые «крестик» и «цветную» гладь. Орнамент вышивки в традиционных зонах локализации независимо от техники исполнения имитирует геометрический узор традиционной вышивки. Появляются новые участки пространства ткани рубахи, которые заполняются вышивкой более простых техник с индивидуальным и специфичным рисунком. В целом вышивка изучаемой группы одежды отличается яркостью цветового колорита и включением в неё множества ярких и в неко-

торых случаях анилиновых цветов. Доминирующими цветами вышивки остаются ярко-красный и чёрный, их дополняют розовые светлый и темный, синий, голубой, оттенки зеленого, жёлтый, оранжевый и фиолетовый. Традиционная вышивка на рубахах, изготовленная из материалов домашнего производства, встречается редко в отличие от вышивки рубах, изготовленных из современных материалов, которые встречаются повсеместно и в которых объединяются как традиции мордовского этноса, так и современная новация.

Список литературы

1. Крюкова Т.А. Мордовское народное изобразительное искусство. – Саранск, 1968.
2. Молотова Л.Н. Народное искусство Российской Федерации из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. – Л., 1981.
3. Мордовский народный костюм: альбом / сост. и авт. текста: Т.П. Прокина, М.И. Сурина; редкол.: Н.Ф. Мокшин и [др.]; пер. англ. яз. Н.Н. Плеханкова; фот. Б. А. Тишулин. – Саранск, 2007.
4. Никонова Л.И. Фотоматериал по результатам этнографической экспедиции: Москва и Московская обл. 2012 г. // Архив отдела этнографии и этнологии гос. казённого учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».
5. ПМА: Фомина Надежда Петровна, 1965 г. р., Москва, записи 2012 г.
6. ПМА: Букина Елена Викторовна, 1970 г. р., Москва, записи 2012 г.
7. ПМА: Букина Арина, 2004 г. р., Москва, записи 2012 г.
8. ПМА: Пиксайкина Анна Павловна, 1962 г. р., Москва, записи 2012 г.
9. ПМА: Федина Ольга Павловна, 1964 г. р., Москва, записи 2012 г.
10. ПМА: Шубина Лидия Павловна, 1953 г. р., Москва, записи 2012 г.
11. ПМА: Зайчук Татьяны Александровны, 1949 г. р., город Зеленоград Моск. обл., записи 2012 г.
12. ПМА: Куфтинова Нина Дмитриевна, 1952 г. р., Москва, записи 2012 г.
13. ПМА: Мишанина Екатерина Яковлевна, 1959 г. р., город Люберцы Моск. обл., записи 2012 г.
14. ПМА: Букина Пелагея Васильевна, 1939 г. р., Москва, записи 2012 г.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(47).072/.081

З.С. Гаирбекова

Кавказская война – синтез процессов военного конфликта и политической консолидации

Одним из наиболее спорных вопросов российской истории остается вопрос Кавказской войны – правомерности этого научного термина, истинности его содержания, его научной оценки. Северный Кавказ всегда становился центром борьбы геополитических интересов и, соответственно, проблема из исторической делалась политической. Здесь и возникают искажения исторической действительности и ложные трактовки. Цель данного исследования – показать разноплановость и разнонаправленность протекавших в одно и то же историческое время, время Кавказской войны, процессов вооруженного конфликта и политического сближения, их взаимообусловленность и, соответственно, несостоятельность крайних оценок данного исторического явления.

One of the most complicated questions in the history of Russia is the Caucasian war – the use of the scientific term, the content of the term, and its scientific value. The Northern Caucasus was always in the center of different geopolitical interests and so the Caucasian war stood not only as a historical, but as the political problem and here there appeared a large field for distortion of the historical reality and false treatments. The aim of the research presented to show the different aspects of the historical time of Caucasian war, the processes of military conflict and political consolidation their interconnection and so the impossibility of extreme evaluations.

Ключевые слова: термин «Кавказская война», политика империи, взаимодействие разных цивилизационных обществ, военный конфликт, политическая консолидация, историческое время, формирование государственности.

Key words: the term Caucasian war, the politics of the empire, the interconnection of different cultural societies, the military conflict, the political consolidation, historical time, state formation.

В прошлом веке Р.А. Фадеев [18; 19; 20] ввел термин «Кавказская война», сделав его научным обозначением событий, происшедших на Кавказе начиная с 1801 г., времени присоединения Грузии к России. Так это название вошло в научный обиход. Однако, по мнению доктора исторических наук, профессора В. Гаджиева [5], термин «Кавказская война» не оценочный термин, а всего лишь географическое определение. В свою очередь, доктор исторических наук, профессор М. Блиев [1; 2] полагает, что, термин не совсем отражает историческую действительность. Определение сути Кавказ-

ской войны не может быть вписано в жесткие рамки привычных терминов «национально-освободительное движение» или колониационная война империи, или революции для вольных обществ Северо-Восточного Кавказа и «демократических» племен Северо-Западного Кавказа.

Возможно, не стоит искать термин, который бы точно отражал суть дела. М. Блиев считает, что термин «Кавказская война», не очень искажает события, напротив, объединяет совершенно разноплановые процессы: переходную экономику, которая связана с формированием феодальной собственности, с образованием государственности, вместе с тем формирование новой идеологии, и не просто столкновение интересов России и горцев Северного Кавказа, но и внешнеполитических интересов Великобритании, Турции, Персии.

В современной науке дискуссионным вопросом является и статус Кавказской войны 1818–1864 гг. – рассматривать ли ее как внутреннее событие Российской империи или внешнюю войну?

Одни авторы склоняются к мнению, что установление вассальной зависимости народов Северного Кавказа от Российской империи к началу XIX в., а также закрепление этого факта в договорах с Ираном и Турцией представляются достаточными для утверждения о присоединении региона к России, другие полагают, что происходит завоевание империей региона с классическим установлением отношений подданства и имперской системы управления.

В состав Российской империи Кавказ вошел в первой половине XIX в. как результат победоносных войн с Турцией и Ираном. В исторической литературе, да и со стороны народов и различных общественных слоев России и Кавказа, имеет место различное отношение к процессу присоединения кавказских земель к Российскому государству, однако следует признать, что значительная часть горского населения была присоединена насильственно и оказала царским войскам сопротивление, что при достаточном знании истории и менталитета народностей Северного Кавказа в тот исторический момент было естественно, предсказуемо и неизбежно.

Покорение горцев Западного и Северо-Восточного горного Кавказа получило название Кавказской войны и заняло длительный отрезок времени. Продолжительность ее оценивается от принятого историографией XIX в. периода в 47 лет (1817–1864) до временного отрезка почти в 200 лет, считая длительность войны от XVIII в. Многие исследователи считают, что полемика о хронологических рамках и типологии этой войны продуктивна лишь при отказе от попытки считать Кавказскую войну чем-то целостным. Данное явление слишком сложно, чтобы относиться к какому-то определенному типу вооруженного конфликта.

«Соппротивление вольных обществ, военная активность элиты и деятельность имама Шамиля в Дагестане – разные «войны». Вооруженное противостояние любым попыткам иноземцев покуситься на свободу не имело ничего общего со «священной войной» против неверных. Кавказская война включала в себя одновременно несколько типов конфликтов, тесно взаимосвязанных, и дать ей однозначное определение невозможно» [11].

В исторической литературе существует понятие «цивилизационной войны» – столкновения на основе предельного антагонизма двух культур. Мотивация действий одной стороны в подавляющем большинстве неизвестна, а главное непонятна и неприемлема для другой. Участники конфликта неадекватно оценивают поведение противника, так как в каждом случае опираются на свои «правила игры». Кавказская война – вооруженный конфликт именно такого типа. Столкновение было неизбежно, ибо в соприкосновение вошли не просто разные военные структуры, но общества современников, принадлежащих разным эпохам.

Многочисленная европеизированная русская армия, соответствующая своему XVIII-XIX столетию, с одной стороны, и горцы – с другой как организация эпохи военной демократии. Непонимание имело, таким образом, слишком глобальный масштаб, это и послужило причиной многих недоразумений с трагическим исходом, и конфликт принял ожесточенный и затяжной характер.

Описывать хронологию и события Кавказской войны было уделом ее современников, сейчас, по прошествии длительного периода времени, возможно рассматривать ее с позиций межкультурного взаимодействия.

В мировой истории достаточно примеров того, как соседство вооруженных людей, даже не питающих взаимных симпатий, могло продолжаться без серьезных конфликтов – до принятия решения о нападении или ненападении на правительственном уровне (если у обеих сторон имелась политическая организация в виде государства). Сравнительно легко произошло присоединение Кабарды и Закавказья – территорий, где имелась государственность. Если местная дружина терпела поражение, если местные владетели приносили присягу на верность русскому царю, если в столице ханства или княжества размещался русский гарнизон, то всего этого оказывалось достаточно, чтобы население признало новый порядок.

На Северном Кавказе, в большинстве своем не имевшем государственной организации, Россия не имела никаких шансов окончить войну соглашением, поскольку единоличной власти со стороны горцев просто не было. Столиц как таковых не существовало, равно как и стратегических пунктов, захват которых признавался бы обеими сторонами как важное событие, потому впоследствии складыва-

ние имамата Шамиля в определенном смысле, облегчало задачу русского командования, так как появилась точка приложения силы, которой до того не существовало.

«Трудности выбора стратегической линии во многом вытекали из того, что русская регулярная армия столкнулась на Кавказе не с аналогичной военной организацией, не с силовой структурой, а с народами, в которых каждый представитель мужского пола был независимой боевой единицей» [9; 10, с. 20].

Вооружение, тактика и боевые качества горцев соответствовали уровню их социальной организации, были порождением и неотъемлемой частью их быта. Каждый обучался военному делу с детства. «Военная организация горцев Северного Кавказа была малоуязвима для европейского силового воздействия, поскольку обладала неисчерпаемыми ресурсами регенерации. Таким образом, для имперской армии понятие «победа» в такой ситуации вплотную сближалось с понятием «уничтожение» [10, с. 20].

Кавказская война как историческое явление гораздо шире любых заданных паттернов в силу разнообразия и разноплановости процессов ее сопровождавших. Владетели и вольные общества Северного Кавказа в юридическом смысле не были субъектами мирных договоров с Ираном и Турцией, а находились под управлением последних лишь частично и формально. Этот факт позволяет расценивать борьбу империи с имаментом и государственными образованиями Северо-Западного Кавказа как войну – отчасти внешнюю – против социального гнета.

По мнению А. Кольева: «Затяжная конфликтная ситуация на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. связана со столкновением вызревшей русской государственности и проходящими стадию становления собственной государственности горскими сообществами. История, не терпящая пустоты, вынуждала Россию заполнить государственно неоформленное пространство и обеспечить политическое и экономическое смыкание с Закавказьем». Далее подчеркиваются особенности политической тактики правительства империи: «...вплоть до начала XIX века Россия пыталась гибкими методами склонить горцев к мирному решению возникавших конфликтов. Генерал Ермолов, став российским наместником, считал, что только военный контроль за северокавказскими территориями мог дать возможность свободно развивать взаимоотношения с Закавказьем, без которых Российская Империя к тому времени уже не могла себя мыслить. Характерно, что в тот период официальная риторика соответствовала оценке социальной роли "героев" горских набегов. Горцы именовались в официальных донесениях "мерзавцами", а уничтожение бунтующих селений вместе с населением, предположительно замешанных в подготовке набегов,

полагалось естественным и полезным. Политика Ермолова не способствовала сближению, а, наоборот, ужесточала конфликт. Возникали ситуации, когда лояльные к России горцы, под влиянием ермоловских разорений, переходили на сторону вооружённого противостояния».

«В ходе войны были жертвы с той и другой стороны, но, как всегда бывает, любой процесс не может являться абсолютно однозначным. Несмотря на всё, было множество случаев взаимопомощи» [22, с. 22, 194; 8, с. 82].

С другой стороны, парадоксально отношение имама Шамиля к раскольникам из России. Он разрешил русским раскольникам, бежавшим в горы, свободно отправлять богослужения, возводить часовни, поддерживать разбросанные храмы, не требуя за эти права ни податей, ни повинностей [22, с. 49]. За их притеснения Шамиль строго наказывал виновных, а когда положение аула Ведень, в окрестностях которого находилось несколько старообрядческих скиотов, стало ненадежным, он для обеспечения безопасности перевел их в Дагестан [15].

Все эти факты служат достоверной иллюстрацией к утверждению о невозможности определить происходившее исключительно в рамках процесса конфликта, так как наряду с этим параллельно протекал процесс определенного рода консолидации.

Необходимо также отметить, что немалая часть коренного населения придерживалась ориентации России. В составе русской армии действовали целые подразделения, сформированные на добровольной основе из представителей кавказских народов, возглавлявшиеся своими военачальниками [17, с. 81–82].

Офицерский корпус кавказской армии более чем наполовину состоял из представителей местных народов [13].

В период с 1804 по 1854 г. из представителей горских народов были сформированы мелкие иррегулярные части, такие как милиция аварская, акушинская, ахалкалакская, ахалцыхская, горско-кавказская, горская, грузинская, гурийская, дагестанская, джаро-лезгинская, имеретинская, ингушская, казикумухская, карабулакская, карталинская, мехтулинская, мингрельская, назрановская, осетинская, самурская, сургинская, тагаурская, тарковская, чеченская и др. [9]. С 1844 г. кавказцы, проходившие службу в этих подразделениях, начали получать Георгиевские кресты (№ 1 получил «назрановский старшина Мачук Мирзаев за оказанную храбрость в делах против горцев 11 июня 1844 года»). В целом с 1844 по 1864 г. только «бесстепенных» крестов для мусульман (с имперским орлом вместо Георгия Победоносца) за отличие на Кавказе было выдано более 750. За один 1851 г. около 200 кабардинских князей и дворян были награждены за отличие в военных действиях против Шамиля [21].

В 1828 г. из «знатнейших кавказских горцев» стал формироваться взвод конвоя Его Императорского Величества, позднее ставший эскадром. Император Николай I, принимая решение привлечь горские народы на службу в свой конвой, руководствовался главным образом следующими причинами: оказать горцам доверие, поручив им свою охрану, и показать им Россию, столицу, страну, которой они противостоят, – целью же было убедить сопротивлявшихся в том, что Россия не стремится их уничтожить, а желает мирного существования.

В Кавказский горский полуэскадрон конвоя попадали представители самых влиятельных и знатных фамилий. Интересно, что в конвое было значительное число представителей именно тех народов, которые более всего воевали с Россией. Часто это были близкие родственники и даже дети тех, кто с оружием в руках противостоял России. По окончании службы в конвое и возвращении домой они рассказывали обо всем увиденном и тем самым влияли на своих сородичей. Действительно, привлечение горцев к службе в конвое было психологически и политически грамотным и дальновидным шагом Николая I. Горцы, побывавшие в конвое, становились верными сторонниками России, отношение передавалось и детям, и внукам.

Политика военного командования, направленная на привлечение к казачьей службе осетин, грузин и черкесов, также была успешной. Так, с 1856 по 1866 г. население станицы Луковской увеличилось вдвое за счет оказаченных черкесов и осетин [3]. В 1838 г. Александрово-Невская слобода недалеко от Кизляра, населенная грузинами, была переведена в разряд станиц; к казачьему словию были приписаны грузины станицы Шелковской [16].

Таким образом, войну вели не только русские войска, но и сами горцы, и их действия неоднократно заслуживали высокие отзывы командования. Так, после ряда сражений 1841 г. генерал Граббе писал следующее: «...милиция кабардинская, джарская и кумыкская соревновались в храбрости с казаками». А в 1851 г. с отрядами двух наибов Имама боролись мирные чеченцы [17, с. 81–82].

Утверждение о том, что Кавказская война велась империей с целью закабаления народов, населяющих регион, является ошибочным. Некоторые представители кавказских народов до 1917 г. отмечали, какой немалой была их роль в «присоединении Кавказа». Например, депутат Государственной Думы Российской империи от Дагестанской области напомнил присутствующим: «присоединение Кавказа к России было как русским, так и кавказским делом; это было дело не только русских, но в то же время и самого кавказского населения» [13].

За помощь России в годы Кавказской войны император Николай I наградил Кабарду почетным знаменем. Вместе со знаменем 2 марта 1844 г. император пожаловал Кабарде и высочайшую грамоту, в которой самодержец объясняет причину своей милости: «Постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия против враждебных горцев, оказываемая кабардинскими жителями, обратили на себя особенное Наше благоволение. В ознаменование коего Всемилостивейшее жалуем кабардинским жителям почетное знамя, которое препровождая при сем, повелеваем хранить оное, как знак Монаршего Нашего внимания, и в случае надобности, употреблять при ополчении против неприятельных Империи Нашей народов...» [12, с. 126].

На необходимость учитывать роль народов Кавказа в присоединении края к России указывал князь Мещерский в путевом дневнике, изданном в 1876 г.: «Кавказ был завоеван как оружием русских..., так и оружием туземцев Кавказа. На протяжении шестидесятилетней войны на Кавказе мы видим, что в этих войнах всюду и везде отличались тамошние туземцы. Они дали целую плеяду героев, достойных высших чинов и знаков отличия» [12, с. 126].

С.Ю. Витте также считал, что нельзя игнорировать значение туземцев в покорении Кавказа [13].

Справедливо мнение о том, что единение с Кавказом соответствовало не только интересам империи, обеспечивая безопасность на одном из важнейших стратегических направлений, снабжая необходимыми ресурсами, но и интересам самих коренных народов, предопределив их совместное развитие. Горцы получили державное управление при сохранении привычного самоуправления и внешнее централизующее государственное оформление.

Вместе с тем взаимодействие России и Кавказа в историческом процессе создавало для империи более благоприятные территориальные и демографические условия, способствовавшие не только государственной, но и континентальной безопасности. Признание таких преимуществ вновь стало осознаваться в отечественной науке [14].

Известный северокавказский публицист в своей книге «Империя Кремля» 1990 г. вынужден был признать, что от внешних завоеваний русский народ не богател, подобно западным выкачивая средства из колоний [15].

Остановившись на некоторых итогах Кавказской войны, на которые раньше не обращали внимания исследователи, следует заранее отметить, что факты, подтверждающие бесперспективность борьбы части горцев против России в ходе Кавказской войны, в действительности существуют.

По одному из откровений самого Шамиля, «эту войну можно было кончить раньше», еще в 1838 г. Именно тогда он собирался изъявить покорность России и прекратить военные действия против нее, но, не встретив понимания, столкнувшись с обвинениями в «измене шариату» и угрозами своей жизни, был вынужден подчиниться. По его же признанию, в войне с Россией он потерял свой народ. Незадолго до сдачи в плен уже почти все население, когда-то подвластное имаму, изъявило покорность империи и, вопреки мюридам, благосклонно встречало русские войска и их главнокомандующего князя А.И. Барятинского [22, с. 55–56; 20, с. 83, 89–100].

В статье, которая была написана в 1859 г. незадолго до окончания войны на Северо-Восточном Кавказе, Н.А. Добролюбов объяснял происходившее так: «Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности. Оттого то и находилось столько людей, способных изменить ему...». Вместе с тем, как отмечал Н.А. Добролюбов в заключение, находившиеся под властью Шамиля видели, что «...жизнь мирных селений... под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее...». Это и заставило их делать соответствующий выбор «с надеждою на мир и удобства быта» [13].

С другой стороны, говоря о роли казачества в Кавказской войне, следует отметить, что оно не являлось достаточной силой для покорения Кавказа. В количественном смысле казаки были не настолько многочисленны, а в социокультурном недостаточно абстрагированы от противника. «В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обычаи. В условиях противостояния некоторые из казаков колебались между двумя культурами, демонстрируя признаки маргинальной этнической идентичности» [4, с. 41]. Последнее связано с тем, как отмечал автор, что в социокультурном отношении казаки не были абстрагированы от горцев, более того, были им близки. Иллюстрирует этот момент и «Дело Атарщикова», сотника, перешедшего на сторону противника и в 1840-е гг. и не просто принимавшего участие в военных действиях на стороне горцев, но и ведшего пропагандистскую работу среди казачества, солдат и офицеров царских войск с призывами последовать его примеру. Исследователи отмечают, что подобный факт не был единственным – казаки действовали и в качестве командиров отрядов на стороне горцев вплоть до окончания Кавказской войны [4, с. 41; 6, с. 20–21].

Однако роль казачества в делах кавказской политики была значительной не только как авангарда российской военной мощи, но, что более важно, как проводника последующего мирного диалога

между двумя мирами – российским имперским и кавказским патриархально-родовым.

Как свидетельствовал Р.А. Фадеев, офицер по особым поручениям при князе Барятинском: «Казачи защищают пределы не только действующими полками, состоящими казне третью часть против регулярных и число которых может быть внезапно удвоено и утроено, но еще более массой вооруженного населения» [20].

Казачество по праву своего приграничного обитания не только привнесло русскость в среду кавказцев, но и, соединив в себе элементы многих национальных культур, открыло двери перед Россией в многогранный кавказский мир.

Таким образом, справедливо рассматривать явление Кавказской войны не просто с позиций военного противостояния, но в должной мере уделить внимание последствиям и результатам не военного характера, но социальным, политическим, экономическим, этнопсихологическим трансформациям, причем с обеих сторон, которые ему сопутствовали. Давая оценку событий, не впадать в крайние представления, приписывая той или иной стороне право на абсолютную истину, но с сугубо научных позиций и на основании достоверных фактов всесторонне изучать данное историческое явление во всем его многообразии порой противоположных тенденций. Любой конфликт интересов, в том числе и в истории, вырабатывает более новую и совершенную модель взаимоотношений, является шагом к новому пониманию, бытию и мировоззрению, что особенно ярко иллюстрирует исторический феномен Кавказской войны.

Список литературы

1. Блиев М.М. Кавказская война, социальные истоки, сущность // История СССР. – 1983.
2. Блиев М.М., Дегоев В. Кавказская война. – М., 1994.
3. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. – Ростов н/Д., 2001. (Материал размещен на сайте проекта «Казачество в XV–XXI вв.»).
4. Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII–XIX вв.): автореф. дис. д-ра ист. наук. – Ставрополь, 2001.
5. Гаджиев А. Кавказ в русской литературе первой половины XIX в. – Баку, 1982.
6. Джимов Б.М. Политика ведущих держав и её отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Кавказская война: уроки истории и современность: материалы науч. конф. – Краснодар, 1994.
7. Доного Хаджи Мурад. Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны 1817–1864. – М., 2005.
8. Кавторадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. – Тула, 1977.
9. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб., 2008.
10. Лапин В.В. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб., 2005.

11. Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. – СПб., 2003.
12. Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. – М., 1994. Вып. 1.
13. Матвеев В.А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе. Дискуссионные аспекты проблемы и реалии эпохи // Россия XXI. – Ростов н/Д., 2002. – № 6.
14. Матвеев В.А. Особенности этнополитических процессов в зонах смешанной восточнославянской колонизации на Юге России [Электронный ресурс] – URL: <http://newssouth.narod.ru/1stSovr/vostslavKOLON.htm> (дата обращения^ 01.09.2012).
15. Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний. – Армавир-Ростов н/Д., 1998.
16. Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ, 1991.
17. Тройно Ф.П. Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: уроки истории и современность: материалы науч. конф. Краснодар 16–18 мая 1994 г. – Краснодар, 1995.
18. Фадеев А.В. О внутренней социальной базе мюридского движения на Кавказе XIX в. // Вопр. истории. – 1955. – № 6. – С. 67–77.
19. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., 1961.
20. Фадеев Р.А. Кавказская война. – М., 2005.
21. Центральный государственный архив КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
22. Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк (Репринтное воспроизведение изд. 1889 г.) / сост. М. Н. Чичагова. – М., 1995.

**Быть или не быть Канаде в составе Британской империи:
полемика Г. Смита и Ф. Хинкса (1877–1878)**

В статье анализируется полемика Г. Смита и Ф. Хинкса, которая представляется как начало нового этапа дискуссии о политической судьбе Канады. Автор статьи приходит к выводу, что поиск путей развития Канады с конца 1870-х гг. стал восприниматься в метрополии и доминионе как часть проблемы сохранения имперского единства.

The article analyzes the controversy between G. Smith and F. Hincks, which is represented as the beginning of a new stage of discussion about political destiny of Canada. The author concludes that the search for the ways of development of Canada since the late 1870s began to be perceived in the metropolis and the dominion as a part of the problem of preservation of imperial unity.

Ключевые слова: доминион Канада, Британская империя, имперские узы, политическая судьба Канады.

Key words: Dominion Canada, British Empire, imperial ties, political destiny of Canada.

70-е гг. XIX в. – время размышлений общественной и политической элиты Великобритании и ее колоний о судьбах империи. На волне «имперской паники» в начале 1870-х гг. активно обсуждалась идея реорганизации Британской колониальной империи на федеративной основе. Проекты имперской федерации и связанные с ними вопросы интересовали общественность и метрополии, и колоний. В Канаде они вызвали живой отклик, прежде всего, потому, что касались взаимоотношений доминиона с Великобританией. К тому же канадских интеллектуалов все больше волновал вопрос будущего самой Канады. Размышления на эту тему вылились в середине 70-х гг. XIX в. в дискуссию, которая с разной степенью активности продолжалась до 1890-х гг. В связи с подъемом национального самосознания жителей молодого доминиона наряду с перспективой развития Канады в рамках империи обсуждалась идея обретения ею статуса суверенного государства. Кроме того, существовало мнение о возможности аннексии Канады южным соседом, поэтому современники не исключали и такой вариант развития событий.

Дискуссия о политической судьбе Канады, начавшаяся в середине 1870-х гг. на страницах канадских журналов, в 1877 г. вышла за пределы колониальной прессы, став достоянием британской обще-

ственности. Это было связано с полемикой, состоявшейся в 1877–78 гг. между Голдуином Смитом – известным британским журналистом, решительным приверженцем идей сепаратизма [3] и Френсисом Хинксом – видным канадским общественным деятелем, политиком, банкиром и колониальным администратором [7]. В отечественной и зарубежной историографии Г. Смит известен как идеолог континентализма и яркий общественно-политический деятель [2; 12]. Однако сюжет о его дискуссии с Ф. Хинксом и участие Смита в обсуждении политической судьбы доминиона Канада в 70-е гг. XIX в., – недостаточно хорошо изученные вопросы. Нам эта тема представляется важной, поскольку является началом нового этапа обсуждения проблем, связанных с перспективами развития канадского доминиона – выходом вопроса на имперский уровень.

В апреле 1877 г. на страницах авторитетного британского журнала «The Fortnightly Review»*, пользовавшегося репутацией либерального издания, появилась статья Г. Смита под названием «Политическая судьба Канады», в которой он доказывал слабость имперских уз, настаивая на том, что судьба Канады – континентальный союз с США. «Ответ» [5] Ф. Хинкса Смицу был опубликован в канадском журнале «The Canadian Monthly and National Review» в июле 1877 г. и, по словам самого автора, отправлен в Англию для публикации в «The Fortnightly Review» или каком-либо другом британском издании [6, р. 75]. А в 1878 г. в Лондоне вышла подборка статей под редакцией Смита, которая состояла из его эссе, «Ответа» Ф. Хинкса и замечаний Смита по поводу критики, высказанной в адрес его концепции. Кроме того, автор подборки включил в нее «отрывки из сочинений Роберта Лоу и господина Блэчфорда»**, которые, по его мнению, относились к предмету эссе и должны были быть интересны читателю [8, р. V]. Вопрос политического будущего Канады должен был стать предметом обсуждения не только канадской, но и британской общественности.

Проект Г. Смита не содержал ничего неожиданного для британского читателя. Взгляды автора «Политической судьбы Канады» и его приверженность в вопросах колониальной политики концепции

* «The Fortnightly Review» – влиятельный британский журнал, основанный в 1865 г. В числе его основателей были Э. Троллоп, Ф. Харрисон, Э.С. Бисли. Первым редактором был Дж. Г. Льюис. Подробнее об этом см.: Everett, Edwin Mallard. The Party of Humanity: The Fortnightly Review and Its Contributors, 1865–1874. Chapel Hill, 1939.

** Лорд Блэчфорд (Фредерик Роджерс) и Роберт Лоу – видные британские политические деятели второй половины XIX в., оба члены либеральной партии. Сочинения, выдержки из которых приводил Смит, были написаны ими в ответ на проект имперской федерации, предложенный в 1877 г. Ю. Фогелем. Подробнее об этом см.: Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е гг. XIX века). Тамбов, 1998. С. 142–162.

«Малой Англии» хорошо были известны британцам еще по серии статей начала 1860-х гг. [9]. Как сторонник сепаратизма, Смит утверждал, что имперские узы, которые связывают Канаду с Великобританией, – искусственное образование, существующее не в силу практической необходимости, а в интересах отдельных влиятельных групп, к которым он относил аристократию, духовенство, недавних английских эмигрантов, канадских политиков и некоторые группы населения, традиционно лояльные к Великобритании [10, р. 28–32]. В подтверждение этого постулата автор эссе развил целую теорию о существовании «больших и малых сил», что оправдывало невозможность сохранения связей Канады с Великобританией. «Большими силами» он называл:

1) географический фактор, т. е. существование огромных расстояний, которые «невозможно существенно сократить даже с помощью телеграфа и парового двигателя»;

2) дивергенцию политических и общественных интересов Канады и Великобритании;

3) принадлежность Канады и Великобритании к политическим цивилизациям разного типа. Канада, согласно теории Смита, – цивилизация Нового Света – демократическая. Великобритания – носитель европейского типа цивилизации – монархическая;

4) геополитический фактор – близость Канады к американскому сообществу [10, р. 20–28].

Смит выражал уверенность, что последний фактор рано или поздно окажет свое влияние, несмотря на все усилия, предпринимаемые сторонниками имперских связей, которые он относил к «малым силам» – «второстепенным и проходящим» [10, р. 28]. Более того, автор эссе убеждал читателей в том, что однажды по экономическим или политическим причинам союз Канады и Великобритании распадется, и тогда Канада станет независимой и сможет вступить в континентальный союз с США [10, р. 73]. При этом Смит в отличие, например, от А. Макдональда*, не сомневался в том, что Канада останется политически независимой и не будет аннексирована южным соседом. «Демократия – великий эксперимент, который гораздо безопаснее осуществлять на двух народах, а не на одном, – писал он. – При (условии существования – М.Г.) конкуренции, взаимном предупреждении и коррекции изъянов они (Канада и США – М.Г.) смогут помогать друг другу в развитии и придавать устойчивость каждому новому шагу...» [10, р. 63].

*А. Макдональд – канадский премьер-министр с 1868 по 1873 г. и с 1878 по 1891 г., лидер консервативной партии Канады – был сторонником сохранения имперских связей Канады и Великобритании, в начале 1870-х гг. считал, что обретение независимости Канадой равносильно аннексии ее США.

Дух агрессии умер вместе с духом рабства [10, р. 65], – убеждал Смит читателей и приводил доводы в пользу высказанного утверждения. Континентальный союз, по мнению автора эссе, был выгоден обоим государствам и экономически. «Как независимое государство Канада сможет вести переговоры об отмене таможенных пошлин между ней и США, а также широких экономических льгот в рамках континента» [10, р. 67], – рассуждал он. «Незримые нити союза распространяются в Канаде ежедневно» [10, р. 71], – подчеркивал эссеист. Более того, союз Канады и США на паритетных началах, согласно Смицу, должен быть выгоден и Великобритании, поскольку «введение в государственные структуры США дружественных по отношению к Англии элементов сделает США не конкурентом, а другом Англии. <...> При этом Англия не потеряет ни богатства, ни силы, а, вероятно, получит много другого» [10, р. 73]. Если же Канада останется связанной с Великобританией и окажется «противовесом» США на североамериканском континенте, это приведет к «вращиванию семян будущей войны». К тому же Канада никогда не сможет стать реальным конкурентом США, – уверенно констатировал Смит [10, р. 68]. Таким образом, у читателей «The Fortnightly Review» не должно было остаться ни малейшего сомнения, что будущее Канады – это независимость и паритетный континентальный союз с США.

Рассчитанное на британского читателя эссе Смита вызвало больше возражений в Канаде, чем в Англии. Ф. Хинкс – известный канадский общественный деятель, к тому времени уже отошедший от политики, не смог остаться безучастным, прочитав это сочинение. «Я не могу равнодушно смотреть, как эссеист навязывает британскому общественному мнению и Канаде мысль, что союз с США – судьба Канады» [6, р. 100], – писал он в своей критической статье «Ответ Голдуину Смицу...». Являясь сторонником сохранения существующих имперских связей Канады и Великобритании, Хинкс подверг критике основные положения концепции автора «Политического будущего Канады». Он сам разделил свои замечания на три категории: 1) фактические ошибки; 2) неточности; 3) ошибочные рассуждения автора эссе [6, р. 84]. Внимание привлекает последняя категория, поскольку именно в нее Хинкс включил те положения, которые он принципиально отвергал.

«Прежде всего, – подчеркивал Хинкс, – я категорически не согласен с замечанием эссеиста о необходимости политических прогнозов. Я считаю, – продолжал он, – что такие прогнозы делаются с целью выдать желаемое за действительное, а затем воплотить сделанный прогноз в жизнь» [6, р. 98] Тем самым он определял свое отношение к сочинению Смита. Следующее, на что обращал внимание читателей канадский критик, – позиция Смита по отношению к

парламентской системе управления. Автор «Политической судьбы Канады» считал, что эта система управления не подходит для Канады и, более того, является вредной для ее жителей [10, р. 61]. «Очевидно, что эссеист предпочитает республиканскую модель управления монархической, – замечал Хинкс. – <...> Он (Смит – М.Г.) обвиняет существующую парламентскую систему в коррумпированности. Но нелогично утверждать, что коррупция распространена при монархической системе управления больше, чем при республиканской, где министры являются ответственными только перед своим начальством» [6, р. 101]. Далее критик описывал достоинства парламентской системы управления, завершая свои доводы выводом: «Я думаю, что выражу мнение канадцев всех партий, говоря о безусловном превосходстве британской парламентской системы управления над республиканской» [6, р. 102].

«Настаивая на правильности своего политического прогноза, эссеист выделяет "большие" и "малые" силы, – констатировал факт Хинкс. Однако он не учитывает самой главной силы – нежелания народа любой страны участвовать в революционных событиях. Это нежелание может быть преодолено, только если существуют проблемы, которые нельзя решить никак иначе. Кроме того, – продолжал он, – я не знаю ни одной революции, которая не повлекла за собой гражданскую войну. И я не исключаю, что революционные изменения в Канаде (от которых, по мнению самого автора, не может быть застраховано ни одно государство, королевство или империя – М.Г.) не повлекут за собой этого страшного бедствия» [6, р. 103]. Далее Хинкс обращал внимание читателей на неверность распространенного в британских политических кругах суждения о том, что к моменту, когда между Канадой и Великобританией должны возникнуть какие-либо споры, канадцы должны быть едины. «Канадцы едины уже сейчас, – замечал он, – и это единство в приверженности Великобритании» [6, р. 104].

Обращаясь к «большим силам», выделенным Смитом, Хинкс утверждал, что из четырех перечисленных эссеистом факторов он согласен лишь с одним. Он не видел помехи в удаленности доминиона от метрополии. «За прошедшее десятилетие расстояние ни разу не стало помехой имперским связям» [6, р. 105], – утверждал он*. Довод о дивергенции интересов Канады и Великобритании Хинкс частично признавал, замечая, однако, что существующее расхождение интересов никак не влияет на чувство лояльности, ко-

* Как человек, который принимал непосредственное участие в становлении доминиона Канада, поскольку с 1869 по 1873 г. входил в состав канадского правительства – занимал пост министра финансов в первом кабинете А. Макдональда – сэр Френсис Хинкс мог с уверенностью утверждать этот факт.

торое канадцы испытывают по отношению к Англии [6, р. 106]. Что касается следующей «великой силы» – разности характера политических цивилизаций, – Хинкс просто констатировал факт, что Англия никогда ничего не делала, чтобы учредить в Канаде какой-то специфический политический институт или насадить свою традицию. Критик уверял читателей, что никаких проблем из-за расхождения политического характера между правительствами двух стран никогда не возникало [6, р. 108]. Единственная реальная сила, которую признавал Хинкс – американское влияние на Канаду. Тем не менее, оговаривался он, до сих пор вопрос экономической выгоды более тесного сотрудничества с США не стал поводом для привлечения к ним канадцев [6, р. 108–109]. Подводя итоги, Хинкс выражал надежду на то, что описанный Смитом континентальный союз Канады и США никогда не станет реальностью, ибо прийти к нему Канада сможет лишь через гражданскую войну, которая, несомненно, будет сопровождать революционный разрыв отношений Канады и Великобритании [6, р. 113–114].

Таким образом, автор «Ответа...» ясно выразил свою позицию приверженца существовавших между Канадой и Великобританией имперских уз. Не предложив своего собственного проекта, Хинкс, тем не менее, попытался доказать, что положение вещей в отношениях Канады и Великобритании, имевшее место на момент полемики, было вполне, с его точки зрения, удовлетворительным. Более того, он надеялся довести до британской общественности мысль о полной лояльности Канады по отношению к Великобритании и выражал возмущение попыткой автора эссе навязать британскому общественному мнению мысль о том, что будущее Канады – континентальный союз с США, а значит, неизбежный разрыв с Великобританией. Существенно, однако, то, что Хинкс не был сторонником идеи имперской федерации. Так же как и Смит, подвергавший в своем эссе проекты сторонников имперской федерации обстоятельной критике [10, р. 38–42], Хинкс прямо высказал собственную точку зрения на этот счет, подчеркнув, что «проекты имперской федерации не пользуются в Канаде популярностью» [6, р. 84].

Критика, высказанная Хинксом, не осталась без ответа. В 1878 г. Смит включил свои «Замечания по поводу критицизма сэра Френсиса Хинкса» [11] в уже упоминавшуюся ранее подборку статей. Как следует из этих «Замечаний», автор признавал не все аргументы Хинкса, объясняя это тем, что если мнение критика не совпадает с мнением автора эссе, это не означает, что концепция последнего не имеет права на существование. «Я, – писал Смит, – в силу своих возможностей привел причины моего мнения (о будущем Канады – М.Г.). Если мне представят какие-либо новые аргументы,

я, может быть, изменю его» [11, р. 129]. Однако на некоторые замечания Хинкса Смит все же ответил. «Я выделил четыре силы, которые, как мне кажется, влияют на имперскую связь Канады с Великобританией, делая ее непрочной, – рассуждал автор «Политической судьбы Канады». –<...> Три из них сэр Френсис Хинкс обошел вниманием, сделав по этому поводу лишь несколько коротких и немного высокомерных замечаний, суть которых заключается в том, что эти силы никогда не влияли на чувство лояльности (Канады по отношению к Великобритании – *М.Г.*) в прошлом и не должны влиять в будущем» [11, р. 130]. Пренебрежение перечисленными силами в прошлом, подчеркивал Смит, привело к американской революции, а в случае Канады – к обретению ею автономного статуса. Вполне возможно, писал он далее, – что «в отношении Канады эти силы исчерпали себя, и мы продвинулись до конечной точки в наших отношениях со страной-матерью» [11, р. 131]. Он соглашался признать это в случае, если сэр Френсис Хинкс приведет убедительные аргументы. Пока же, по выражению самого Смита, его оппонент лишь «рвет на себе одежду» и «поднимает пыль в воздух» [11, р. 131–132]. После констатации этого факта Смит выразил удовлетворение по поводу того, что его критик признал существование последней «великой силы» – геополитического влияния американского сообщества на Канаду. «И что же он предлагает для решения этой проблемы?» – спрашивал Смит. И сам же отвечал на свой вопрос, упрекая Хинкса за то, что тот «уклоняется от ответа, считая неуместным обсуждать эту проблему в данном случае, и прикрывает свое отступление рассуждениями о предубеждении (канадцев – *М.Г.*) к американским политическим учреждениям» [11, р. 133].

«Мой критик, – продолжал автор «Политической судьбы Канады», – упрекает меня в том, что я исключил из "великих сил" главную, коей, по его мнению, является нежелание людей участвовать в революционных событиях». Цитируя Хинкса, Смит отмечал, что если тот связывает обретение суверенитета Канадой с неизбежной гражданской войной, то его можно понять, однако «его опасения бесплодны». «История Европы знает много случаев, – рассуждал он, – когда изменение вассальной зависимости не сопровождалось гражданской войной: уступка, обмен, покупка, династический брак...». Обращаясь к современности, Смит приводил в пример политическую судьбу Ионических островов, Ниццы, Савойи, Аляски, Трансвааля и Кипра [11, р. 134]. Если же сэр Френсис Хинкс опасается повторения американских событий, продолжал Смит, то следует учесть, что Англия не раз заявляла, что не допустит повторения подобной «глупости». «Можно с уверенностью сказать, – утверждал

эссеист, – что сейчас, даже в разгар консервативной реакции, Англия вряд ли станет воевать со своими колониями с целью не допустить превращения последних в нацию» [11, р. 135]. Завершая полемику, Смит выражал уверенность в том, что читатели смогут самостоятельно оценить справедливость его ответов сэру Френсису Хинксу, а также «увидят, что тот факт, что он (Хинкс – М.Г.) умолчал о некоторых аргументах, не позволил ему рассмотреть вопрос в целом». «Если бы сэра Фрэнсиса Хинкса рассмотрел вопрос в целом, – он бы перешел на мою сторону» [11, р. 138], – выражал уверенность автор «Политической судьбы Канады». Таким образом, на наш взгляд, Смицу удалось показать необубедительность аргументов его оппонента.

Итак, если оценивать позиции участников полемики, то становится очевидно, что концепция Смита выглядит убедительно. Но необходимо принять во внимание, что Хинкс не предлагал собственного варианта перспектив развития событий, а лишь выражал мнение той части канадской общественности, для которой была неприемлема предложенная Смитом модель будущего Канады. Однако позиция Хинкса имеет для нас принципиальное значение, поскольку выражает протест не столько против концепции Смита, сколько против попытки ее автора повлиять на британское общественное мнение, навязав ему свое видение решения проблемы. Существенно и то, что ни Смит, ни Хинкс не были приверженцами идеи имперской федерации, более того, оба они считали неосуществимой эту идею. Поэтому предметом их спора и стал вопрос о возможности или невозможности сохранения имперских уз Канады с Великобританией. Эта полемика вывела обсуждение проблемы о возможных путях развития доминиона Канада на новый, более высокий уровень. Сам факт участия в дебатах по этому вопросу таких персон, как Г. Смит и Ф. Хинкс, свидетельствовал о резонансности темы. Однако дискуссия 1877–78 гг. о политической судьбе Канады не стала предметом специального обсуждения в Великобритании. И основная причина, на наш взгляд, заключалась в том, что на страницах британских изданий как раз с конца 1877 г. развернулась полемика, о будущем Британской империи в целом [1, с. 142–162]. Поэтому в это время вопрос о судьбе Канады, вписавшись в контекст масштабной дискуссии британских интеллектуалов, не мог стать предметом исключительного внимания в Великобритании. Таким образом, есть основания утверждать, что поиск путей развития канадского доминиона с конца 1870-х гг. стал восприниматься в метрополии и доминионе частью проблемы сохранения имперского единства, которая занимала умы британских и канадских интеллектуалов в последующие десятилетия.

Список литературы

1. Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е гг. XIX в.). – Тамбов, 1998.
2. Нохрин И.М. Голдуин Смит и континентализм в Канаде в последней трети XIX в. // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 41(179). История. Вып. 38. – С. 133–140.
3. Cook R. Smith Goldwin // The Dictionary of Canadian Biography online. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.biographi.ca/009004-119.01-e.php?id_nbr=7075 (дата обращения: 8.11.2012).
4. Everett E. M. The Party of Humanity: The Fortnightly Review and Its Contributors, 1865–1874. Chapel Hill, 1939.
5. Hincks F. The Political Destiny of Canada // The Canadian Monthly and National Review. Vol. XII: July – December 1877. Toronto – 1877. – P. 56–66.
6. Hincks F. Reply The Political Destiny of Canada / The Political Destiny of Canada by Goldwin Smith. – Toronto; London, 1878.
7. Ormby W.G. Hinks Sir Francis // The Dictionary of Canadian Biography online. [Электронный ресурс] URL: http://www.biographi.ca/009004-119.01-e.php?id_nbr=5583 (дата обращения: 8.11.2012).
8. Preface / The Political Destiny of Canada by Goldwin Smith. – Toronto; London, 1878.
9. Smith G. The Empire: A Series of Letters, Published in "The Daily News", 1862, 1863. – Oxford; London, 1863.
10. Smith G. The Political Destiny of Canada / The Political Destiny of Canada by Goldwin Smith. – Toronto; London, 1878.
11. Smith G. Remarks on the Criticism of Francis Hincks / The Political Destiny of Canada by Goldwin Smith. Toronto; London, 1878.
12. Underhill F. H. In Search of Canadian Liberalism. – Toronto, 1960.

Боснийский кризис

Статья посвящена борьбе великих держав за Балканы. Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в октябре 1908 г. поставила Европу на грань европейской войны.

The article is devoted to the struggle of the great powers in the Balkans. The annexation of Bosnia and Herzegovina by Austria-Hungary in October 1908 put Europe on the brink of a European war.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Германия, Османская империя, Россия, А.П. Извольский, А.Л. Эренталь, Англия, Франция, Бюлов.

Key words: Austria-Hungary, Germany, the Ottoman Empire, Russia, Izvolsky, Aehrenthal, England, France, Bulow.

Принятое австро-венгерским правительством в октябре 1908 г. решение аннексировать Боснию и Герцеговину вызвало в Европе вслед за первым Марокканским еще один острый международный кризис. Можно ли считать возникший кризис, поставивший Европу на грань войны, справедливо названный «прологом» Первой мировой войны, случайным?

К моменту возникновения кризиса не завершилась борьба за преобладающее влияние на Ближнем Востоке. Получив концессию на строительство Багдадской железной дороги, Германия еще более укрепила свое экономическое, политическое положение в Турции. Теперь германской дипломатии предстояла задача закрепить достигнутый успех. Балканы в этой борьбе занимали важное место, являясь связующим звеном между Австро-Венгрией и Германией и растущими немецкими интересами на Ближнем Востоке. Германское генеральное общество в Салониках в 1907 г. подчеркивало большой интерес немецкого капитала к Македонии, особенно в освоении минеральных богатств. Работающий здесь немецкий капитал, указывалось в письме канцлеру Б. Бюлову 17 сентября 1907 г., вместе с дорогой Салоники – Монастир (в 1890 г. турецкое правительство эту дорогу сдало в концессию немецкому банку), составляющий примерно 80 млн. марок, в ближайшее время претерпит значительный рост и укрепит наше положение [17, с. 155–156]. Не собирались сдавать своих позиций в этом регионе и другие державы, прежде всего Англия, Россия, Франция и Австро-Венгрия.

Остановимся на внешней политике главного союзника Германии – Австро-Венгрии – именно на Балканах, где существовали и накапливались австро-русские противоречия. Еще в 1886 г. наиболее воинственные элементы в Берлине и Лондоне подталкивали Вену «...довести дело до войны с Россией» [8, с. 37]. Набиравший тогда силу Ф. Гольштейн 8 мая 1887 г. с удовлетворением констатировал в своем дневнике: «...Теперь, когда сколочена группа Австрия – Италия – Англия, чем скорее произойдет столкновение этой группы с Россией, тем лучше» [12, s. 386].

В последующие годы проблема войны против России неоднократно поднималась в Вене, но международное положение Австро-Венгрии и Германии не располагало к подобным авантюрам. На рубеже веков обострились англо-германские и германо-американские противоречия. Недоставало прочности Тройственному союзу¹, ухудшались отношения между Италией и Австро-Венгрией. Информировав Петербург о посещении Тулона итальянской эскадрой, русский посол в Риме А.И. Нелидов полагал, что «...самые острые стороны взаимных отношений сгладились, на французов перестали смотреть как на естественных врагов... Тулонскими событиями и расположением к ним итальянского правительства остался недоволен германский канцлер... Повторяя выражения, употребленные Бисмарком относительно России, когда состоялось начало нашего сближения с Францией, Бюлов высказал, что для Италии настало время сделать окончательный выбор между законною женою (Австро-Германией) и любовницей (Францией)... Во всяком случае, будущие отношения Италии к Тройственному союзу все более и более занимают политические кружки» [1. Ф. Секретный архив министра. Оп.467. Д.196/193. Доверительная депеша Нелидова 10 (22) апреля 1901. Л. 46].

Некоторое смещение интересов внешней политики России на Дальний Восток в конце XIX в. не могло не сказаться на ее влиянии на Балканах. Министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский полагал: «Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами». Расчеты австрийской дипломатии на отвлечение России от Балкан пока оправдывались, и в 1897 г. Вена и Петербург согласились поддерживать на Балканах *status quo*. Начавшееся в 1903 г. в Македонии восстание против Османской империи не мешало России и Австро-Венгрии подтвердить соглашение 1897 г. и разработать программу реформ в Македонии, предусматривающую

¹ Для Австро-Венгрии проблема усугублялась и тем, что в многонациональной стране, где по численности населения ни одна группа не являлась доминирующей, проводить внешнюю политику, популярную для большинства населения, не представлялась возможным [27, s. 1304–1338, 1331].

совместное участие двух государств в управлении Македонией¹ [9, с. 193–194].

Отсутствие активности Габсбургской монархии в период Русско-японской войны и революции, вероятно, связаны с опасениями за сохранность от распада своего государства и надеждой на вовлеченность России на Дальний Восток. Как и Вильгельм II, в свое время подталкивавший Россию на Дальний Восток, австро-венгерский император Франц-Иосиф уже во время боснийского кризиса в послании Николаю II утверждал, будто Австро-Венгрия в трудное для России время, в 1904–1907 гг., бескорыстно соблюдала взятые на себя обязательства: «...в то время, когда ты вел на Дальнем Востоке трудную войну, и во время последовавших за ней смут в России, я пренебрег этими материальными интересами, чтобы избавить тебя от тени какого-либо беспокойства со стороны Европы» [7, с. 4].

Для последующего развития событий на Балканах важное значение имело устранение в 1903 г. проавстрийского короля Сербии Александра Обреновича и вступление на престол Петра Карагеоргиевича, сторонника сближения с Россией. Смена династии обозначила другие вектора сербской политики. Теперь усилия Белграда направлялись как на пропаганду Великосербского государства, так и на освобождение страны от австрийского капитала. Вена тщетно требовала от Белграда отказа от поддержки южных славян в составе Габсбургской державы. Ненависть против Австро-Венгрии у славянских народов Балкан признавали и австрийские дипломаты. Так, посол Австро-Венгрии в Константинополе И. Паллавичини в частном письме 2 сентября 1908 г. просил не забывать, что балканские страны объединены одним чувством – ненавистью к Австро-Венгрии, и ее они боятся больше, чем Турции [21. Bd. 1, s. 67].

Одновременно с притязаниями Сербии на объединение южных славян в Австро-Венгрии растет влияние сил, считавших необходимым использовать радикальные меры для спасения империи. Пожалуй, три политические фигуры наиболее последовательно выражали агрессивные устремления монархии – наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, начальник Генерального штаба (с осени 1906 г.) генерал К. Гетцендорф и министр иностранных дел барон А.Л. Эренталь². С назначением осенью 1906 г. Эренталю министром, отмечает австрийский историк Ф. Фельнер, появился человек, решивший в отличие от своих предшественников свою политику не приспособлять к событиям, но непременно самому захватывать инициативу и, как в свое время Бисмарк, не подчинять свои

¹ Переговоры Николая II с Францем-Иосифом в 1903 г. проходили в замке Мюрцштег, и принятое там соглашение принято называть Мюрцштегской программой.

² Об Эрентале и его архиве см. [5, с. 170–173].

планы, принимая во внимание желания и щепетильность своих союзников [16, s. 64–65]. Уже его назначение в 1899 г. послом в Петербург привлекло внимание как в Австро-Венгрии, так и в Германии, поскольку Эренталь считался русофилом. Будучи послом в Петербурге, он преуспел не только в высших кругах российской столицы: там он не прекращал проповедовать необходимость монархической солидарности против «пролетарской революции». Годы пребывания в России Эренталь использовал для ее изучения, и это знакомство, заметил С.Ю. Витте, привело будущего инициатора Боснийского кризиса к заключению, что «после ... японской войны Россия на продолжительное время обессилена и не в состоянии вести активную политику на Западе» [4, с. 366]. Бывшему заведующему отделом зарубежной информации лондонской «Таймс» Д.Уэллсу он как-то хвастливо заявил, что знает Россию как свой карман, она на войну не пойдет [21. Bd. 1. № 990].

Босния и Герцеговина, с 1878 г. оставаясь формально в составе Османской империи, управлялись фактически Австрией. Этнически население сильно смешанное, но в 1910 г. сербы составляли 43,49 %, или 825338 человек. Правительство Австро-Венгрии не проявляло ни желания, ни решимости в разрешении назревших в этих землях проблем. Налоговое бремя, «земельный голод» [20, s. 603–614]¹ дополнялся политикой «католизации», проводившейся в Боснии более энергично, чем в других славянских землях, входивших в состав двуединой монархии.

Естественным результатом такого правления стало возрастание недовольства населения Боснии и Герцеговины. Осенью 1907 г. ситуация в землях приобретает взрывоопасный характер, когда проходивший в Сараево съезд «Сербской народной организации» принял резолюцию с выражением надежды на преобразование провинций в автономное государство в рамках Турции. Резолюция не прошла незаметно для Вены. Эрцгерцог Франц-Фердинанд стал жаловаться императору Францу-Иосифу на слабое управление в Боснии, а барон Эренталь требовал от управляющего этими землями Ф.Буриана введение более строго режима.

Осенью 1907 г. между начальником генерального штаба Австро-Венгрии генералом Гетцендорфом и министром иностранных дел Эренталем установились постоянные контакты. Эренталь и Гетцендорф пришли к единому выводу, что только аннексия может обеспечить порядок в Боснии и Герцеговине. Объединяло австрийских политиков и намерение вести войну против Сербии.

¹ Соответственно мусульмане составляли 32,25 % и 612090 чел., католики 22,87 % и 434190 чел. Судебные процессы между крестьянами и помещиками постоянно оставались актуальными. В 1907–1909 гг. в судах было рассмотрено 56000 исков помещиков к крестьянам о неуплате налогов. См. [14, s. 764–765].

Еще в 1904 г. Эренталь предложил А. Голуховскому, тогда министру иностранных дел Австро-Венгрии, использовать благоприятный момент, связанный с Русско-японской войной, для аннексии Боснии, предложив России вознаграждение в виде удовлетворения ее требований на изменение режима проливов. Голуховский уклонился от обсуждения этого вопроса. Впрочем, А.П. Извольский также проявлял активность, пытаясь получить поддержку Англии в вопросах открытия проливов. Подписание с Англией 31 августа 1907 г. соглашения о разграничении сфер интересов в Афганистане, Персии, Тибете побудили Извольского заявить о надежде на поддержку Лондона в проблеме проливов¹.

Следующим шагом Извольского стало посещение Вены, где он вел переговоры с Эренталем, был принят императором Францем-Иосифом и престолонаследником Францем-Фердинандом. В подготовленном для царя докладе о переговорах, касаясь бесед с Эренталем, Извольский подчеркивал намерение партнера по переговорам держаться двух пунктов: «1. Австро-Венгрия не имеет никаких честолюбивых замыслов по отношению к владениям Султана и не имеет никаких других выгод или приобретений, кроме тех, которые обеспечены ей Берлинским трактатом. 2. Она искреннейшим образом желает возможно долго сохранить нынешний *status quo* в пределах Турецкой империи» [1. Ф. Канцелярия. 1907. Д. 42. Доклады А.Извольский – Николаю II. 18 ноября 1907 г. Л. 258–260].

Визит Извольского и его переговоры не изменили уже принятое Веной решение. В том же 1907 г. Эренталь предложил турецкому правительству проект сооружения железной дороги через узкую полосу земли, которой на Берлинском конгрессе 1878 г. отделили Сербию от Черногории, чтобы сохранить для Австро-Венгрии свободный путь к порту Салоники. Она получила название санджака (округа) Новый Пазар. Строительство этой дороги, писал Эренталю министр финансов И. Буриан, будет способствовать «интересам австро-венгерской торговли и австро-венгерской промышленности... Ничто не служит лучше этим интересам, чем проектируемая железнодорожная связь» [17, с. 156].

27 января 1908 г., выступая перед австро-венгерским парламентом, Эренталь заявил о проекте строительства железной дороги из Боснии и Герцеговины через Ново-Пазарский санджак и Македонию на соединение с турецкой железной дорогой Митровица – Салоники. Этой речью, отмечал финский исследователь В. Калгрэм, Эренталь намеревался прежде всего встряхнуть общественное мнение империи и возвестить будущее дуалистической монархии.

¹ В беседе с издателем газеты «Новое время» А.С. Сувориным 1.IX.1907 г. Извольский сказал, что в вопросе о проливах он ожидает поддержки со стороны Англии. См. [6, с. 346].

Он хотел обнародовать реалистическую политику, которая сулила на Балканах материальные выгоды вместо престижа, он хотел показать австро-венгерской торговле и промышленности новые пути экспансии [11, s. 218].

Заявление австрийского министра совпало с очередным обострением турецкого вопроса. На состоявшемся 21 января 1908 г. в Петербурге особом совещании под председательством П.А. Столыпина обсуждался вопрос: воевать или не воевать с Турцией? Извольский высказался за войну, обосновав свое предложение аргументом, будто отказ от войны угрожает России утратой роли великой державы [2]. По твердому убеждению главы кабинета П.Столыпина, в то время для России «иная политика, кроме оборонительной, была бы... бредом ненормального правительства»¹.

Британская дипломатия внимательно следила за развитием ситуации на Ближнем Востоке. Возникшее там младотурецкое движение Лондон решил использовать для достижения своих стратегических целей. Предложенный Англией великим державам план реформ² в македонских провинциях Османской империи в случае его осуществления привел бы фактически к потере Турцией этой территории. В согласии с Россией добиться у султана предложенных изменений было бы легче, но в условиях начавшегося англо-русского сближения еще важнее британским лидерам представлялось усилить австро-русские противоречия и добиться переориентации турецкой политики на Антанту. Предложенный Англией проект не нашел поддержки ни в Австрии, ни в Германии.

В контексте этих соображений следует рассматривать и состоявшуюся 9-10 июня 1908 г. в Ревеле встречу российского императора Николая II и английского короля Эдуарда VII. Хотя формально в центре внимания стоял македонский вопрос, для Британии более существенным представлялось ускорить перевооружение армии России и по возможности ухудшить ее отношения с германским блоком. После завершения «встречи в верхах» в Берлине не питали иллюзий о ее последствиях. «...Значение Ревельского свидания несколько не умаляется немецкой печатью, с горечью признающей, что англо-русское сближение отныне свершившийся факт...».

8 июля 1908 г. немецкий консул в Салониках Ф. Остман сообщил канцлеру Бюлову о «вспыхнувшем младотурецком восстании». В Вене не могли не учитывать возможные негативные последствия

¹ Издателю газеты «Новое время» А.С. Суворину Извольский говорил: «...Мы должны быть свободны в Европе... Поднимемся мы только удачной войной с кем-нибудь, все равно с кем» [6, с. 376].

² Сокращение турецких войск, увеличение «миротворческих» сил под международным командованием, установление контроля над финансами и судебными учреждениями.

происходивших в Турции перемен. Младотурецкая революция побудила Австро-Венгрию активизировать свои приготовления к аннексии Боснии – Герцеговины. Момент для достижения своих целей Эренталь считал наиболее благоприятным. 19 августа под его руководством проходило совещание с участием председателей обоих советов министров: Австрии – фон Бека, Венгрии – Векерле, военного министра фон Шенайха, министра финансов фон Буриана, начальника генерального штаба К. Гетцендорфа. Темой совещания был вопрос: «влияние революции в Турции на Боснию и Герцеговину, соответственно аннексия этих провинций при одновременном отводе императорских и королевских гарнизонов из Санджака Нови Пазар» [21: Bd. 4. № 40. S. 41–50]. Ссылаясь на трудности России и Турции Эренталь предложил провести аннексию в ближайшее время.

5 октября 1908 г. Австро-Венгрия объявила о распространении своего суверенитета на Боснию и Герцеговину, 6 октября объявила о частичной мобилизации.

Как и следовало ожидать, наиболее резко высказалась против действий Вены Сербия. В своей ноте 7 октября Сербия осудила разрыв Берлинского договора [13. Bd. 26/1, № 9091]¹ и призвала державы выступить против односторонних действий Австро-Венгрии, настаивала на восстановлении положения, существовавшего в Боснии и Герцеговине до аннексии [3, с. 90]. Одновременно было призвано 110 тыс. резервистов, началось передвижение войск в пограничные районы.

Известие о намерении Вены осуществить аннексию застигло Извольского на пути в Париж. По прибытии российский министр заявил французскому коллеге С. Пишону, будто бы он, Извольский, согласия на аннексию не давал. Французскому коллеге Извольский предложил созыв международной конференции. Хотя Пишон идею конференции поддержал, но посоветовал обратиться в Лондон. В отличие от России и Англии Франция принципиально не возражала против аннексии. В тот момент в центре внешнеполитических забот республики находился марокканский конфликт, и Эренталь избегал высказываний, которые можно было бы интерпретировать как поддержку германской политики в Марокко. Улучшив отношения с Францией, Эренталь рассчитывал ослабить позиции России, и в определенной степени это ему удалось. Пишон, поддержав предложение о созыве конференции, заявил: «Франция не возражает против аннексии» [21. Bd.1. № 178. S.153].

В Лондоне Извольский нашел бóльшую поддержку, чем в Париже. Англия в отношении аннексии с самого начала заняла резко отрицательную позицию. Австрийскому дипломату 9 октября министр

¹ Австро-Венгерское правительство отказалось принять ноту.

иностранных дел Э. Грей заявил, что подобные действия Австрии могут побудить и другие державы игнорировать право, это приведет к серьезным последствиям. Великобритания поддержала требование России к созыву конференции, чтобы хотя бы задним числом узаконить аннексию. В Лондоне были очень заинтересованы не подвергать опасности хорошие отношения с Россией. Неудача Извольского в связи с аннексией могла означать его отставку. С другой стороны, проблематичной представлялась конференция, которая приняла бы все цели русского партнера. Особенно это касалось вопроса проливов, за которым после смены режима в Константинополе наблюдала общественность. Нельзя не учитывать и стремление Англии оторвать Габсбургскую монархию от Германии. К тому же Лондон был введен в заблуждение Эренталем, когда он преднамеренно дезинформировал английского посла в Вене об аннексии [22, S. 138–139]. И все же не следует преувеличивать антиавстрийскую позицию Британии: она диктовалась целями ослабить позиции Германии там, где это было возможно.

Германия безоговорочно поддержала действия Австро-Венгрии. Вернувшийся из Берлина немецкий посол граф Ф. Пуртолее изложил Извольскому мотивы, которыми руководствовались германские лидеры в период кризиса: «Во время Русско-японской войны Германия, одна из всех европейских государств, не только выказала России живейшие симпатии, но и оказала ей положительные услуги, несколько раз подвергая себя из-за этого опасности осложнения отношения с Японией... Русское правительство не только вошло с Англией в определенное политическое соглашение, но, явно примкнув к двойственному соглашению Франции и Англии, все более и более становится на сторону группы держав, враждебных Германии... В настоящем вопросе Берлинский кабинет безусловно подчеркивает точку зрения Австро-Венгрии и не может предпринять ничего такого, что могло бы быть истолковано в Вене как давление на австро-венгерскую политику» [1. Ф. Секретный архив. 1908 г. Д. 270–271. Извольский – Остен-Сакену 20.10.1908. Л. 8–10].

Извольский пытался парировать выпады германского руководства основательными аргументами: «...До сих пор мы знали, что Германия состояла с Австро-Венгрией в оборонительном союзе, не распространявшемся на восточно-балканские дела; должны ли мы считать теперь, что всякое предприятие Двойственной монархии на Балканском полуострове будет иметь дипломатическую и, может быть, и материальную поддержку Германии?» «Ни Бюлов, ни Пуртолее, – подчеркивал Извольский, – не дали ответа на поставленные им вопросы, но из их слов, а еще более из их молчания, я мог убедиться, что между Германией и Австро-Венгрией возникла некоторая новая и еще более тесная, нежели прежде, связь...»

[1. Ф. Секретный архив. 1908 г. Д. 270–271. Извольский – Остен-Сакену 20.10.1908. Л. 8–10].

Днем ранее Извольский в записке Николаю II представил изложенную выше позицию Германии в возникшем кризисе и ее оценку правительством России [1. Ф. Канцелярия. Д. 43. 1908 г. Извольский – Николаю II. 19.10.1908. Л. 204–208].

Вероятно, германские лидеры в Боснийском кризисе руководствовались исходя из недавнего прошлого. Уже Алхесирасская конференция показала, насколько сильны антигерманские настроения. Назначенный недавно статс-секретарем иностранного ведомства Г. Чиршки обеспокоенно регистрировал еще во время Алхесирасской конференции в марте 1906 г., что «малозаметная, но явная сеть коалиции вокруг Германии обнажилась» [25, s. 416]. Англо-русское соглашение по Персии и другим спорным вопросам перечеркнуло все расчеты Бюлова и его советников на англо-русскую непримиримость [24, s. 118–123]. Антанта, Алхесирасская конференция и соглашение по Персии представлялось в немецком восприятии как этапы планомерного окружения империи. Хотя аннексия противодействовала германской политике в Турции, канцлер настаивал на помощи Габсбургской монархии. Бюлов полагал, что союз получит «неизлечимую рану, если в этом вопросе мы окажемся ненадежными друзьями». Вести себя ненадежно означает дать возможность англичанам, французам и русским сказать австрийцам, чем была наша благодарность за их 30-летнюю верность.

Гольштейн, еще не утративший своего влияния на канцлера, был уверен в необходимости жесткого курса, ибо возникший кризис заставит Вену теснее сплотиться с Германией. А поскольку Австрия надежный союзник, следует гарантировать ей союзническую верность [13. Bd. 26/1, № 9000]. На кайзера же подействовал аргумент, что отказ в поддержке Австро-Венгрии выгоден Англии. Австро-Венгерский посол в Берлине М.Л. Сечени сообщал 8 октября после беседы с Вильгельмом II о желании Германии во всех балканских вопросах действовать рука об руку с Австро-Венгрией [12. Bd. 1. S. 164].

А в Вене тем временем обсуждались варианты войны с Сербией. Эренталь с 1907 г. выступал с идеей, что в случае войны Сербию разделить с Болгарией и таким образом покончить с сербской государственностью [21. Bd. 1. № 32]. Бюлов знал это, поскольку в письме Эренталю объявил о своей согласии [13. Бюлов – Эренталю 30.10.1908. Bd. 26/1. № 9079]. Но позже министр отказался от оккупации Сербии как военной цели. Война, если она начнется, должна стать лишь карательной экспедицией в случае, если Сербия не признает аннексии [20, s. 608]. С таким вариантом не соглашался начальник генштаба Гетцендорф. Он требовал уничтожения Сербии.

Хотя кайзер своевременно и не был проинформирован о подготовке аннексии, его реакция не стала неожиданной: само собой разумеется, Германия не будет против [13. Бюлов – Вильгельму II 5.10.1908. Bd. 26/1, № 8939]. Последовательно действовал канцлер Бюлов в поддержку Вены. Положение Германии, сообщал он кайзеру 5 октября, «стало бы действительно опасным, если Австро-Венгрия потеряет к нам доверие. Пока мы вместе, мы образуем, подобно тому как 50 лет назад, старый немецкий союз, блок, к которому легко никто не рискнет приблизиться. Именно в ближневосточных вопросах нам не следует противодействовать Австро-Венгрии, которая на Балканском полуострове имеет больше интересов, чем Германия. Отрицательной или даже только нерешительной и мелочной позиции в вопросе аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрия нам не простила бы. В обладании этими двумя провинциями его величество кайзер Франц-Иосиф и официальная Австрия видят возмещение за потери итальянских провинций и свое прежнее положение в Германии» [13. Бюлов – Вильгельму II 5.10.1908. Bd. 26/1. № 8939].

Германскому послу Ф. Пурталесу с берегов Невы ситуация в декабре 1908 г. представлялась несколько по-другому, когда он сообщал канцлеру, что «значительные немецкие интересы» поставлены на карту, возможно не меньше, чем положение Германии как великой державы в Европе. Отсюда Дунайская монархия и Германия благодаря созданной Англией Антанте принуждается стать на колени; так оказались бы Германия и Австрия побежденными во всех европейских вопросах, а это привело бы к неполноценным отношениям в Европе, избавлением от которых оставалась бы лишь война [13. Пурталес – Бюлову 9.12.1908. Bd. 26/1. № 9148].

Следует отметить: на всех этапах кризиса инициатива эскалации исходила от Австро-Венгрии, что объединялось влиянием Гетцендорфа, которого поддерживал Франц-Иосиф¹. При поддержке императора начальнику генштаба в конце ноября удалось настоять на решении отправить в Боснию и Герцеговину 15 батальонов.

8 декабря в частном письме канцлеру Бюлову Эренталь, излагая позицию Австро-Венгрии, не исключал принятия военного решения в отношении Сербии и предлагал координировать военнополитические планы союзников. Речь шла об организации прямых переговоров между начальниками штабов двух держав [21. Эренталь – Бюлову 8.12.1908. Bd. 1. № 703]. Предложение нашло поддержку, и в январе между Гетцендорфом и начальником генштаба

¹ К. Гетцендорф был назначен начальником генштаба в 1906 г. по желанию эрцгерцога Франца-Фердинанда. Он сохранил привилегии еженедельной аудиенции у императора, прямой переписки с МИД. См. [15, s. 386].

Германии Г. Мольтке началось согласование позиций сторон в предстоящей войне Австро-Венгрии и Германии против Сербии, России и предположительно Франции. Мольтке не без согласия канцлера расширил германские обязательства по договору 1879 г., сообщив Гетцендорфу, что Германия будет считать за *casus foederis* даже такой австро-русский конфликт, который был бы вызван не прямым нападением России на Австрию, а вмешательством России в австро-сербские осложнения [19. Bd. 1. S. 379–393]. Высшие инстанции одобрили согласованную позицию военных.

В начале 1909 г. международная напряженность не спадала. Противоборствующие стороны готовились к решительной схватке. По-прежнему наиболее агрессивную линию со стороны Вены представлял Гетцендорф, считавший делом своей жизни устранение Сербии. Если, полагал он, достигнуть мирными средствами государственного объединения Сербии с Австро-Венгрией не удастся, а сербы питали бы недружественные австрийцам чувства, то выходом оставалось бы военное разрешение вопроса в подходящий момент. Возникший кризис он считал наиболее благоприятным, поскольку в будущем эта задача для Австрии осложнится.

Сербия отказывалась признавать аннексию и готовилась к военной конфронтации. Хотя Россия не поддерживала ее воинственной позиции, но также избегала прямого давления на Белград. 20 февраля Эренталь представил германскому руководству возможный вариант войны с Сербией. Бюлову было сообщено, что Австрия до середины марта представит сербскому правительству ультиматум в случае, если оно до тех пор не признает аннексии¹ [21. Эренталь – Бюлову 20.2.1909. Bd. 1. № 1022. S. 852–857]. Берлин демонстрировал свою полную солидарность союзнику. Канцлер поручил германскому послу в Вене Г. Чиршки заявить о полном доверии к решениям австро-венгерского императора и правительства, принимаемым в Вене против Сербии [13. Пурталес МИД 20.3.1909. Bd. 26/2. № 9458]. Позиция Германии сняла все сомнения австро-венгерского руководства.

А. Кидерлен-Вехтер (последний бисмаркианец на Вильгельмштрассе 76, как его называли), замещавший заболевшего статс-секретаря В. Шёна, подготовил инструкцию послу в Петербурге Пурталесу. Грубая, резкая, она известна как дипломатический ультиматум. 22 марта Пурталес в соответствии с указанием из Берлина потребовал «формального согласия» Извольского с аннексией Боснии и Герцеговины. Посол должен заявить, «что мы ждем точный ответ – да или нет: всякий уклончивый, условный или неясный ответ

¹«Цель моей политики была и есть гарантия аннексии Боснии и Герцеговины» [21. Эренталь – Бюлову 20.2.1909. Bd. 1. № 1022. S. 853].

мы должны рассматривать как отказ». В таком случае Германия устранилась (выражение Бюлова)¹ [13. Бюлов – Пурталесу 21.3.1909. Bd. 26/2. № 9460].

Правительство России, поставленное перед выбором либо признать аннексию, либо рисковать войной с Австро-Венгрией и стоящей за ней Германией, было вынуждено отступить. В тот же день 22 марта Николай II сообщил Вильгельму II, что Россия принимает германские требования. 24 марта Бюлов поручил проинформировать Эренталя о признании Россией аннексии без каких-либо условий [13. Бюлов – Пурталесу 24.3.1909. Bd. 26/2. № 9460].

Боснийский кризис заканчивался. Россия, потерпев военное поражение на Востоке, испытала унижение на дипломатическом фронте на Западе. «Дипломатическая Цусима» (П.Н. Милюков) в значительной мере была обусловлена неадекватной реакцией Германии на возникший кризис.

Именно позиция Берлина увеличила опасность войны. Резкость этой позиции нельзя объяснить лишь страхом перед возможной изоляцией, сомнениями в надежности партнера по союзу. Немецкий исследователь Крёгер полагает, будто именно здесь лежит мотив постоянно поддерживаемой, а 8 марта даже усилившейся поддержки неуступчивой австрийской политике² [20, S. 611]. В период кризиса германское руководство даже не предпринимало попыток воздействовать на Вену умиротворяющим образом. В актив германской политики это не отнести. Когда Бюлов и внешнеполитическое ведомство разрабатывали план действий, они были убеждены, что Россия была не в состоянии вести войну против Германии и Австро-Венгрии³.

¹ Как рискованны были германские методы завершения Боснийского кризиса, признавал сам Бюлов. При своем увольнении несколько месяцев спустя после завершения кризиса своего преемника Бетман-Гольвега экс-канцлер настойчиво предостерегал перед повторением своих действий против России [10. Bd. II. S. 513].

² Не следует, однако, забывать об экономических интересах Германии на Балканах, которые представлял прежде всего Немецкий банк. Укрепление общих интересов требовало усиления союза с Австро-Венгрией. Поэтому Бюлов заверил Эренталя, что «Мы в Боснийском вопросе твердо стоим на стороне Австро-Венгрии». Бюлов, по сути, предоставил карт-бланш Эренталю, когда подчеркивал, что тот может добиваться решения, когда сочтет это более удобным. [18. Бюлов – Эренталю 30.10.1908. S. 122].

³ Пурталес канцлеру Бюлову 13 ноября 1908 г. сообщал, что в Петербурге совершенно ясно представляют: война означала бы финансовое разорение и возрождение революции с непредсказуемыми последствиями [13. Bd. 26/2. № 9112]. Бюлов 30 ноября 1908 г. об этом же германскому послу в Вене: по внутреннему и внешнему положению России немислимо, чтобы хоть один разумный и ответственный русский деятель мог ринуться в войну [13. Bd. 26/2. № 9292].

Оценка военной слабости России после войны с Японией была верной, боеспособность ее вооруженных сил была поставлена под сомнение. Английский военный атташе в Петербурге Винсхэм, оценивавший силы русской армии выше, чем его немецкий и австрийский коллеги, подчеркивал 8 ноября 1908 г., что запланированная модернизация русской артиллерии не осуществляется по причине отсутствия денег. Военные возможности России скептически оценивал в начале февраля 1909 г. и британский посол в России А. Никольсон [20, s. 611]. В марте 1909 г. военный министр Редигер доложил царю о «полной небоеспособности» армии. Доклад министра не остался секретом. На заседании Думы и оценки представителей правительства, и партий совпали: Россия воевать не в состоянии. Пять дней спустя эту информацию передал кайзеру немецкий военный атташе П. Химтце.

В заключительной стадии кризиса незадолго до передачи Пурталесом плохо скрытого германского ультиматума информация Химтце лишь укрепила оптимизм германских лидеров. Тезис о военной готовности Германии, политике «рассчитанного риска» можно связывать с военной неготовностью России. Но в Берлине не только не возражали против плана австрийской агрессии против Сербии, но были готовы защищать. Необходимость такой кампании в немецком обществе принималась во внимание [26, s. 161–193, 183–187].

Боснийский кризис 1908–1909 гг. в немецкой историографии справедливо считается отправным пунктом в истории германо-русских отношений. После него Россия активно занялась восстановлением сил, что привело к нарушению баланса сил в Европе в пользу Тройственного согласия и поставило Германию в стесненное положение [23, s. 25]. Пока Бюлов достиг своей цели – усилил германо-австрийский союз, но одновременно усилил и без того распространенное дурное настроение против Германии на берегах Невы и Темзы [13. Пурталес – Бюлову 22.4.1909. Bd. 26/2. № 9530].

Список литературы

1. АВПР.
2. Вестн. НКВД. – 1919. – № 1.
3. Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. – Л., 1964.
4. Витте С.Ю. Воспоминания. – Т. 2.
5. Гостенков А.В. Министр иностранных дел Австро-Венгрии А.Л. Эренталь и его архив // Междунар. отношения в Новое и Новейшее время. – СПб., 2005.
6. Дневник А.С. Суворина. – М.; П., 1923.
7. Красный архив. – 1925. – Т. 3(10).
8. Ламздорф В.Н. Дневник (1886–1890). – М.; Л., 1926.
9. Реформы в Македонии. 1903–1905. – СПб., 1906.
10. Bülow, Bernard Fürst von, Denkwürdigkeiten. 4 Bde. Berlin 1930/31. Bd. 11.

11. Carlgren W.N. Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Uppsala, 1955.
12. Die geheimen Papiere Friedrich von Holstein. Bd. 1–4. Göttingen, 1956–1963. Bd. 2.
13. Die Große Politik europäischen Kabinette. 1871–1914. Hg. J. Lepsius, A.Mendelssohn-Bartholdi, F. Timme. 40 Bd., in 54. Berlin, 1922–1927.
14. Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. III. Die Völker des Reiches. T. 1. Wien, 1980.
15. Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. V. Die Bewaffnete Macht. Wien, 1987.
16. Fellner F. Vom Dreibund zum Volkerbund. – München, 1994.
17. Gutsche W. Monopole, Staat und Expansion vor 1914. – Berlin, 1986.
18. Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917. Dokumente zur innen und außenpolitischen strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches. Hg. Gutsche W. unter Mitar. Kaulisch B. – Berlin, 1977. Dok. № 42.
19. Hötzendorf K. Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Bd. 1.
20. Kröger M. Ein gerade noch berechenbares Risiko. Die bosnische Annexionskrise 1908/09 // Vermiedene Kriege. – München, 1997.
21. Österreich – Ungarns Aussenpolitik von der Bosnisehen Krise 1908 bis zum Kriegausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichischen Ministerium des Äußern, hrg. von Ludwig Bittner und Hans Uebersberger, 1–9 Bde. – Wien; Leipzig, 1930.
22. Redlich J. Schicksalsjahre Österreichs 1908–1919. Das politische Tagebuch Josef Redlichs. Bd. 1. Graz, 1953.
23. Hillgruber A. Deutschlands Rolle in der Vorgeschichte der beiden Weltkriege. Göttingen, 1979.
24. Vogel B. Deutsche Rußlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900–1906. – Düsseldorf, 1973.
25. Winzen P. Bülows Weltmachtkonzept. Untersuchungen zur Frühphase seiner Außenpolitik. – Boppard, 1977.
26. Winzen P. Der Krieg in Bülows Kalkül. Katastrophe der Diplomatie oder Chance zur Machtexpansion? // Bereit zum Krieg. Kriegsmentalität im Wilhelminischen Deutschland 1890–1914 // Jost Dülffer und Karl Holl. – Göttingen, 1986.
27. Kann R A. Zur Problematik der Nationalitätenfrage in der Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. Iii. Die Völker des Reiches. 2. Teilband. – Wien, 1980.

УДК 94(47)5/6:355.353.5

В.М. Курмышов

Развитие береговых баз Балтийского флота в 20–30-е гг. XX в.

В статье рассматриваются строительство баз торпедных катеров в Главном военном порту морских сил Балтийского моря, а также развитие г. Кронштадта в 20–30-е гг. XX в.

The article deals with the construction of databases of torpedo boats in the main naval port of Naval Forces of the Baltic Sea, as well as the development of Kronstadt in the 20's and 30's. XX century.

Ключевые слова: Балтийский флот, базы торпедных катеров, Кронштадт, база торпедных катеров «Литке», база торпедных катеров «Пейпия», Морской собор Кронштадта.

Key words: Baltic Fleet base torpedo boats, Kronstadt base torpedo boats "Litke" base torpedo boats "Paper", Naval Cathedral Kron-Stadt.

В начале 20-х гг. XX в. Балтийский флот, потеряв все западные базы, вынужден был сосредоточиться в юго-восточной части Финского залива, вблизи границ других государств. К тому же малая ширина Финского залива, небольшие глубины, множество подводных опасностей, отмелей и островов затрудняло маневрирование и скрытое развертывание сил флота, особенно летом, когда более двух месяцев длились «белые ночи». Таких невыгодных условий базирования Балтийский флот не знал за всю свою историю.

Исходя из этого, судостроительные программы ВМФ СССР 1928–1933 и 1933–1938 гг. были ориентированы на строительство подводных лодок и малых надводных кораблей. Это вызвало необходимость создания и развития береговых баз соединений торпедных катеров, подводных лодок, охраны водного района (ОВР).

В 1929 г. на Балтийском флоте (форт Кроншлот) был сформирован первый дивизион торпедных катеров, а для его базирования и обеспечения оборудована база. В дальнейшем в зависимости от масштаба работ на флотах создавались береговые базы отдельного отряда, дивизиона, бригады торпедных катеров, отдельного дивизиона и бригады подводных лодок, ОВР, отдельного дивизиона и

бригады речных кораблей. Постепенно вырабатывался взгляд на береговую базу как на комплекс пункта базирования и подразделений тыла для обеспечения отдельной части или соединения катеров и подводных лодок. Пункт базирования оборудовался гаванью, эллингом, мастерскими, складами, служебными зданиями, казармой. Береговая база имела подразделения по всем службам. От отдельных случаев приспособления под береговые базы старых портовых сооружений перешли к плановому строительству баз [6, с. 82–83].

Начальником Военно-морских сил (ВМС) Р.А. Муклевичем 17 апреля 1930 г. для Балтийского флота было утверждено задание по оборудованию баз торпедных катеров и подводных лодок в Главном военном порту морских сил Балтийского моря (ГВП МСБМ). Для выполнения этого задания необходимо было построить следующие базы. База № 1 (форт Литке) – главная операционная база. Она должна была быть оборудована (до 1934 г.) для манёвренного использования одной бригады катеров (36 единиц) и зимнего хранения 16 торпедных катеров. База № 2 (озеро Пейпия) – операционная база, оборудованная для летней стоянки и зимнего хранения 12 торпедных катеров. База № 3 (военная гавань, морской завод) – основная ремонтная база для всех катеров и место зимнего хранения 20 катеров. База № 4 (завод «Марти», Ленинград) – тыловая ремонтная база; предполагалось ее развёртывать только в военное время. База подводных лодок (Купеческая гавань) – операционная база для малых подводных лодок; плавучие базы должны были использоваться как операционные для больших подводных лодок.

Ленинград являлся главной тыловой базой для среднего и капитального ремонта. В соответствии с данным заданием на ГВП предполагалось базирование в мирное время одной бригады (36 единиц) торпедных катеров (до 1934 г.), в военное двух бригад (1930–1931) и трех (1933–1934), кроме того, двух дивизионов (8 единиц) малых подводных лодок и двух больших [1. Оп 1. Д. 141. Л. 8–11].

Особое внимание уделялось строительству баз торпедных катеров «Литке» и «Пейпия». На это указывает протокол совещания (май 1933 г.), проходившего у помощника командующего МСБМ по строительству. В повестке значился только один пункт: состояние строительства баз торпедных катеров. По базе «Литке» отмечалось, что для ряда объектов сроки не выдерживаются – не начаты работы по водоснабжению, оборудованию складов зарядных отделений, хозяйственным постройкам. Учитывая необходимость скорейшего обеспечения бригаде торпедных катеров боевой подготовки приказывалось: к 15 июня 1933 г. сдать в эксплуатацию пять секций ангара с тем, чтобы катера можно было поднять и хранить в ангаре; к 25 мая 1933 г. поставить временные створы для облегчения работ

по тралению западного фарватера, а работы по строительству казармы закончить к 1 октября 1933 г.

По базе «Пейпия» отмечалось, что сроки по строительству на 10 мая 1933 г. сорваны, и в целом положение со строительством из-за отсутствия транспорта, пайков для рабочих грозит срывом базирования катеров в 1933 г. Исходя из складывающейся обстановки установили минимальный объем работ, позволяющий катерам проходить боевой подготовки. Кроме того, приказывалось постройку нового камбуза закончить к 20 мая 1933 г., временного приспособления для подъема катеров к 1 июня 1933 г., гаража к 15 июня 1933 г., а водоснабжение обеспечить к 20 мая 1933 г. [2. Оп. 3. Д. 1. Л. 50].

Основные объекты баз торпедных катеров и подводных лодок были сданы в эксплуатацию в 1935 г., а окончательное их дооборудование осуществилось только в 1937 г. [3. Оп. 6. Д. 3. Л. 4]. В итоге данные базы позволили размещать и обеспечивать, поступающие от промышленности торпедные катера и подводные лодки.

Несмотря на первоочередность работ оборонительного характера, принимались меры по совершенствованию инфраструктуры и самого Кронштадта, что улучшало условия базирования Балтийского флота. Исходя из протокола совещания Леноблисполкома по г. Кронштадту от 29 октября 1932 г., в список строительства были включены следующие объекты: один техникум с окончанием его строительства в 1935 г.; городская больница на 300 коек (единственный морской госпиталь не в состоянии был обслуживать и гражданское население); гостиница для приезжающих, так как для этой цели помещений в г. Кронштадте не имелось [3. Оп. 6. Д. 5. Л. 7–8].

Кроме того, Совет Народных Комиссаров СССР в постановлении № 196/9 от 7 марта 1933 г., отмечая крайне неудовлетворительное выполнение программ жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства по г. Кронштадту за 1932 г. (34,03 %), наметил расширенную программу и источники финансирования на 1933 г.: жилищное строительство – 7750 кв. м (2 млн р.), из них новое строительство 5775 кв. м.; коммунальное строительство – на 3 млн р. (водопровод, канализация, завершение банно-прачечного комбината, энергетика, противопожарные мероприятия, автогужевого транспорт, благоустройство территории); строительство школы десятилетки на 760 мест (465 тыс. р.); достройка поликлиники (375 тыс. р.).

Предполагалось также завершить строительство фабрики к 1 сентября 1933 г., культурных чайных – к 1 августа 1933 г., товарного склада – к 1 июня 1933 г. Намечались и другие мероприятия, а также их обеспечение и организация. Персональная ответственность за выполнение программы городского строительства по

Кронштадту на 1933-1935 гг. возлагалась на заместителя народного комиссара хозяйства, председателя Ленсовета и помощника коменданта Кронштадтского укрепленного района по гражданской части [3. Оп. 6. Д. 3. Л. 67].

В 30-е гг. XX в. Кронштадт представлял собой небольшой город. По приказу командующего обороной Петроградского укрепленного района от 5 марта 1921 г. гражданская власть в городе перешла к помощнику коменданта крепости Кронштадт, при котором было создано соответствующее управление с правами уездного исполкома. В июле 1933 г. управление переименовали в управление помощника коменданта Кронштадтского укрепленного района по гражданской части. В декабре 1939 г. были проведены выборы в Совет, а в январе 1940 г. избран исполком. В середине 20-х гг. XX в. население не превышало 18 тыс. чел. К началу Великой Отечественной войны оно составило около 40 тыс., более 10 тыс. из которого составляли рабочие, а около 5,5 тыс. – служащие (через год войны осталось 13 тыс. жителей) [4. Оп. 23. Д. 75. Л. 7–9].

Город являлся закрытым, но те процессы, которые происходили в стране, затронули и его. В те годы для советского государства была характерна борьба с пережитками прошлого, одно из направлений которой заключалось в прекращении звона колоколов церквей путем их снятия. Стране нужен был цветной металл, а также, «по мнению трудящихся масс, они не давали им спокойно отдыхать». В Кронштадте был образован союз воинствующих безбожников численностью около 11 тыс. чел. (верующих осталось 2,5 тыс. чел.), а на кораблях, батареях, в отделениях и службах ГВП антирелигиозные кружки. Все они требовали снятия колоколов с пяти церквей и Морского собора Кронштадта. По их оценкам, колокола Кронштадта могли дать в фонд индустриализации страны цветного металла на сумму 100 тыс. р. С 14 февраля 1930 г., при помощи сил и средств ГВП началось снятие колоколов, и по этому случаю в Кронштадте в этот день была организована общегородская демонстрация. В том же 1930 г. Морской собор (гордость балтийских моряков, который служил им своеобразным ориентиром при возвращении из дальних походов) был переоборудован в киноконцертный зал. Имущество собора передали в музеи, госучреждения и киноконцертному залу, а часть было утрачено в ходе демонтажа. В результате всех этих мероприятий флот лишился той частицы духовности, которая долгое время являлась ему опорой во всех начинаниях и победах [5. Оп. 28. Д. 4. Л. 1 а].

В решении вопросов совершенствования базирования КБФ особо выделялась проблема обеспечения жильем командного состава и специалистов Балтийского флота. Помимо жилищного строительства, одним из путей его решения являлось переселение

гражданских лиц из Кронштадта, на что выделялись дополнительные средства. Например, постановлением СНК РСФСР № 397 от 14 мая 1934 г. для жилищного строительства на южном берегу Финского залива (для переселенных из Кронштадта) выделялась сумма в 2 млн р., а в Кронштадте – 2,5 млн р.

Изыскивались и другие пути решения жилищной проблемы. Так, в феврале 1938 г. командование КБФ обратилось к председателю Ленсовета А. Шестакову с письмом, в котором говорилось о том, что «по имеющимся у нас сведениям из г. Ленинграда подлежат выселению семьи арестованных врагов народа, а положение с жилищным фондом в КБФ крайне тяжелое, поэтому Военный Совет обращается к Вам с просьбой расселить 350 командиров с семьями в освобожденные квартиры». Однако жилищный вопрос так и не был решен до конца 30-х гг. XX в. Об этом можно судить исходя из докладной записки заместителя командира ГВП КБФ А.М. Купрюхина (исх. ВС КБФ № 1969 сс от 15 июня 1938 г.) на имя И.В. Сталина и других государственных деятелей, где он отмечал что «жилищный вопрос перерос в политический» [5. Оп. 28. Д. 4. Л. 351–354].

Таким образом, Главный военный порт МСБМ (КБФ) в 30-е гг. XX в. активно развивался путем расширения и развития имевшихся объектов базирования и строительства новых. Основными объектами строительства для ГВП были базы торпедных катеров и подводных лодок. Однако отсутствие опыта у УНИ МСБМ и другие причины привели к определенным недостаткам и проблемам в строительстве.

Список литературы

1. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф.р.-305.
2. РГА ВМФ. Ф.р.-746.
3. РГА ВМФ. Ф.р.-307.
4. РГА ВМФ. Ф.р.-92.
5. ЦГА СПб. Ф.р.-285.
6. Шломин В.С. Тыловое обеспечение сил Военно-морского флота СССР в операциях Великой Отечественной войны. – Л., 1970.

А.С. Романов

Устная агитация как форма противодействия слухам в блокированном Ленинграде (1941–1943)

В данной статье рассматривается борьба с негативными слухами, распространявшимися в блокадном Ленинграде, проводимая агитаторами на предприятиях и учреждениях, а также политорганизаторами в домохозяйствах. В ней указаны сами слухи, рассмотрены возможные причины их возникновения и основные формы и методы борьбы с ними.

This article examines the struggle with the negative rumors distribution in the besieged Leningrad, conducted by the agitators at enterprises and institutions, as well as by political workers in households. It concerns the rumors themselves, their possible origins and the main forms and methods of struggle against them.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, пропаганда, агитация, слухи, политико-массовая работа.

Key words: historiography, the siege of Leningrad, propaganda, agitation, rumors, political and mass work.

Слухи, как источник распространения информации, играли важную роль в информационном поле блокадного Ленинграда. Эти часто ничем не подтвержденные известия, передававшиеся в ходе межличностного общения, отражали типичные и актуальные проблемы повседневной жизни ленинградцев и являлись особого рода свидетельствами о социальной истории блокады Ленинграда [7, с. 25]. Многие из ходивших по городу слухов считались властями «провокационными» и «вредными». Поскольку тема борьбы с негативными слухами в литературе о блокаде рассмотрена, на наш взгляд, недостаточно, представляется возможным определить, какие именно слухи считались властями города нежелательными и каким образом шла борьба с ними.

Начало массового распространения слухов и, соответственно, борьбы с ними, приходится, согласно стенограммам сообщений заведующих отделами пропаганды и агитации райкомов ВКП(б), на август-сентябрь 1941 г. В это время возникали слухи антисемитского толка, в том числе связанные с эвакуацией (например, такой: «половина вагонов с детьми наполнена еврейскими детьми» [10. Оп. 10. Д. 1380. Л. 16]), которые распространялись и на заводах, и в домохозяйствах.

В конце августа была отмечена «новая волна провокационных слухов. Распространяли самые невероятные небылицы. Например, что народ обманули, сказав, что есть запасы на 10 лет. Появилось много очевидцев фашистского рая, которые говорили, что фашисты никого не трогают, раздают товары...» [10. Оп. 10. Д. 1380. Л. 17]. Подобный слух о «доброжелательности» немцев можно встретить и в других свидетельствах: «на фабрику... стали приезжать люди уже из области, были отдельные паникёры, которые распространяли слухи, что немцы, занимая наши посёлки, ничего мирному населению не делают, не трогают. Были такие враждебные злостные разговоры, которые направлялись с определённой целью...» [10. Оп. 10. Д. 307. Л. 21–22].

Уже в это время борьбе со слухами уделялось внимание. В частности, вопросы о них рассматривали на заседаниях партбюро предприятий и учреждений, разрабатывались соответствующие лекции, такие как «Антисемитизм – оружие фашистской реакции» [10. Оп. 10. Д. 1380. Л. 16, 18]. Использовались такие формы противодействия слухам, как разъяснение, создание общественного мнения: «паникёров... разоблачали, проводили массовую работу с рабочими, говорили, на что направлены такие разговоры... говорили, что немцы распускают такие слухи, чтобы с меньшими для них потерями захватить Ленинград, хотят всякими методами соблазнить наш народ, чтобы он не сопротивлялся, скорее сдавал наш город» [10. Оп. 10. Д. 307. Л. 22]. Для противодействия слухам использовалась любая возможность, независимо от обстановки: сохранилось свидетельство о том, как агитатор разъяснял двум рабочим в трамвае провокационную сущность слуха о том, что якобы «Ворошилов расстрелял изменника Кузнецова», причём рабочие сами не знали, какого именно Кузнецова. Причиной этого слуха, по их словам, стало то, что Кузнецов давно не выступал перед жителями города. Агитатор объяснил, что таким разговорам надо давать отпор, а Кузнецов «не выступает, потому что сам полки в бой водит» [9. Оп. 10. Д. 263. Л. 10–11]. Следует отметить, что источником этой аргументации был также слух, поскольку агитатор сам не знал, чем занимался в то время Кузнецов, но рабочих вполне устроило подобное объяснение. Кроме того, использовались репрессивные формы борьбы – агитаторы передавали «очевидцев фашистского рая» органам НКВД [10. Оп. 10. Д. 1380. Л. 17].

С сентября получили распространение так называемые пораженческие разговоры, основной идеей которых была неизбежность захвата Ленинграда немцами, а также бегства руководства из города на самолётах [4. Оп. 1. Д. 21. Л. 7]. В сообщении заведующего отделом пропаганды и агитации Свердловского РК ВКП(б) И.В. Туркова отмечалось, что «в сентябре 1941 г. по городу и у нас, на заво-

де им. Молотова, было много пораженческих разговоров. Немецкая агентура работала в городе. Зайдёшь во время воздушной тревоги в щель (укрытие – А.Р.), обязательно услышишь разговор: "Довольно мучиться, лучше бы сдать город..."» [4. Оп. 1. Д. 128. Л. 4]. Учитель А.А. Бардовский также оставил запись в своём дневнике, где упомянул о прямом указании бороться с такими слухами: «30 сентября 1941 г. Собрание работников школы. Сказано бороться со слухами, распространяемыми врагами, а именно, – что и при немцах можно жить, что у нас мало оружия, что наши командиры прячутся, и т. п.» [10. Оп. 11. Д. 7. Л. 41].

Источником панических слухов, в частности, о неизбежности победы немцев, и о том, что невозможно воевать с винтовками против танков и автоматов, служили, согласно отчетным документам отделов пропаганды и агитации, немецкая агентура и шпионы, действовавшие целыми группами [4. Оп. 1. Д. 123. Л. 12–13]. Распространителями слухов считались непосредственно неблагонадёжные горожане или, по терминологии отчётов, «провокаторы и квакуши» [11. Оп. 3. Д. 641. Л. 39]. Слухи распространялись следующим образом: «шпионы распускали слухи, а паникёры... схватывали эти слухи и распространяли их дальше, рассказывали в очереди... Такая шпионская работа была и на заводе № 181, и на заводе Ильича, и на других» [4. Оп. 1. Д. 123. Л. 12–13].

Причиной распространения слухов могла служить психологическая неустойчивость людей. Возможно, в распространении слухов далеко не всегда был повинен злой умысел, – люди могли заниматься этим в попытках хоть как-то компенсировать недостаток информации, принимая собственные иллюзии за действительность. И дефицит информации мог порождать самые невероятные измышления, действуя не хуже всей «вражеской агентуры». По воспоминаниям блокадника А.В. Четкова, «о том, что 8 сентября замкнулось кольцо вокруг города, мы, естественно, не знали – радиотрансляция о таких вещах молчала. Вся информация приходила только в виде слухов. Ну, а слухи были самые разнообразные, вплоть до совершенно нелепых. С ними всячески боролось "начальство", но они все равно распространялись» [12].

В домохозяйствах распространению слухов среди жильцов препятствовали политорганизаторы: они знали жильцов, при помощи актива домохозяйства следили за посторонними и приезжающими. Как отмечалось в одном из сообщений, немецкие шпионы имели благоприятную почву для агитации среди домохозяек как «наиболее отсталых» [10. Оп. 10. Д. 1380. Л. 4]. Именно поэтому борьба с враждебными настроениями и с распространителями слухов была одной из обязанностей политорганизатора [9. Оп. 10. Д. 261. Л. 4–5]. Для этой работы по всем домохозяйствам рекомендовалось исполь-

зывать в беседах с населением такой материал, как передовые «Ленинградской правды» 20 сентября 1941 г. – «Выше революционную бдительность», 25 сентября – «Организованность и дисциплина», 26 сентября – «За поддержание революционного порядка», 30 сентября – «Беспощадно уничтожать фашистских агентов» [10. Оп. 10. Д. 1380. Л. 18].

Политорганизаторы использовали такую форму борьбы, как разоблачение тех лиц, которых подозревали в распространении слухов. Так, в сообщении завотделом пропаганды и агитации Кировского РК ВКП(б) указано, что «мы имели сведения о том, что такая-то женщина говорила такие-то вещи. Мы собирали народ и приглашали её и предлагали – а ну-ка, расскажи. Она начинала отнекиваться – "Да, я ничего!". Такой метод публичного разоблачения очень помог. Это имело большое воспитательное значение» [10. Оп. 10. Д. 1380. Л. 17]¹. Схожий пример описывается в журнале «Пропаганда и агитация»: женщина в бомбоубежище стала рассказывать, что была у немцев в плену и благополучно вернулась, и пыталась убедить, что фашисты не так жестоки. После того как политорганизатор предложил ей предъявить документы, та призналась, что говорила неправду и слышала от знакомой. После чего политорганизатор провёл беседу о неслыханных зверствах фашистов в захваченных районах, а женщину, после окончания тревоги передал в милицию [8, с. 60]. В других случаях было достаточно мер убеждения, в частности, «наиболее отсталых», а именно домохозяек, детей, пожилых людей [10. Оп. 10. Д. 1380. Л. 17]. Так, при рассеивании слуха о «письмах из Иерусалима» (чтобы спастись, требовалось написать 9 записок и раздать другим людям, а если этого не сделать, то якобы погибнешь) политорганизаторы объясняли, что только врагу нужно, чтобы люди «занимались писанием таких глупых записок, а не укреплением обороны Ленинграда» [10. Оп. 10. Д. 341. Л. 17].

Разъяснением сущности негативных слухов занимались и агитаторы в учреждениях, на заводах, на улице, в очередях. Вопрос борьбы со слухами отдельно выделялся при инструктаже агитаторов в райкомах партии [4. Оп. 1. Д. 113. Л. 25]. Как отмечено в отчёте отдела пропаганды и агитации Дзержинского РК ВКП(б), в период, когда существовала непосредственная угроза штурма города (25 августа – 25 сентября 1941 г.), борьба с болтунами, шептуна-

¹ Следует отметить, что ещё до войны слухи определялись как «колоссальной важности политические явления, вызванные неверным пониманием факта или явления» [2, с. 29], и были указаны различные формы борьбы с ними, как, например, разоблачение слуха, дискредитация слухопускателей в глазах населения, усиление информирования населения [2, с. 153]. Ряд этих форм нашёл своё применение и в работе устных агитаторов блокадного Ленинграда.

ми и распространителями слухов имела особенно важное значение. В качестве противодействия проводились такие лекции и доклады, как «За строжайший революционный порядок в городе», «Революционная бдительность – могучая сила в борьбе с врагом». Всего по району было проведено 112 докладов с охватом 8900 чел. [9. Оп. 10. Д. 239. Л. 17–18].

В ходе личных бесед агитаторы старались выяснить, откуда идёт тот или иной слух, чтобы ликвидировать его источник. Аргументация в беседах при борьбе с пораженческими слухами была максимально простой: если как следует работать, то немцы не придут [4. Оп. 1. Д. 21. Л. 7]. Сама работа по разоблачению распространителей слухов проводилась агитаторами на конкретных примерах [11. Оп. 3. Д. 641. Л. 39]. В источниках прослеживается чёткая тенденция к использованию в работе местного материала с указанием на необходимость объяснять, как распространяются слухи: «На примерах распространения слухов, на местном материале, когда народ в трамвае рассказывает, что там-то разбомбили, то-то взяли и т. д., показывали, как это помогает врагу, что даже человек, который безобидно болтает, он уже этим помогает врагу. Затем указывали здесь же, на основе местного материала, как были пойманы настоящие шпионы, показывали, что эти шпионы работали с помощью того, что один человек пустит слух, другие его начинают распространять, эти слухи распространяются уже среди сотен людей, и они становятся невольными распространителями вражеских слухов» [4. Оп. 1. Д. 123. Л. 12–13]. В планах бесед агитаторов с населением на такие темы, как, например, «Что требуется от каждого гражданина нашей Родины, чтобы обеспечить победу над фашистским врагом?» и «Советский патриот – верный помощник командования и государственной власти», также отмечена необходимость внушения слушателю важности исполнения таких обязанностей советского гражданина, как «борьба с паникёрами, распространителями слухов» [9. Оп. 10. Д. 261. Л. 25] и «борьба с носителями паники, болтовни и вредных слухов» [9. Оп. 10. Д. 261. Л. 26].

Идея бдительности населения, необходимости его участия в борьбе со слухами поднималась неоднократно. Так, упомянутые группы шпионов были обнаружены благодаря бдительности населения [4. Оп. 1. Д. 123. Л. 12–13]. Согласно другому примеру рабочие после проведённой агитаторами мероприятий сами стали давать отпор пораженческим разговорам [4. Оп. 1. Д. 128. Л. 4]. Журнал «Пропаганда и агитация», служивший источником методических рекомендаций для агитаторов, неоднократно указывал на то, что противостоять провокационным слухам – долг каждого коммуниста. Заблуждающихся следовало информировать, распространителей слухов – сдавать в милицию [6, с. 32]. Упоминалась помощь

агитаторам со стороны населения, в частности, при столкновении агитаторов с «шептунами» в бомбоубежищах [5, с. 57–58]. Вероятно, существовала определённая тенденция помощи агитаторам со стороны горожан, но сложно сказать, насколько она была массовой.

Зимой 1941–1942 гг. большинство заводов и учреждений города было закрыто. Борьбой с пропагандой противника и всевозможными слухами в тяжелых условиях блокады продолжали заниматься органы НКВД, а также – помимо политорганов домохозяйств – специально созданные в каждом районе с декабря 1941 г. бригады агитаторов. Они вели разъяснительные беседы в очередях, рассказывали о сообщениях Совинформбюро, давали отпор нездоровым настроениям. В Куйбышевском районе было создано девять таких бригад [9. Оп. 10. Д. 330. Л. 93], в Октябрьском – восемь. Так, по воспоминаниям секретаря Смольнинского РК ВКП(б), агитаторы при посещении магазинов часто прислушивались к разговорам и вмешивались в них. После чего образовывалось своеобразное собрание-«летучка», без подготовки и повестки дня. Как отмечал секретарь, «таких... собраний партийно-советским активом и агитаторами были проведены тысячи» [цит. по: 1, с. 33–34].

На предприятиях, продолжавших работу, партийные организации ставили перед коммунистами задачу бороться с нездоровыми настроениями и провокационными слухами. Собрания, на которых перед рабочими выступали работники горкома и райкомов партии, секретари партийных организаций и агитаторы, также являлись формой противодействия слухам. О необходимости таких собраний говорили работницы фабрики «Красное знамя»: «...надо чаще говорить с народом так прямо и открыто, вскрывать и разбивать то, что, о чем шепчутся тайком, о чем ходят разные слухи» [цит. по 3, с. 174]. На беседах и на рабочих собраниях агитаторы разоблачали и антисемитские слухи, имевшие хождение и в январе 1942 г., в частности о том, что «на фронте у нас не хватает боеприпасов, <потому> что на одной из фабрик все евреи разбежались» [9. Оп. 10. Д. 261. Л. 10].

Следует отметить, что с ухудшением продовольственного положения Ленинграда, перебоем в отоваривании карточек, а также бытовыми трудностями в городе возникали новые слухи: «Когда были перебои в отоваривании карточек, они (агентура врага, – А.Р.) агитировали за сдачу Ленинграда: "Продовольствия не будет, все подохнем с голоду"; когда ещё в декабре прибавили норму хлеба, они распространили версию, что прибавка идёт за счёт умерших. <...> когда в районе и в городе возникает ряд пожаров, то распространяют объяснение причины их: "Всё происходит от времянок"» [9. Оп. 10. Д. 330. Л. 42–43].

Методы борьбы со слухами оставались прежними, как зимой, так и весной и летом 1942 г. – читки, беседы, политинформации, ознакомление населения с передовыми «Ленинградской правды»: 18 февраля 1942 г. – «Выше революционную бдительность», 1 июля – «Революционная бдительность – условие победы» [9. Оп. 10. Д. 330. Л. 44]. Кроме того, необходимо отметить, что одним из условий эффективного противостояния слухам служил авторитет агитатора и то, насколько ему доверяло население. В условиях, когда причиной голода многие считали действия властей, это было особенно важно: «Были у товарищей неправильные понятия, даже настроения, привнесённые извне, дискредитирующие наше руководство... Приходилось разъяснять, кому на руку такие вражеские разговоры и т. д. <...> Я не боялась идти к народу... тут же на месте давала отпор неправильным слухам. Народ мне верил, были даже такие разговоры: "Вот идёт Абросимова, она скажет правду"» [10. Оп. 10. Д. 307. Л. 32].

Понижение производительности труда также связывали с негативными слухами. Причиной того, что рабочий начинал «плохо работать, задумываться», указывались «всякие провокационные слухи». В данном случае указывалась важность индивидуальной работы, в ходе которой объяснялось происхождение слухов и их несостоятельность. Давалась соответствующая программа действий – самостоятельно противостоять вражеским слухам и участвовать в разоблачении врага [9. Оп. 10. Д. 334. Л. 16–17].

Как отмечалось в некоторых итогах агитработы по Кировскому району за июнь-январь 1942 г., весной и летом в связи с изменением обстановки по городу прокатилась новая волна слухов. Они были направлены против эвакуации населения, против кампании по очистке города, огородничества (что якобы есть распоряжение уничтожать все посевы на индивидуальных огородах [9. Оп. 5. Д. 188. Л. 41]). Кроме того, распространялись вымыслы о чрезмерных потерях Красной армии и победах немцев [9. Оп. 10. Д. 330. Л. 43]. Есть упоминание о слухе, согласно которому руководители планировали объявить Ленинград «свободным», т. е. открытым городом [9. Оп. 5. Д. 188. Л. 53].

Слухи, связанные с весенне-летней эвакуацией 1942 г., были разнообразны. Так, в одном из слухов, ходивших по Володарскому району, говорилось, что «женщин до 45 лет из Ленинграда выпускать не будут, т. к. все они считаются военнообязанными, а у кого есть дети, их отправят одних, без матерей» [9. Оп. 5. Д. 188. Л. 41]. Согласно другим слухам, эвакуация в июле уже была прекращена, поскольку Ладогу захватили немцы, а те, кто уехал 10 июля, утонули [9. Оп. 5. Д. 188. Л. 41]. В информационных сводках, поступавших в

ГК ВКП(б), указывалось, в частности, на попытку некоего Эйдельмана вести агитацию среди жильцов своего дома против эвакуации с указанием на трудности переезда на новое место, а также на то, что гитлеровцы не трогают мирное население. После того как в июле он был арестован, инструктор райкома провёл специальные беседы с жильцами для противодействия слухам и объяснения причин эвакуации [9. Оп. 5. Д. 188. Л. 5–6].

Основная масса слухов, рассмотренных в источниках, приходится, таким образом, на сентябрь 1941 – июль 1942 г. За рамками этого периода удалось обнаружить только одно упоминание о слухе, в дневниковой записи 25 декабря 1943 г. В.М. Капитоновой, заведующей отделом пропаганды и агитации Московского РК ВКП(б). Автор дневника пишет о том, что по Московскому району ходит слух, что «все евреи сидят везде... В Германию едут не принудительно, а добровольно. Россию разорили колхозы... <...> Нужно агитировать там против таких мыслей» [4. Оп. 1. Д. 55. Л. 86]. Это указывает на то, что, несмотря на возможное уменьшение массовости нежелательных слухов, они продолжали существовать вплоть до прорыва блокады.

Оценить, насколько эффективной была борьба с негативным слухами, сложно. Работа по противодействию, безусловно, была массовой, однако статистика по данному направлению агитационной работы практически отсутствует. Кроме того, вопросы противодействия слухам, даже без анализа статистики, крайне редко встречаются в источниках. Отдельные примеры действий агитаторов также немногочисленны, и все являются успешными, что, на наш взгляд, может быть некоторым преувеличением. Противоречие в отчётах отделов пропаганды и агитации райкомов ВКП(б) и сообщениях заведующих и сотрудников этих отделов также может указывать на неоднозначность успехов при рассеивании слухов: если в одном из сообщений о сентябре 1941 г. говорится, что в то время «не всегда слухам давался нужный отпор» [10. Оп. 10. Д. 1380. Л. 16], или в сводке за июнь 1942 г. указано, что с распространением слухов «решительной борьбы не ведётся» [9. Оп. 5. Д. 188. Л. 53], то в другом отчёте также за июнь 1942 г. указано, что «попытки врага дезорганизовать тыл окончились, как и раньше, полным провалом. Население стойко и мужественно переносило все трудности, ясно сознавая источник их, помогало нашим органам в разоблачении шептунов-шпионов» [9. Оп. 10. Д. 330. Л. 43]. Представляется возможным предположить, что во многом эффективность зависела от конкретных условий работы, опыта и умения агитатора, его авторитета и культуры.

Список литературы

1. Крюковских А.П. Во имя победы. Идеологическая работа ленинградской партийной организации в годы Великой Отечественной войны. – Л., 1988.
2. Кузьмичев В.А. Организация общественного мнения. Печатная агитация. – М.; Л., 1929.
3. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. – СПб., 2002.
4. Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Ф. 332.
5. Некрасова А. О работе с населением в бомбоубежищах // Пропаганда и агитация. – 1941. – № 17–18. – С. 57–58.
6. Петерсон Л., Чапкевич В. Быть бдительным, строго блюсти революционный порядок // Пропаганда и агитация. – 1941. – № 17–18. – С. 32–33.
7. Пянкевич В.Л. Слухи в блокадном Ленинграде // Великая Отечественная война: Правда и вымысел: сб. ст. и воспом. – Вып. 6. – СПб., 2009. – С. 25–64.
8. Торговцева Е. Повседневно помогать политорганизаторам // Пропаганда и агитация. – 1941. – № 17–18. – С. 59–60.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. К-598.
12. Четков А.В. Воспоминания // Блокадный дневник. URL: http://3es.ru/journal/index.php?ELEMENT_ID=102 (дата обращения: 01.12.2012).

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

УДК 94(47).073:35.072

С.В. Джунджузов, С.В. Любичанковский

Межведомственные тяжбы вокруг земель калмыцкой команды Оренбургского казачьего войска (30-е гг. XIX в.)*

Поселение государственных крестьян на землях казаков-калмыков Оренбургского казачьего войска послужило поводом к конфликту между представлявшим казачьи интересы оренбургским военным губернатором В.А. Перовским и центральными государственными учреждениями, заинтересованными в расширении крестьянского землевладения. Для его разрешения потребовалось личное вмешательство императора Николая I.

The settlement of the state peasants on lands of Kalmyk Cossacks of the Orenburg Cossack army was the cause of the conflict between the Orenburg military governor V.A. Perovskiy representing the Cossack interests and the central public institutions interested in expansion of peasants land tenure. Its permission required personal intervention of the Emperor Nikolay I.

Ключевые слова: калмыки, государственные крестьяне, землевладение.

Key words: Kalmyks, state peasants, land tenure.

В 20–30-е гг. XIX в. в Оренбургскую губернию устремились потоки переселенцев из губерний европейской части Российской империи. В основном это были государственные крестьяне, надеявшиеся отыскать свободные земли и получить их во владение. В 1834 г. В.А. Перовский доводил до сведения министра финансов Е.Ф. Канкрин, что в Оренбургском крае таких переселенцев насчитывается свыше 31 тыс. душ. Большинство из них уходило с насиженных мест без разрешения местного начальства и согласования с Оренбургской казенной палатой. В Оренбургской губернии вследствие недостатка казенных земель переселенцы вынуждены были искать пристанища на казачьих и других частновладельческих землях, откуда их стремились изгнать законные владельцы. Занимая чужую землю, захватчики пытались всеми возможными способами удержи-

© Джунджузов С.В., Любичанковский С.В., 2013

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281/a2

вать ее за собой, чтобы затем закрепить по праву десятилетней давности владения.

21 мая 1831 г. от казаков калмыцкой команды в Войсковую канцелярию поступила жалоба на крестьян-однодворцев, поселившихся самовольно на их дачах. Из собранных земской полицией сведений вскоре выяснилось, что по соседству с калмыцкими улусами в Бузулукском уезде обосновались 1121 казенных поселенца (по другим данным – 1578) [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 66]. Прибыли они из шести уездов Тамбовской губернии: Козловского, Лебедянского, Липецкого, Маршанского, Тамбовского, Усманского и двух уездов Воронежской губернии: Воронежского и Землянского. Лишь у 295-ти из них имелись разрешения на переселение в Оренбургскую губернию от властей с места их бывшего жительства, остальные добивались, пользуясь увольнительными свидетельствами от мирских обществ и плакатными паспортами, выдававшимися уездными казначействами лицам податных сословий для отлучек на промыслы и работы. Во владениях бузулукских калмыков поселенцы основали три деревни: Михайло-Архангельскую, Малаховку и Кодяковку.

В 1834 г. по 7-й ревизии (переписи) в деревне Михайло-Архангельской состояло 567 ревизских душ, из которых решительно причисленных – 97, допущенных к временному пользованию угодьями до приятия о них окончательного решения или, говоря бюрократическим языком того времени, «за происходящею перепискою» – 349 и водворившихся самовольно – 121. Причисленные к этой деревне переселенцы просили Правительство о допуске их к водворению в урочищах речек Малого Урана и вершины Грачевки. Указанные урочища находились в даче, отрезанной в казну от Сорочинской крепости. Ходатайство просителей было удовлетворено военным губернатором графом П.П. Сухтеленом и Оренбургской казенной палатой. Однако вместо определенных им урочищ крестьяне деревни Михайло-Архангельской обосновались в устье речки Грачевки, в даче, принадлежащей калмыкам.

Жители деревни Малаховки числом 369 душ были допущены к поселению губернатором П.П. Сухтеленом непосредственно на калмыцкой даче, из них были причислены решительно только 28, остальные 341 поселены без причисления, «за происходящими переписками». Деревня располагалась в урочище на левой стороне реки Верхний Уран, в полуверсте от калмыцкого улуса Фомы Дельки. 26 октября 1831 г. военный губернатор П.П. Сухтелен предложил казенной палате оставить деревню Малаховку на занимаемых ею калмыцких землях «по уважению прочного в ней домашнего обзаведения».

Недалеко от Малаховки, вверх по реке Верхнему Урану, поселилось 185 переселенцев, возглавляемых поверенным Кодяковым.

Эти крестьяне, выходцы из Воронежской губернии, получили от министра финансов разрешение поселиться в Оренбургской губернии на землях, лежащих за рекой Урал по речкам Донгузу и Николке. Лишь по прибытии на место они обнаружили, что выбранная ими местность уже заселена. Тогда они обратились к военному губернатору за разрешением занять свободные земли в Бузулукском уезде. Предписаниями от 17 августа и 28 сентября 1831 г. П.П. Сухтелен уведомил Бузулукский земский суд о допуске просителей к временному водворению на избранном ими месте, если оно не занято. В том же циркуляре губернатор просил казенную палату о скорейшем решении «участи» этих переселенцев. 31 декабря 1831 г. казенная палата постановила поселить их на калмыцких землях и назвать их деревню Кодяковкой [1. Оп. 4. Д. 9936. Л. 9 об.]. Таким образом, из общего числа жителей деревни Кодяковки только 170 были допущены к водворению П.П. Сухтеленом, оставшиеся 15 поселились самовольно [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 59–61, 104 об.].

Претензии казаков и других владельцев, пострадавших от самовольных захватов, побудили графа Сухтелена для разбора спорных дел составить по соглашению с вице-губернатором «Особую в Бузулукском уезде временную комиссию». Уже сам факт создания этой комиссии, которая, заметим, заняла сочувственную позицию в отношении переселенцев, явился для последних немаловажной уступкой. Донесением от 27 июня 1832 г. комиссия запросила разрешение об оставлении переселенцев на занятых землях, объясняя, что новое переселение было бы для них затруднительно «по случаю посеянного и не убранного еще с полей хлеба». Губернатор согласился оставить переселенцев на калмыцких землях до будущей весны, но обязал комиссию отобрать у них расписки о нераспространении прав на чужие земли и согласия пользоваться только теми угодьями, которые предоставят им «коренные жители» [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 106–106 об.]. Своду с земли подверглась только деревня Михайло-Архангельская, так как основавшим ее государственным крестьянам Оренбургской казенной палатой прежде уже было выделено место для поселения, и они не успели обзавестись прочной оседлостью. Выдворенные крестьяне были размещены на квартирах в близлежащих селениях¹.

Повод к оставлению на калмыцких землях деревень Малаховки и Кодяковки дала казенная палата, 23 декабря 1832 г. она приняла постановление об оставлении крестьян-однодворцев указанных де-

¹ Как следует из донесения Бузулукской комиссии, крестьяне деревни Михайло-Архангельской были выведены и распределены к водворению в Пронкинской волости в деревнях: Никольской – 192, Толкаевой – 69, Михайловой – 17 и в Курманаевской волости в деревне Новотроицкой – 200 по 7-й ревизии душ [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 261 об.].

ревень на занятых их усадьбами местах по уважению прочного домашнего обзаведения. В дальнейшем для жителей Малаховки и Кодяковки данное постановление стало служить правовым документом, удостоверяющим законность их поселения.

Постановление казенной палаты, в свою очередь, вызвало возражение войсковой канцелярии. В качестве аргументов, препятствующих размещению переселенцев на калмыцких землях, канцелярией были названы: «неизбежная полосность» между людьми разных сословий, ведомств и вероисповеданий; недостаток свободных от оспаривания земель у самих калмыков для кочевого хозяйства. Единственным основанием к оставлению казенных крестьян на казачьих землях войсковая канцелярия допускала переход их в казачье сословие [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 8 об.]. Начавшийся конфликт между гражданским и войсковым казачьим ведомствами совпал со смертью оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена, и вице-губернатор был вынужден переадресовать рассматриваемое дело в правительственные инстанции, что также отвечало интересам переселенцев. Не обладая достаточными полномочиями для принятия окончательного решения, вице-губернатор, тем не менее, распорядился: «В уважение крайнего положения переселенцев, дозволить им в наступившую весну на распаханной уже земле посеять яровой хлеб, с тем, что переселенцы деревень Малаховой и Кодяковой могут произвести сие прибывая в настоящем месте, а Михайло-Архангельской переселенцы, как уже по распоряжению военного губернатора сведенные с занятой ими усадьбы, то им, не допуская до водворения в оставленном заселении, предоставить посев распаханной земли с нахождением на настоящих квартирах или принятом новом месте к водворению». В то же время крестьянам запрещалось заниматься сенокошением в калмыцких дачах, а использовать для этой цели луговые угодья в соседней Сыпрянской волости, которая от башкир перешла в казенное ведомство [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 1–3].

Бескомпромиссным сторонником выселения крестьян с казачьих земель, и калмыцких в частности, стал граф В.А. Перовский, сменивший П.П. Сухтелена на посту оренбургского военного губернатора. Губернатор Перовский прибывал в уверенности, что решение об освобождении калмыцких земель от самовольных захватчиков, а именно так он именовал казенных поселенцев, было принято еще при его предшественнике и не исполнено только по одному упущению казенной палаты. Свою позицию Перовский конкретизировал следующими замечаниями и распоряжениями: никакое посягательство крестьян бывшей деревни Михайло-Архангельской на земли калмыков ни под каким предлогом допущено быть не должно. Затягивание с переводом будет восприниматься

переселенцами как послабление, а в результате лишь приведет их к «дальнейшему материальному отягощению». Неопределенность ситуации провоцирует взаимные жалобы и обременительные для начальства разбирательства. Жителей деревень Малаховки и Кодяковки военный губернатор также обвинял в самовольном поселении на калмыцких землях. Однако, снизойдя к их тяжелому положению и приняв во внимание, что без послабления местного начальства они бы сами не поселились, Перовский считал необходимым при переселении их с калмыцких на казенные земли выдать им вспомоществование за счет государства [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 9–9 об.].

Решимость В.А. Перовского подпитывалась рапортами Оренбургской войсковой канцелярии, изображавшими крестьян-переселенцев едва ли не как воров и разбойников. Так, в рапорте от 7 июля 1834 г., содержащем, в свою очередь, ссылку на прошение поверенных от общества калмыков-казаков урядника Ивана Дармы и казака Ивана Дощеряка, сообщалось, что новопоселенцы из сведенной деревни Михайло-Архангельской, перезимовавшие на квартирах в соседних деревнях, с наступлением весны начали вновь производить распашку калмыцкой земли, пользоваться которой им было запрещено. Ими были присвоены 14 десятин пашни с посеянными казаками хлебом. В начале мая те же поселенцы под видом вознаграждения за неизвестно какой и когда пропавший у них скот отобрали у нанятого калмыками пастуха 250 овец и 151 ягненка, из которых большую половину не возвратили. Кроме того, захватчики истребляли оберегаемый калмыками лес, лучшие из имеющихся лугов превратили в пастбища для своего скота. Жаловались калмыки и на направленные в их адрес угрозы. «А при малейшей в своеволье их преграде устраивают нанесением казакам увечий и всегда собираясь в многолюдстве с дубинками, как будто бы с оружием, отправляются заводить ссоры и драки, похваляясь всегда притом, что им казаки, оставшиеся при своих жительствовах в небольшом количестве за выкомандировкою на службу, ничего не сделают. Да и само Правительство их поселенцев за неистовства всех штрафовать не будет, а потому они так вольно и поступают во всяких случаях и казаки с семействами своими переносят почти ежедневно обиды и вытесняются даже из жительствовах». Калмыки-казаки просили «оказать им защиту и покровительство и удалить крестьян из их владений»¹.

¹ В результате произведенного бузулукским земским исправником Яновским и зауряд-сотником Серебряковым расследования выяснилось: казаки из калмыков заявили, что к переселенцам деревень Малаховой и Кодяковой никаких претензий не имеют. Хлебопашеством они занимались на землях, отрезанных от Сорочинской крепости, а для сенокоса покупали луга у калмыков, за которые переселенцы деревни Кодяковой заплатили им 175 р., а Малаховой

Раздражало губернатора упорное уклонение крестьян от переселения на предложенные им места. Крестьяне считали их неудобными, к тому же согласие на переселение означало и согласие на раздробление деревни.

Единственным законным основанием для неисполнения воли военного губернатора для переселенцев могло служить обращение в центральные правительственные учреждения. Первыми к этой мере прибегли в 1834 г. согнанные с калмыцких земель крестьяне деревни Михайло-Архангельской. Их поверенные Федот Афанасьев и Карп Григорьев отправились в Санкт-Петербург, где обратились за заступничеством к министру финансов графу Е.Ф. Канкрину. Суть дела поверенными была представлена таким образом, что будто бы их выселение состоялось вопреки предписанию, данному министром финансов Оренбургской казенной палате 17 августа 1832 г. об оставлении переселенцев на занятых ими землях до его особого предписания. Из прошения следовало, что у михайло-архангельских поселенцев отобрали 156 домов и все хозяйственные принадлежности: сохи, телеги и прочий инвентарь. Возделанная ими пашня протяженностью 2 тыс. десятин приведена калмыцкими казаками в негодность, а хлеб потравлен их лошадьми. Кроме того, земским исправником Куроедовым и казачьим хорунжим Аристовым было отобрано у поселян 84 стога сена. Выдворение сопровождалось избиением переселенцев и содержанием под караулом их старшин. Прошение заканчивалось просьбой об оставлении переселенцев в заведенной ими деревне Михайло-Архангельской с возвращением распаханной ими земли [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 160–161 об.].

В результате непродолжительной переписки, состоявшей из двух посланий с каждой стороны, В.А. Перовскому, казалось, удалось убедить министра финансов, что земля калмыкам принадлежит на вотчинном праве и никогда не состояла в казенном ведомстве, а потому не представляется возможным удовлетворить за счет калмыцкой дачи земельные потребности тамбовских переселенцев. Губернатор еще раз напомнил, что крестьяне из деревни Михайло-Архангельской уже сведены на квартиры с уничтожением заведенного поселения и строгим запрещением пользоваться принадлежащими калмыкам угодьями. Однако, соглашаясь с доводами

100 р. Тем не менее калмыки выразили пожелание, чтобы деревни эти были сведены с их дач. Одино дворец деревни Михайло-Архангельской Григорий Кольцов сознался, что он с детьми угнал 165 овец, из которых две оказались козами, но в оправдание своего поступка указал, что прежде калмыки угнали у него семь лошадей. Крестьяне также заявили, что калмыки никакого хлеба не заседали [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 22–25, 48–49].

оренбургского губернатора¹, Е.Ф. Канкрин все же счел нужным ограничить властные полномочия последнего. Отныне оренбургский военный губернатор мог требовать безотлагательного переселения на свободные казенные земли только тех из самовольно поселившихся в казачьих владениях государственных крестьян, которые не имеют прочных домашних обзаведений. Переселенцы также могли остаться на занятой казачьей земле, если имелась возможность ее компенсации за счет смежных казенных угодий. В то же время министр «покорнейше» просил о предварительном уведомлении в случаях, «если встретится крайняя необходимость сселить с казачьих земель таких казенных крестьян, кои уже имеют в оных прочные домашние обзаведения... Каким образом удобно распорядиться в предохранение их от разорения» [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 177–177 об., 212–213].

Оговоренное министром финансов условие учета «прочного домашнего обзаведения переселенцев» создало для жителей деревень Малаховки и Кодяковки правовое основание к оспариванию любого постановления оренбургского губернатора об их выселении. Причем «упрочение» происходило за счет использования принадлежащего калмыкам леса. 30 октября 1834 г. командовавший калмыцкой командой зауряд-сотник Серебряков сообщил в войсковую канцелярию, что переселенцы построили на реке Верхний Уран пять мукомольных мельниц и одну толчею. Из-за возведенных для их работы запруд водой было затоплено много леса и смыты межи [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 193–194].

15 марта 1834 г. губернатор Перовский предложил казенной палате переселить с калмыцких земель остававшиеся на них деревни Малаховку и Кодяковку. Как и в случае с деревней Михайло-Архангельской, свое решение он объяснял тем, что земля, на которой они поселились, является вотчинной собственностью калмыков и которую, без их согласия и не нарушая законов, отдавать в посто-

¹ Министр финансов признал домогательство крестьян деревни Михайло-Архангельской не подлежащим удовлетворению и приписал Оренбургской казенной палате «объявить о сем через кого следует просителям и принять все зависящие от нее меры, чтобы упомянутые переселенцы сколь возможно поспешнее водворены были на беспрепятственных к сему местам, с отводом им узаконенной пропорции угодий». Однако, по крайней мере, до середины 1837 г. значительная часть этих переселенцев продолжали оставаться на съемных квартирах в соседних деревнях. 24 июня 1837 г. Временный совет для управления Департаментом государственных имуществ рассмотрел прошение, поданное доверенным М. Бавиным, представлявшим интересы 73 крестьян этой деревни. Бавин ходатайствовал о возвращении его доверителям разработанной земли и домов, оставшихся в деревне Михайло-Архангельской. Совет предписал Оренбургской казенной палате домогательства о возвращении земли не удовлетворять, а оставшиеся в деревне дома дозволить беспрепятственно перевести в места водворения [1. Оп. 4. Д. 9938. Л. 212 об.].

роннее владение никто не вправе. Исполнение поручения военного губернатора Оренбургская казенная палата переадресовала Бузулукской комиссии о переселенцах. Однако упорное нежелание переселенцев перейти на указанные им места жительства не позволили Комиссии выполнить это поручение до своего расформирования в 1835 г. Обязанности упраздненной Комиссии были возложены на чиновника для особых поручений Яковлева и землемера Дехтярева [1. Оп. 4. Д. 9936. Л. 10].

В 1835 г. сам В.А. Перовский дважды пересматривал сроки выселения государственных крестьян из калмыцких владений. 14 апреля 1835 г. он удовлетворил прошение поверенных деревень Малаховки и Кодяковки Архипа Аклеева и Афанасия Кодякова о дозволении им с доверителями остаться в продолжении «нынешней только весны» на занимаемых местах и воспользоваться посевом хлеба на распаханых уже полях, так как других земель им еще не отведено¹. Затем уже во второй половине осени – 25 октября – «по уважению наступившего зимнего времени» военный губернатор вновь разрешил оставить переселенцев на занятых ими местах в калмыцкой даче. И в то же время он требовал, чтобы переселенцы незамедлительно согласились принять назначенные им земли и в течение зимы непременно перевели на новые места все, что им понадобится из домашнего обзаведения, и чтобы к 1 мая 1836 г. на калмыцкой даче ни под каким видом не осталось ни одного переселенца². Об обязательном исполнении требования губернатора казенная палата 7 ноября направила в Бузулук чиновнику Яковлеву особое предписание.

Непреклонное стремление губернатора Перовского изгнать казенных переселенцев с калмыцких земель вынудило последних со-

¹ Выписка из распоряжения военного губернатора В.А. Перовского Оренбургской казенной палате: «Усматривая из сего, что упомянутым переселенцам до ныне земли еще не отведено, и потому запрещение засеять приготовленные поля может подвергнуть означенных людей настоящему бедствию от недостатка хлеба, и потому только уважению я предписал исправнику допустить их на сей раз к засеву разработанной ими земли. Но с тем вместе, предлагаю Палате всемерно ускорить распоряжением к немедленному своду на свободные казенные земли деревень Малаховку и Кодяковку. Ибо далее они ни в коем случае не могут ожидать подобных снисхождений, до сих пор служащих к дальнейшему упорству и беспорядкам со стороны переселенцев, которые под предлогом запашки, посева, сенокосения и уборки хлеба, с года на год уклонялись от перехода с занятых мест. Посему нисколько недолжно останавливаться [перед] решительными действиями к переходу малаховских и кодяковских переселенцев, которые и по переходе на новые места могут производить уборку хлеба на предоставленных им ныне к засеву полях» [1. Оп. 4. Д. 9936. Л. 34–34].

² Однодворцам деревень Малаховки и Кодяковки были назначены к поселению деревни: Перевозникова, Злобина, Ромашкина, Андаркина и Старая Яшкина [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 26].

ставить датированное 14 марта 1835 г. коллективное прошение на высочайшее имя. В обоснование своих прав крестьяне заверяли императора, что переселились они на выбранные места с дозволения бывшего оренбургского военного губернатора графа Сухтелена и местного начальства, а не самовольно. И граф П.П. Сухтелен якобы направил казенной палате представление об их постоянном водворении и наделении узаконенной пропорцией земли из калмыцкой дачи. Переселенцы построили дома, произвели распашку и удобрение полей. По новому месту жительства они без недоимок платили государственные подати и несли повинности, среди которых особенно отмечали рекрутскую отдачу. Обосновывая свое нежелание переместиться на свободные казенные земли, как того требует оренбургский губернатор, просители указывали, что в Оренбургской губернии остались только такие казенные места, которые заключаются в одних только степях, не имеющих не только лесов или сенных покосов, но даже и самой воды, отчего на них никакого поселения иметь невозможно. Неубедительными, по мнению переселенцев, выглядели приведенные выше аргументы Войсковой канцелярии, служившие основанием для недопущения казенных крестьян селиться на калмыцкой земле. Просители обращали внимание царя, что состоявших в Оренбургском войске калмыков насчитывается 400 душ, а земли в их распоряжении более 200 тыс. десятин. Следовательно, даже после нарезки им 15-десятиной пропорции у калмыков останется более чем по 400 десятин на каждую душу. А поскольку калмыки не занимаются земледелием, то «могущая быть иногда некоторая незначительная чересполосность, при кочевой их жизни, ничего не должна значить» [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 4–10].

Появление приведенного ходатайства, скорее всего не отправленного, по крайней мере официальным порядком, а лишь отложившегося в деловой переписке, несомненно, свидетельствует о начавшемся конфликте между ведомством военного губернатора Перовского и возглавлявшейся вице-губернатором Лавровым Оренбургской казенной палатой. К этой мысли подводят следующие косвенные доказательства: во-первых, прошение от имени неграмотных поверенных крестьян всех трех деревень было составлено в Уфе, служившей местом расположения гражданской власти Оренбургской губернии; во-вторых, в нем приводится подробное цитирование документов, доступа к которым без посторонней помощи крестьяне иметь не могли.

30 января 1836 г. Указом общего собрания 4-го, 5-го и Межевого департаментов Правительствующего сената было принято полностью удовлетворяющее переселенцев решение. Сенаторы распорядились крестьян казенного ведомства, поселившихся на калмыцких

землях, которые пожелают причислиться к Оренбургскому казачьему войску, наделить 30-десятиной пропорцией земли, а прочих, остающихся в крестьянском звании, не переселяя с места жительства, оставить тут и отмежевать им положенную пропорцию земли [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 29–29 об.].

Содержавший прямые предписания сенатский Указ, тем не менее, был по-разному истолкован в Уфе и Оренбурге. Казенная палата сочла, что он содержит разрешение оставить на калмыцких землях всех, когда-либо поселившихся на них крестьян. В.А. Перовский придерживался противоположного мнения, которое дважды корректировал. 4 марта он информировал вице-губернатора, что Указ разрешает оставить на калмыцких землях только тех крестьян, которые уже поселены на оных. Крестьяне же деревень Михайло-Архангельской, Малаховки и Кодяковки статуса поселенных не имеют, и об их переводе на свободные казенные земли уже давно отданы распоряжения. Затем, приняв во внимание, что сенатский Указ был составлен на основании заключения министра финансов, губернатор счел нужным скорректировать свои прежние распоряжения и оставить на прежнем жительстве тех переселенцев, которые обзавелись прочными домовладениями. По поручению В.А. Перовского его адъютант гвардии поручик Васильев освидетельствовал домашние хозяйства жителей Малаховки и Кодяковки. Из доставленных им сведений Перовский определил, что в Малаховке имеется прочно и хорошо устроенных домов 17, а в Кодяковке 24. Прочие же размещаются в землянках, недостроенных избах и других временных жилищах, а некоторые на квартирах, не имея вовсе никакого обзаведения. На основании приведенных сведений военный губернатор велел чиновнику Яковлеву и бузулукскому земскому исправнику оставить на калмыцких дачах 41 двор и наделить их 15-десятиной пропорцией земли на каждый двор. Остальных переселенцев как не имеющих прочного обзаведения перевести на назначенные им казенные земли к определенному сроку [1. Оп. 4. Д. 9936. Л. 11–12].

Очередным поводом к уклонению от исполнения распоряжения военного губернатора о немедленном переселении казенных крестьян с отобранных у калмыков земель для казенной палаты становится содержание понятия «прочное домашнее обзаведение». Если для В.А. Перовского прочное обзаведение состояло в наличии избы, хозяйственных построек, возделанных полей и наличии скота, то палата, ссылаясь на разъяснение, данное министром финансов по ее запросу от 5 июня 1835 г., сообщила военному губернатору, что водворением должны считаться: дома, избы, хижины или землянки [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 68–68 об.]. Из составленной чиновником казенной палаты Яковлевым описи строений крестьян, подлежащих вы-

селению, следовало, что из 464 переселенцев 326 имели избы, 98 – жилые землянки, покрытые соломой, и хозяйственные заведения, 10 жили у родственников, а 30 – на квартирах [1. Оп. 5. Д. 11425. Л. 12 об.].

В.А. Перовский усмотрел в поведении чиновников казенной палаты едва ли не открытое неповиновение ему как главному начальнику края, о чем поставил в известность министра финансов Е.Ф. Канкрин. Характеризуя действия палаты как противоречащие интересам государства, губернатор отметил, что она, «с одной стороны, под видом попечения о пользе казенных крестьян, обременяет и затрудняет главное начальство запутанными и неосновательными представлениями своими, с другой стороны, потворствуя переселенцам и обнадеживая их, вводит их в значительные и разорительные издержки... и, наконец, ставит поселян в такое положение, что они не знают сами кому повиноваться и от кого ожидать окончательного решения участи своей. Беспорядочная проводка дела, лишая казну непосредственных выгод, приучает переселенцев к своевольству и безначалию, служит к их конечному разорению и удовлетворяет лишь некоторым частным видам». Свидетельства прочного водворения, на которые предлагала ориентироваться казенная палата, Перовский считал неприемлемыми для обширной Оренбургской губернии, где мобильность переселенцев была настолько велика, что земская полиция почти никогда не успевала своевременно сгонять их с самовольно захваченных земель. Менее чем за сутки они успевали соорудить балаганы¹ или вырыть землянки и вследствие этого считать себя вполне водворенными. Оставление в калмыцких дачах деревень Малаховки и Кодяковки, как на том настаивала Казенная палата, могло, по мнению Перовского, дать повод к неповиновению местному начальству всех вообще казенных крестьян, незаконно поселившихся на чужой земле. В заключение оренбургский губернатор просил министра: «предписать казенной палате, дабы она в точности исполняла данное ей от него военного губернатора о переселенцах упоминаемых деревень предложение... А вместе с тем, поставить на вид палате, чтобы она поступала впредь сообразнее с истинною выгодой казны и пользой вверенных ее управлению поселян» [1. Оп. 4. Д. 9936. Л. 20].

В то время как между государственными учреждениями разных уровней велась обширная, но безрезультативная переписка, вселявшая надежду крестьянам на прочное водворение и ожидание калмыков на скорое выселение пришельцев, обстановка в самой калмыцкой даче продолжала обостряться. В июле 1836 г. назначен-

¹ Балаган – временная легкая, обычно дощатая, постройка для различных нужд (для торговли, жилья, склада и т. п.).

ный командиром калмыцкой команды зауряд-сотник Халевин уведомил Войсковую канцелярию, что, несмотря на строгое воспрещение переселенцам пользоваться калмыцкими землями и истреблять лес, те из них, которые не были признаны прочно водворившимися, беспрепятственно занимаются строительством домов. С 29 июня, опять же без разрешения, они приступили к сенокосу на калмыцких дачах в луке Березовской, куда прежде не допускались. По предписанию военного губернатора 193 стога сена, накошенных жителями деревни Малаховка, были отобраны бузулукским земским исправником Яновским и переданы калмыкам [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 98, 122].

21 июля 1836 г. на даче, принадлежащей казакам-калмыкам, Халевин обнаружил новую партию переселенцев. Ими оказались 400 выходцев из Орловской губернии, возглавляемые поверенным Болдыревым. На впадавшей в Нижний Уран речке Кинжебек (Кинельчик) они начали обзаводиться жильем и ко времени появления казачьего сотника успели выстроить балаганы. Свое незаконное, с точки зрения Халевина, водворение переселенцы объясняли разрешением, полученным от дворянского заседателя Бузулукского земского суда Ляружа. Чтобы не допускать новых тяжб и стеснений калмыкам, зауряд-сотник распорядился выслать переселенцев, а выстроенные ими балаганы сломать [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 109 об.]. Действия Халевина не могли не заслужить одобрения В.А. Перовского. В подготовленной для военного губернатора чиновником Фищевым справке о его предшественнике, оказавшемся в аналогичной ситуации, говорилось следующее: «Бывший командующий калмыками хорунжий Аристов, видя беспорядочное и самовольное заселение на калмыцкой земле переселенцев деревни Михайло-Архангельской, ограничился при сем одними представлениями о проступках крестьян, имея способы не допускать их к водворению» [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 168 об.].

В отличие от оренбургского губернатора, министр финансов Канкрин не считал данное им разъяснение понятия «прочное водворение» данным по частному особому случаю, и с тем, чтобы придать ему силу закона, обратился в Сенат. Определением общего собрания Сената, последовавшим 26 мая 1837 г., решено: «прочным водворением считать хозяйственное обзаведение орудием, скотом и обрабатывание полей теми из казенных крестьян, кои на калмыцких землях устроили и собственные жилища. Те же, кои ныне не имеют хозяйственного обзаведения или живут в чужих домах, не могут принадлежать к числу действительно поселившихся» [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 104–104 об.].

В.А. Перовский растолковал содержание Указа как подтверждение его мнения, что прочным жильем следует считать дом с хорошо

устроенной крышей, а не землянки и недостроенные избы, хотя подобной градации Указ не содержал. Для проведения переселения в Бузулукский уезд был направлен чиновник казенной палаты Муравьев. На месте к нему присоединились депутат от казаков, командующий Сорочинской станицей, хорунжий Чулошников и земский исправник Нагаев. Подлежащие выдворению крестьяне посчитали предписание военного губернатора противоречащим закону и 1 августа заявили земскому исправнику, что по решению Правительствующего сената они оставлены на настоящих местах жительства, так как у них имеются земледельческие орудия, скот и должные жилища. Нагаев расценил выдвинутые крестьянами претензии как акт неповиновения и отдал распоряжение хорунжему Чулошникову привести воинскую команду. В команду Чулошников включил казаков из соседних Сорочинской и Тоцкой станиц и калмыков. Выселение состоялось 4 августа. Утром были собраны крестьяне деревень Малаховки и Кодяковки. Тут же во фронт были выстроены казаки. Крестьян вызывали по списку и объявляли селения, в которые им предстоит переселиться. Двух из них, А. Шестакова и И. Половинкина, как больше других протестовавших, схватили, сковали в железа и отправили в Бузулукский уездный суд. Только после этого телеги с крестьянским скарбом потянулись к местам нового жительства [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 42–42 об., 49–49 об.].

Теперь, казалось, уже ничто не могло помешать военному губернатору осуществить выселение казенных крестьян с калмыцких земель. 12 октября 1837 г. бузулукский земский исправник Яновский заверил его, что уже все переселенцы переведены на новые места и бесплатно размещены по обывательским квартирам. Наравне со старожилками им разрешили пользоваться выпасами, а хлеб и корм для скота Яновский разрешил перевозить по мере возможности и в удобное время в течение зимы. Но было в рапорте исправника указание на нежелание жителей выселенных деревень мириться со своим положением. Некоторые из них «по легкомыслию своему и по внушению неблагонадежных людей» ожидали обнадеживающих известий от отправившихся в Петербург поверенных крестьянского общества. К тому же в новых местах жительства им не успели нарезать полагающиеся по нормативу наделы. В результате наиболее смелые из переселенцев стали возвращаться в покинутые деревни. Чтобы положить конец их своеволию и не отлавливать каждого из них по отдельности, земский исправник распорядился разломать до основания печи, выставить окна и двери [1. Оп. 4. Д. 9937. Л. 106, 126 об.].

Надежды переселенцев на обнадеживающие известия из Петербурга оказались не напрасными. К концу 30-х гг. XIX в. центральная власть начинает проявлять повышенное внимание к нуждам

государственных крестьян: повышению их благосостояния, в том числе и путем их переселения на свободные земли уральских и сибирских губерний. Шагом в этом направлении стало проведенное 26 декабря 1837 г. преобразование Департамента государственных имуществ Министерства финансов в отдельное министерство, которое возглавил Павел Дмитриевич Киселев. К нему и направился с жалобой на действия оренбургских губернских и уездных полицейских властей поверенный крестьян деревень Малаховки и Кодяковки Кирсан Попов.

Министр государственных имуществ выразил уверенность, что вопрос об оставлении государственных крестьян на калмыцких землях не требует нового рассмотрения. Действия же местных полицейских чиновников, описанные поверенным Поповым, могли последовать не иначе как от какого-либо недоразумения. В Отношении от 15 февраля 1838 г. П.Д. Киселев просил военного губернатора принять «действенные меры» к ограждению крестьян от притеснений местных чиновников. Он напоминал, что по решению Правительствующего сената они должны остаться в своих деревнях. Им должны быть возмещены связанные с принудительным выселением убытки. И, чтобы прекратить споры между крестьянами и калмыками, министр предложил губернатору Перовскому дать распоряжение казенной палате о наделении казенных переселенцев положенной им пропорцией земли [1. Оп. 5. Д. 11425. Л. 13 об.].

К неудовольствию Перовского о содержании документа, полученного от министра государственных имуществ, через поверенных стало известно кодяковским и малаховским крестьянам. Переселенцы уверовали в силу предписания и почти все возвратились на прежнее место жительства, где уже начали готовиться к весеннему севу. Однако вопреки субординации военный губернатор не счел нужным прислушиваться к мнению министра и распорядился о повторном выселении крестьян. Последовавшее затем событие засвидетельствовал поверенный от крестьянского общества К. Попов: «Приехавшие к нам 25 марта чиновник военного губернатора с исправником Яновским и атаманом Чулковым (Чулошниковым), собрав всех нас, держали два дня под караулом а потом, неизвестно в чем, требовали от нас подписок, не объясняя нам в чем дело. Угрожали, что если мы не подпишем, то всех нас пересекут. Наконец, накануне Пасхи, в Великую субботу, в самую распутицу, вторично выгнали нас из домов и гнали под караулом от деревни до деревни верст 150 и более. Развели в двенадцать разных деревень в самые неудобные места и оставили земли только по полдесятины на душу. В одной только деревне дали по три десятины неспособных земель» [1. Оп. 5. Д. 11425. Л. 3 об.–4].

П.Д. Киселев счел дальнейшую переписку с оренбургским губернатором излишней и направил представление в Сенат. Резолюция общего собрания 4-го, 5-го и Межевого департаментов Правительствующего сената, заметим, уже третья по счету, была принята единогласно 23 сентября 1838 г. Сенат постановил уничтожить оспариваемое П.Д. Киселевым распоряжение оренбургского губернатора как несоответствующее принятым ранее указам и предписал В.А. Перовскому немедленно возвратить казенных крестьян на калмыцкие земли и наделить их 15-десятинными душевыми наделами.

Министр государственных имуществ также ходатайствовал об оставлении на калмыцких землях 9 семейств, хотя и проживавших на квартирах у родственников, но занимавшихся хлебопашеством. И это предложение П.Д. Киселева сенаторы признали «заслуживающим уважения». Однако так как оно требовало изменения действующего законодательства, то для его принятия им требовалось высочайшее соизволение [1. Оп. 5. Д. 11425. Л. 15–16 об.].

Указ Сената, принятый с подачи министра государственных имуществ, мог пошатнуть авторитет В.А. Перовского как государственного деятеля и стать преградой для карьерного роста. В начале 1839 г. доклад Сената поступил в Департамент экономии Государственного Совета. Как свидетельствовал исполнявший должность государственного секретаря (заведующий канцелярией Государственного Совета) М.А. Корф, такой оборот дела означал обвинение оренбургского военного губернатора в неисполнении указов Сената, которые по закону считались равносильными именным. В случае оправдания В.А. Перовского ответственность за безосновательное обвинение оренбургского губернатора перекладывалась на П.Д. Киселева.

Департамент экономии не только утвердил доклад Сената, но и прибавил, чтобы, «во внимание к убыткам, понесенным крестьянами, как от неправильно допущенного двукратного их переселения, так и от притеснительных действий со стороны отряженных для переселения их чиновников, произведено было на законном основании исследование и по оному сделано крестьянам на счет виновных надлежащее за убытки их вознаграждение». В общем собрании Государственного Совета заключение Департамента экономии получило единогласное одобрение [2, с. 111–112].

Звание генерал-адъютанта и прежняя служба в должности адъютанта великого князя Николая Павловича открывали В.А. Перовскому дорогу к персоне императора, чем он и воспользовался, как только узнал о содержании заключений Сената и Государственного Совета. Губернатор подал Николаю I обширную записку, в которой изложил свое видение обстоятельств дела. Перовский делал

акцент на невозможности исполнения указов Сената, так как «возвращение крестьян снова на калмыцкие земли совсем уронило бы в общем мнении власть главного местного начальника и поощрило бы каждого из жителей к самовольному впредь упорству». На этом основании он просил императора признать указы Сената неправильными, а его самого подвергнуть «какой угодно ответственности, но крестьян оставить там, куда он перевел их тому назад уже два года» [2, с. 112].

В.А. Перовскому удалось добиться отказа царя в утверждении заключения Государственного Совета. Само же дело теперь уже о незаконном своде государственных крестьян с калмыцких земель окончательно разрешилось только через два года, можно сказать, «в примирительном порядке». В 1841 г. Государственный Совет постановил: 1) оставить на калмыцких землях крестьян деревень Малаховки и Кодяковки, как уже имеющих прочное водворение; 2) тех из них, которые пожелают вступить в казачье сословие, наделить 30-десятиной пропорцией и навсегда записать казаками Оренбургского казачьего войска, прочих же оставить в крестьянском звании с 15-десятиной пропорцией; 3) остальных крестьян, выведенных с калмыцких земель на казенные земли, принимая во внимание, что переселение сделано еще в 1836 г. и еще тогда были наделены землей, оставить в настоящем положении и предоставить им все те льготы и пособия, которые вообще даруются переселенцам. Николай I утвердил общее заключение Совета. Вопрос же о личной ответственности военного губернатора Перовского в неисполнении сенатских указов был обойден молчанием [2, с. 113–116].

Ко времени окончательного разрешения описанного выше спора, бузулукские калмыки вместе с прочими казаками 3-го кантона Оренбургского войска уже переселились на Новую линию или перешли на соседнюю дачу при Переволоцкой крепости, где находилась войсковой конезавод. Деревни Малаховка и Кодяковка благополучно сохранились до наших дней и располагаются в Новосергеевском районе Оренбургской области. В соответствии с 8-й ревизской переписью в 1839 г. их жители были наделены 15-десятиной пропорцией земли в Малаховке на 91, в Кодяковке на 86 ревизских душ [2, с. 92].

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6.
2. Корф М.А. Записки. – М., 2003.

Заведующие переписными участками Всеобщей переписи 1897 г.: обязанности, полномочия, объем работы

В статье рассматривается контингент заведующих переписными участками Ярославской и Владимирской губерний, исследуется объем их работы. На заведующих переписными участками была возложена основная часть работ по проведению переписи: они набирали счетчиков, следили за их работой, проверяли переписные листы, делали вторые экземпляры бланков, писали отчеты о своей работе.

This article discusses the contingent heads Yaroslavl and Vladimir regions, the volume of their work. At the census area was given the bulk of the census activity: they gained counters monitor their work, checking the questionnaires, a second copy of the form, write reports on their work.

Ключевые слова: заведующий, перепись, население, счетчик, переписной участок, ведомость, отчет о работе.

Key words: Head of the census, the population count, census area, statement, report of the work.

Для современной исторической науки большое значение имеют материалы переписей населения. Материалы всеобщей переписи 1897 г. до сих пор используются во многих научных исследованиях. Следует заметить, что лишь в последнее десятилетие исследователи стали обращаться к вопросу о том, как происходил сам процесс всеобщей переписи населения России в различных регионах нашей страны. Вероятно, это тема была мало интересна исследователям в связи с тем, что результаты переписи были известны и опубликованы в многочисленных изданиях. Примером последних обращений к изучению этой темы могут служить диссертации по проведению Первой всероссийской переписи в Якутской области, Курской губернии [5].

Процесс организации и проведения переписи в губерниях Верхнего Поволжья до настоящего времени не являлся предметом специального изучения. В данной статье речь пойдет об двух верхневолжских губерниях – Ярославской и Владимирской.

Всеобщие переписи являются наиболее известным и полным источником сведений о населении страны, дающим обширную и разнообразную информацию обо всем народонаселении. К концу XIX столетия в Российской империи также пришли к необходимости

регулярного получения всесторонних сведений о населении. Как было сказано в сборнике ЦСК МВД за 1890 г., «правильное народоисчисление может быть основано только на периодическом производстве поименных приуроченных к одному дню переписей» [12, с. 16].

По мнению статистиков, разрабатывавших проект первой переписи, сведения о населении могли послужить для нескольких целей: 1) для определения воинской повинности, 2) для сословных и общественных надобностей, 3) для административно-полицейских целей, 4) для финансовых целей [12, с. 85]. Очевидно, подготовка документов для организации всеобщей переписи началась задолго до ее проведения. Циркуляр МВД от 10 декабря 1873 г. предписывал обратить особое внимание на учет населения, и ЦСК приступил к разработке общего руководства для проведения переписи в империи.

Два проекта были разработаны П.П. Семеновым и А.А. Бушеном. Проект А.А. Бушена носил название «устав одиннадцатой народной переписи» и имел большое сходство с ревизиями, хотя распространяться должен был на все сословия. В 1882 г. министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев передал проект «Положения о всеобщей народной переписи» на рассмотрение Статистического совета, а затем в Министерство финансов. Внесение проекта в Государственный Совет было приостановлено в связи с тем, что ожидалась отмена подушной подати [12]. В 1885 г. Министерство финансов сочло необходимым сложить с себя обязанности по регистрации населения, поскольку приписка утратила для финансовых целей всякое значение, сделав необходимым учет по наличным душам. 11 марта 1895 г. проект переписи вместе со сметой расходов был представлен министром внутренних дел на рассмотрение Государственного Совета. Положение о всеобщей переписи было утверждено 5 июня 1895 г. Для управления переписным делом была создана Главная переписная комиссия, а на местах – губернские и уездные [6].

После разделения местными комиссиями уезда или города на переписные участки руководство проведением переписи возлагалось на особого заведующего. В данной статье мы рассмотрим контингент заведующих, круг их обязанностей, объем, вверенной им работы и полномочия для успешного выполнения порученных им задач.

Комиссии созывали заведующих на заседание, где их знакомили с обязанностями. Задачей заведующих в начале их деятельности было представление проектов разделения переписных участков и «соображения» о количестве счетчиков. Каждый заведующий переписного участка получал от местной переписной комиссии документ, удостоверяющий его должность и инструкцию заведующих. В ком-

плект документов входили: список населенных мест вверенного ему участка с планом и картой, необходимое для производства переписи на его участке количество бланков и других печатных материалов и т. д. [6].

В обязанности заведующих входили: набор необходимого количества счетчиков, разъяснение их обязанностей, ознакомление с переписью лиц волостного и сельского управления, проверка и исправление доставленного переписного материала, подсчет населения переписного участка и передача всего материала в переписную комиссию [6]. Если счетчики отказывались составлять второй экземпляр переписного бланка, эта обязанность также переходила к заведующему переписным участком.

Перед разделением переписного участка на счетные заведующий должен был исправить доставленный ему из комиссии список населенных мест. Заведующему также предоставлялись списки всех домохозяев селения как проживающих, так и отсутствующих, списки всех, не входящих в состав сельских обществ владельцев домов и дворов [6]. Пригороды и предместья, которые вплотную прилегали к городской черте, переписывались в составе городских участков по форме В, а если в их составе были сельские общества, то по форме А [8].

Каждый счетный участок должен был быть обозначен в списке четко и ясно. Организуя счетные участки, заведующему следовало выделить из них все дома и помещения, занимаемые казенными и общественными учреждениями, где перепись производилась особым порядком [6].

Независимо от числа набранных счетчиков заведующий должен иметь кандидатуры запасных счетчиков, а также привлекать к делу безвозмездных помощников. Для того чтобы убедиться в понимании счетчиками их обязанностей, заведующий мог предложить им произвести примерное заполнение нескольких переписных листов.

Заведующий назначал день, когда счетчики начинали обход своих участков. Он же должен был заранее «войти в соглашение» с чинами полиции относительно наилучшего способа и момента переписи ночлежных домов и тому подобных пристанищ в ночь, предшествующую дню переписи. Счетчики отправлялись в такие места только в сопровождении чинов полиции. Для переписи коммерческих судов, стоящих на рейде, заведующий передавал необходимое количество листов портовому начальству, которое вручало их командирам судов и обеспечивало обратное доставление документов заведующему участком в установленный срок. Если переписных материалов не хватало, заведующий должен был заблаговременно «вытребовать» их.

Из специфических занятий заведующих можно выделить заполнение вопросных листов для инороднических наречий. Эти листы были разработаны Главной переписной комиссией и Академией наук для собрания материалов по составлению этнографической карты Российской империи [8. Л. 196]. Предполагалось, что заведующие в силу знания местности своего участка имеют полную возможность получить данные не только об инороднических языках, но и их диалектные особенности. Заведующие лично занимались инородническими поселениями, которые находились на их участках. Так, в бумагах Владимирской губернской комиссии сохранился такой документ от заведующего: «С возвращением приложения за №376 и приложенных к нему листов с конвертами имею честь уведомить губернскую комиссию, что во вверенном мне третьем участке Покровского уезда таковых не оказалось» [1. Л. 554].

О начале переписной деятельности на своем участке каждый заведующий должен был известить уездную комиссию по телеграфу. К 28 февраля заведующие должны были предоставить переписной материал в уездные комиссии. Далеко не везде этот срок был соблюден, случались и технические накладки. Так, в материалах Мологской уездной комиссии сохранились записи о том, что «15 марта на квартире у земского начальника, заведующего вторым переписным участком Мологского уезда, пожаром были уничтожены первые экземпляры переписного материала» [11]. Заведующий в этот же день приступил к составлению копий переписных бланков.

В основной своей массе заведующими были земские начальники, причем почти всегда границы переписного участка совпадали с его территорией. Поскольку земский начальник на своем участке сочетал административную власть по отношению к крестьянам и ограниченную судебную власть ко всему населению, ему было легче организовать деятельность по производству переписи. Это было достаточно удачным решением, поскольку он, зная местное население, мог в доступной форме объяснить цели предстоящей переписи. Так, один из рыбинских заведующих писал в своем отчете: «...когда я сказал что каждый хороший хозяин считает свое добро, местный начетчик заметил и пастырь свое стадо считает» [7. Л. 267].

Согласно данным Ярославской губернской комиссии, сословно-профессиональный состав заведующих переписными участками был таковым: в уездах заведующими были сорок один земский начальник, один земский врач, один наставник учительской семинарии и два помощника уездного исправника, а в городах – один член окружного суда, один директор мужской гимназии, один податной инспектор, один потомственный почетный гражданин, один купец, один отставной штабс-капитан и три отставных чиновника [2]. Всего в

Ярославской губернии было 252 городских, 552 сельских и 7 железнодорожных переписных участков [2. Л. 69].

В Ростовском уезде Ярославской губернии среди восьми заведующих переписных участков количественно преобладали земские начальники: Н.Н. Полубояринов, М.А. Ошанин, Н.Н. Теляковский, А.В. Буланин, Н.Э. Бекевский [9]. Кроме земских начальников, здесь были помощник ростовского уездного исправника, начальник мастерских депо, и почетный гражданин. В целом, по отзывам заведующих переписными участками, перепись в Ростовском уезде прошла без особых происшествий и с должным пониманием со стороны населения. В отдельных случаях были исключения из правил, например, в городе Угличе обязанности заведующего принял на себя уездный член кашинского окружного суда Дмитрий Васильевич Крылов, который также вел всю делопроизводственную документацию угличской уездной комиссии [13. Д. 4. Л. 41].

По поводу политической благонадежности каждого заведующего переписным участком губернская комиссия делала запрос в жандармское управление. Приведем пример одного такого запроса, адресованного начальнику жандармского управления: «На должность заведующих переписными участками в Рыбинске избран купец К.И. Расторгуев, а в Ростове почетный гражданин П.Н. Малыгин. Вследствие чего прошу ваше превосходительство предоставить сведения в политической благонадежности данных господ». На такие запросы отвечал сам начальник жандармского управления: «Господа ни в чем предосудительном в политическом отношении замечены не были» [3]. Подобная проверка выполнялась в отношении всех заведующих, ведь перепись считалась делом государственной важности.

В основном заведующими были люди в возрасте, например, по Мышкинскому уезду заведующими были П.Ф. Попов – 60 лет, земский начальник; П.А. Ушаков – 62 года, земский начальник; К. Т. Добичевский – 52 года, подполковник; В. И. Финочев – 49 лет, личный дворянин, земский врач [2. Д. 7. Л. 4]. Как уже было сказано выше, кандидатуры заведующих проверялись, поэтому человек в годах, имевший большой послужной список, имел больше шансов стать заведующим.

Кандидатура каждого заведующего согласовывалась с губернской комиссией. Иногда возникали и разногласия. Например, в Переславль-Залесской уездной комиссии Владимирской губернии заведующими были избраны титулярный советник Н.Г. Таборовский, гвардии-поручик Д.И. Колокольцев, коллежский регистратор Н.И. Осипов и т. д. [8. Л. 13]. Запасным заведующим был утвержден купеческий сын Александр Маланин, хотя первоначально предлагалась кандидатура полицейского чиновника Бунина. Комиссия посчи-

тала, что его непосредственные обязанности могут отвлечь его от дела всеобщей переписи [8. Л. 18]. Так, в Любимском уезде запасным заведующим по второму участку был назначен крестьянин Ф.А. Быстров, а по третьему переписному участку волостной старшина В.Н. Назаров [4]. К кандидатуре заведующего на утверждение в губернскую переписную комиссию прилагался список его карьерных достижений. Например, о В.Н. Назарове было известно, что это крестьянин села Козы Козской волости, который получил образование в местном земском училище, окончив курс в 1871 г. с похвальным листом, и состоял на должности козского волостного старшины [4. Л. 69]. Запасные заведующие были нужны на случай болезни основного заведующего. Так, в Шуйском уезде Владимирской губернии вследствие болезни заведующие В.Г. Языков и В.А. Толстой были заменены И.П. Малининым и Д.И. Годовиковым [1. Д. 4. Л. 217].

Каждому из заведующих выдавался документ о том, что они являются ответственными за деятельность конкретного участка и «ведомства и учреждения, а равно и частные лица обязаны оказывать надлежавшее содействие и деятельно исполнять его законные требования» [18]. Такой документ был весьма кстати при переписи казенных учреждений, в которых перепись производилась особым порядком, и заведующим приходилось вступать в личные отношения с начальниками этих заведений.

Так, определенные трудности возникли у заведующего третьим переписным участком по городу Ярославлю, в пределах которого оказалась фабрика Корзинкина, которая находилась в пяти верстах от города. Большинство набранных счетчиков отказались там работать. Тогда заведующий обратился к директору, который порекомендовал использовать для переписи десять достаточно грамотных местных рабочих. Население фабрики проживало в 46 домах и составляло 9000 чел., разделенных заведующим на 10 счетных участков [7]. Этот факт подтверждал мнение статистика В.А. Пландовского, что заведующему предоставлялась как свобода выбора счетчиков, так и решение о разделении своего участка между счетчиками [6].

Заведующий должен был предложить кандидатуры запасных переписчиков. Это было необходимо в том случае, если предполагаемый кандидат в счетчики отказывался сам, в случае внезапной болезни счетчика или если переписчик оказывался недостаточно грамотным для работы во время переписи. Так, в Ростовском уезде заведующему третьим переписным участком в процессе подготовки к переписи пришлось сделать две замены из первоначальных кандидатур: псаломщика заменили по причине «недостаточной сообразительности, а местного дворянина по причине необоснованных требований, предъявляемых к народу» [9. Л. 419].

Этот же заведующий так писал о распределении своего участка на счетные: «Первою моею заботой было распределение переписного участка на счетные... По определению комиссии вошли все пять волостей, составлявших 3 земский участок с сто семьюдесятью тремя населенными пунктами, не считая владельческих усадеб и погостов с населением обоего пола около 29.000. Это было произведено мною при участии всех волостных старшин участка, близкое знакомство которых с особенностью расположения населенных мест могло быть особенно полезным» [9. Л. 417]. Н.Н. Теляковский отмечал, что, приняв во внимание в одних местах скученность и малолюдность селений, в других – большое расстояние между селениями, он остановился на следующем распределении счетных участков: Ильинская волость с 17 селениями была разделена на два счетных участка – причем из первого участка одно селение больше подходило к Гарской волости, взамен такого расположенного ближе к Ильинской волости, но ко второму на том же основании было добавлено две деревни соседней Ивашевской волости. К Гарской волости, которая разделена на два счетных участка, прибавлено целое общество Щениковской волости из шести деревень. Затем из Ивашевской волости образовано два счетных участка, Щениковская – 3, и Карашская – 4. В общем получилось 13 счетных участков от 8 до 21 селения и от 323–399 крестьянских дворов.

Должность заведующего считалась почетной и не оплачивалась, но он получал определенную сумму казенных денег, которая выдавалась ему на расходы по переписи и вознаграждение счетчиков. Однако случались и исключения из правил. Будучи заведующим переписным участком в городе Рыбинске, К.И. Расторгуев вернул всю сумму, выданную ему в казначейство, а все расходы и вознаграждение счетчикам выплатил из личных средств [10. Д. 5. Л. 25]. Подобные случаи благотворительности не были правилом. Они, скорее, являлись приятным исключением и свидетельствовали о понимании важности переписи для государства.

Заведующий, согласно инструкции, обязан был контролировать процесс переписи. В своем сообщении от 16 января 1897 г. земский начальник 3 участка сообщал уездной комиссии: «Счетчики вверенного мне участка представили листы для проверки, некоторые по одному крупному селению, некоторые по несколько мелких селений» [13]. Этот факт свидетельствует, что заведующий переписным участком контролировал все этапы работы переписчиков.

Заведующие переписными участками в своих отчетах нередко упоминали проблемы с раскольничьим населением. Как отмечал заведующий вторым участком Угличского уезда: «Даже раскольники, смотревшие на перепись как на печать антихриста, и ожидавшие по окончании переписи выселения на Кавказ, не скрывали от счетчи-

ков, что они старой веры» [2. Л. 83]. Он же упоминал о случае, когда к нему явилась делегация из тридцати трех крестьян деревни Терехово, которые заявили, что они, записанные в листах как православные, на самом деле являются старообрядцами австрийского толка, и просили изменить запись в переписных листах [2. Л. 79].

Заведующий третьим переписным участком в Даниловском уезде писал о том, что он вызвал к себе крестьянина Ивана Леонтьева Витушкина, который просил счетчика записать его «дияконом австрийского поповского толку» [2. Л. 13]. Счетчик этого требования не исполнил. Заведующий же потребовал, чтобы данный крестьянин написал расписку, что его вера не представляет опасности для православия.

Заведующими переписными участками во Владимирской губернии были земские начальники, городские судьи, потомственные дворяне, земские врачи, представители чиновничества, инженеры и даже страховые агенты. Городские судьи в качестве заведующих переписными участками преобладали в Иваново-Вознесенке: судья А.Н. Семенитский, С.П. Шестернин и т. д. [1. Д. 4. Л. 205]. Вероятно, это объясняется тем, что они могли более успешно совмещать свои основные обязанности с работой заведующего. В Меленковском уезде Владимирской губернии наоборот в качестве заведующих преобладали дворяне: Н.К. Константинов, В.П. Башилов, А.И. Лупандин, К.А. Лупандин, А.А. Дубенский и т. д. [1].

Подсчитывать население переписного участка заведующему следовало следующим образом: в общую для переписного участка ведомость для подсчета населения переносились сведения из подсчетных ведомостей счетных участков и из всех листов учреждений, переписанных особым порядком. Затем подводились итоги. Подсчетная ведомость должна была быть готовой заведующим в двухнедельный срок по получению материала счетчиков и отослана в переписную комиссию.

Для получения денег на расходы по переписи и зарплату счетчикам заведующим следовало обращаться в уездную переписную комиссию, которая получала деньги из местных казначейств, а собственно процесс расхода денег, например по Ярославской губернии, фиксировала Ярославская контрольная палата.

Подводя итоги, отметим, что заведующие в основном были людьми в возрасте, хорошо знавшими население на своем участке, имевшими солидный послужной список и «политически благонадежными». На заведующих переписными участками была возложена основная часть работ по проведению переписи: они набирали счетчиков, обучали их, следили за их работой, проверяли переписные листы, делали вторые экземпляры переписных бланков, отправляли материал в переписные комиссии, писали отчеты о своей работе.

При этом их труд не оплачивался. Объем работ был огромный, а время на их исполнение ограничивалось короткими сроками. Полномочия заведующего были достаточно широкими для выполнения работ по проведению Первой всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г. Исследуя процесс подготовки и проведения, учитывая его субъективные факторы, можно оценить репрезентативность материалов переписи 1897 года – первичных переписных листов.

Список литературы

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 433. Оп. 1. Д. 3. Л. 99.
2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 599. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.
3. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4304. Л. 3.
4. ГАЯО. Ф. 900. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.
5. Курчатова Т.Т. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. в Якутской области: автореф. дис ... канд. ист. наук. – Якутск, 2002; Борщик Н.Д. История Первой всеобщей переписи населения 1897 г.: На примере Курской губернии: автореф. дис ... канд. ист. наук. – Курск, 2003. – URL: <http://leb.nlr.ru/>
6. Пландовский В.А. Народная перепись. URL: <http://book-old.ru/>
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 92. Л. 6.
8. Ростовский филиал ГАЯО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1. Л. 195.
9. Ростовский филиал ГАЯО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.
10. Рыбинский филиал ГАЯО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.
11. Рыбинский филиал ГАЯО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.
12. Станевич И. Очерк развития вопроса о Всеобщей народной переписи в России // Временник ЦСК МВД. – 1890. – № 16. – С. 85.
13. Угличский филиал ГАЯО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(470.23-25).083.4 «1914»:316.343–058:316.46

М.А. Салищев

Дворяне – лидеры делового мира Санкт-Петербурга в 1914 г.

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с участием потомственного дворянства Петербурга в предпринимательской деятельности в последние годы существования Российской империи. Основное внимание уделено биографиям наиболее успешных дворян-коммерсантов, среди которых оказались представители самых разных слоев высшего сословия.

This article covers a number of questions connected with the participation of the hereditary nobility of Petersburg in business activity in the last years of Russian Empire existence. The general attention is paid to the biographies of the most successful noblemen-businessmen among which there were representatives of different layers of the highest estate.

Ключевые слова: потомственное дворянство, пореформенный период, буржуазия, деловой мир, частное предпринимательство, монополистический капитализм, Санкт-Петербург.

Key words: hereditary nobility, post-reform period, bourgeoisie, business world, private enterprise, monopoly capitalism, Saint Petersburg.

Интенсивное развитие сферы коммерции, происходившее в пореформенной России, заставило представителей многих традиционных сословных групп, ранее не связанных с ней или даже относившихся к предпринимательской деятельности с явным предубеждением, обратить на нее внимание. Одной из таких групп было потомственное дворянство. К 1914 г. выходцы из дворян приобрели существенное представительство в среде «торгово-промышленного сословия». Немало дворян к этому периоду входило в состав деловой элиты страны, т. е. слоя крупнейших и влиятельнейших коммерсантов.

Дворяне имели серьезный удельный вес и в деловом мире Петербурга.

Из 3525 чел., входивших в состав руководящих органов петербургских акционерно-паевых предприятий, к потомственному дворянству принадлежало не менее 646 чел. (или чуть более 18 % числа всей группы), причем 175 чел. из них занимало не менее двух руководящих должностей в различных компаниях, что дает нам ос-

нование причислить их к столичной деловой элите (цифры получены из следующих изданий и архивных материалов: 1–4; 13).

В данной статье коротко раскрываются биографии шести крупнейших капиталистов-дворян Петербурга, лидеров среди коммерсантов благородного происхождения по числу занимаемых должностей в руководящих органах столичных акционерно-паевых компаний¹. Фамилии этих предпринимателей в последние предреволюционные годы были широко известны в деловых кругах не только Петербурга, но и всей России.

Первенствующее место среди дворян по количеству должностей в петербургских акционерно-паевых компаниях на 1914 г. занимал Тарас Васильевич Белозерский (1860–1925)². К сожалению, о его биографии имеются далеко не полные сведения. Известно, что он родился в семье В.М. Белозерского, происходившего из дворян Черниговской губернии. Окончил Петербургскую медико-хирургическую академию, затем защитил докторскую диссертацию по медицине. С 1896 г. работал штатным врачом Обуховской больницы для бедных, а также имел собственную практику. Что заставило его, успешного врача, стать предпринимателем, неизвестно, но уже в 1899 г. Белозерский занял место директора правления Русского товарищества «Нефть». Проработав врачом в Обуховской больнице до 1905 г., он в чине коллежского советника оставил эту должность, вероятно, окончательно сделав выбор в пользу коммерции как основной деятельности [5, с. 98–106; 11. Отд. III, с. 92].

Сферой его интересов и в дальнейшем оставалась, прежде всего, область нефтедобычи. В 1914 г. Белозерский, помимо упомянутого товарищества «Нефть», в котором он к этому времени стал председателем, входил в правления четырнадцати петербургских компаний. Он являлся председателем правлений нефтепромышленных и торговых обществ «Эмба», «Шихово», «И.И. Тер-Акопов», «Варинские технико-химические заводы И.Н. Тер-Акопова», Нафталанского нефтепромышленного общества, нефтепромышленных обществ «А.С. Меликов и К» и «Эмба-Каспий», Московско-

¹ Частные предприятия в России в рассматриваемый период имели не только акционерно-паевую форму (существовали также единоличные предприятия и предприятия в форме торговых домов), однако именно предприятия этого типа господствовали на российском рынке, являясь олицетворением и центром притяжения крупного капитала. В силу этого обстоятельства можно с полной уверенностью утверждать, что лидеры по количеству должностей в акционерно-паевых компаниях являлись и лидерами делового мира в целом.

² Следует заметить, что по этому показателю Белозерский, занимавший руководящие должности в пятнадцати петербургских компаниях, был лидером не только среди дворян, но и вообще среди всего делового мира столицы. Его ближайший конкурент потомственный почетный гражданин С.Г. Лианозов входил в руководство четырнадцати компаний.

Кавказского нефтяного промышленно-торгового товарищества, Акционерного общества подрядного бурения и механического завода, бывш. «Э.Ф. Биеринг»; вице-председателем правлений Товарищества нефтяного производства «Т.М. Лианозова Сыновья», Акционерного торгово-промышленного Волжско-Черноморского общества; членом правлений Нефтепромышленного и торгового общества «А.И. Манташев и К», Акционерного общества теххимических изобретений и Товарищества механических и чугунолитейных заводов «Молот», а также имел еще девять должностей в компаниях, правления которых располагались вне Петербурга (данные об участии Т.В. Белозерского и других дворян-коммерсантов, упоминаемых в статье, в деятельности руководящих органов различных компаний опираются на материалы следующих изданий: 1; 13; 20; 26).

В этот же период Белозерский являлся членом Совета съездов представителей промышленности и торговли, исполнительного органа центральной и самой влиятельной из общероссийских представительных организаций буржуазии, а также входил в состав еще одной буржуазной представительной организации – Общества для содействия русской нефтяной промышленности [14. Отд. III, с. 92].

Как и любой крупный делец эпохи господства финансового капитала, Белозерский должен был непременно быть связан с банками. Есть основания полагать, что в данном случае речь шла о крупном банке или банковской группе из Франции [10, с. 226].

Говоря о дворянской буржуазии Петербурга, невозможно обойти вниманием Алексея Ивановича Путилова (1866 – после 1937), внучатого племянника знаменитого инженера и предпринимателя Н.И. Путилова. А.И. Путилов родился в Петербурге, в семье коллежского секретаря, выходца из новгородских дворян. Окончил юридический факультет Петербургского университета с дипломом первой степени. Ему было предложено остаться в университете для подготовки к профессорскому званию, но Путилов отказался, предпочтя научной карьере практику, и устроился в юрисконсультский отдел Министерства финансов. В 1902 г. он был уже директором Общей канцелярии министерства. В апреле 1905 г. ему был присвоен чин действительного статского советника [25, с. 2375]. Вершиной бюрократической карьеры Путилова стало назначение в ноябре 1905 г. на должность товарища министра финансов и одновременно управляющим Дворянским и Крестьянским земельными банками [21. Л. 70]. К этому времени Путилов считался одним из самых многообещающих чиновников во всем государственном аппарате, но неприемлемый для него поворот «вправо» в правительственной политике, произошедший после отставки в апреле 1906 г. кабинета Витте, послужил причиной того, что Алексей Иванович принял решение уйти с государственной службы в частное предпринимательство.

Близкое знакомство со сферой коммерции Путилов получил еще во время службы. Кроме того, незадолго до своей отставки при поддержке Министерства финансов он получил должность члена правления в Русско-Китайском банке [12. Отд. II, с. 1144].

К 1908 г. Путилов имел уже пост директора-распорядителя Русско-Китайского банка. При участии французского капитала он организовал в 1910 г. его слияние с Северным банком. Новый банк получил название Русско-Азиатского. Под руководством Путилова Русско-Азиатский банк, действуя максимально активно и решительно, используя современные средства финансовой организации (такие как система уний, различные формы монополистических объединений и др.), выдвинулся на фактически безоговорочно лидирующие позиции в российской финансовой сфере. Открывшиеся возможности этот талантливый предприниматель использовал для широкого финансирования металлургической, механической, горной и железнодорожной промышленности в России, стремясь совместить личную выгоду с пользой для России.

В течение нескольких следующих лет под фактический контроль Русско-Азиатского банка Путилова перешло более ста российских предприятий, в том числе крупнейший в стране машиностроительный Путиловский завод.

Что касается самого Алексея Ивановича, то к 1914 г. он, не считая председательского поста в Русско-Азиатском банке, входил в руководящие органы одиннадцати петербургских компаний (возглавлял правления Общества Путиловских заводов, Акционерного общества электрических аккумуляторов «Рекс», Товарищества нефтяного производства «Т.М. Лианозова Сыновья», Жилловского общества каменноугольных копей и рудников, Горско-Ивановского каменноугольного общества, Санкт-Петербургского общества электропередач силы водопадов; являлся вице-председателем Нефтепромышленного общества «Эмба-Каспий» и Акционерного общества освещения «Промет»; был членом правлений Товарищества Санкт-Петербургского вагоностроительного завода и Бакинского нефтяного общества), а также восьми других российских компаний, действующих под патронажем его банка. Входил, так же как и Белозерский, в Совет съездов представителей промышленности и торговли. Хотя по количеству должностей в правлениях акционерных компаний Путилов и уступал последнему, однако именно он являлся признанным лидером делового мира столицы. Как указывал И.И. Колышко, «в Путилове гармонично сочетались банкир, промышленник и администратор» [17, с. 138].

Небезынтересен факт, что французские капиталисты, изначально имевшие до 75 % акций Русско-Азиатского банка, к концу 1916 г. были умело оттеснены Путиловым от реального влияния на

дела. Однако время не позволило ему воспользоваться плодами этой победы [9, с. 158–178; 23, с. 149–155; 7, с. 138–139, 388–389].

Еще одним представителем крупнейших петербургских предпринимателей дворянского происхождения был Мануил Сергеевич Маргулиес (1868–1939 г.). Он происходил из еврейской семьи, при этом имевшей потомственное дворянство, что встречалось весьма редко. Он родился в Одессе. Окончил юридический факультет Новороссийского университета. Продолжил образование во Франции, на медицинском факультете университета Сорбонны. В 1898 г. вернулся в Россию. Поселился в Петербурге, где занялся юридической практикой. Получил статус присяжного поверенного Петербургской судебной палаты. В эти годы Маргулиес становится активным участником общественно-политической жизни столицы. Выступает защитником на ряде политических процессов. Организует бесплатные юридические консультации для рабочих и бедных. Совместно с Н.П. Карабчевским издает также газету «Юрист».

В 1906 г. Маргулиес пытался организовать собственную партию радикально-демократического толка, однако успеха в политике не добился. Возможно, в силу этого решил заняться коммерцией.

Благодаря своему авторитету специалиста в области права Маргулиес получает приглашение в юрисконсультские службы нескольких компаний, а в дальнейшем, приобретя необходимый опыт в предпринимательской области, и сам становится активным участником акционерного дела.

Накануне Первой мировой войны он, как и Путилов, имел должности в руководствах двенадцати петербургских акционерно-паевых предприятий (был членом правлений Общества взаимного кредита печатного дела, Общества Северных заводов наследников И.П. Пастухова, Акционерного общества «Сибирская медь», Апшеронского нефтяного общества, Нефтепромышленного общества «А.С. Меликов и К», Российского горнопромышленного комиссионного товарищества, Нефтепромышленного и торгового общества «Шихово», Издательского и книготоргового общества «Лектор», Русского общества электрических дорог и освещения; являлся кандидатом в члены правления Нафталанского нефтепромышленного общества и Акционерного общества «Ткач», а также юрисконсультком Товарищества нефтяного производства «Т.М. Лианозова Сыновья»).

Впрочем, следует заметить, что Маргулиес, входя, несомненно, в состав деловой элиты Петербурга, не являлся все же по своему влиянию капиталистом масштаба Путилова или Белозерского. Подтверждением этого могут служить два серьезных факта: во-первых, ни в одной из компаний он не имел председательского поста, а во-вторых, единственным финансовым учреждением, с которым он

был связан, являлось сравнительно малозначительное Общество взаимного кредита печатного дела.

Параллельно с коммерческой деятельностью Маргулиес продолжал заниматься и общественными делами. Так, в 1910–1916 гг. он занимал пост заместителя председателя городской управы Петербурга [24, с. 139–140].

К числу крупных петербургских коммерсантов-дворян в рассматриваемый период относился Алексей Павлович Мещерский (1867–1938). Мещерский принадлежал к типу предпринимателей, которые начинали свою карьеру в области коммерции с технической службы по найму и лишь в дальнейшем, освоившись в деле и установив необходимые связи, смогли выдвинуться в число самостоятельных капиталистов.

Алексей Павлович родился в отцовском имении Долгушка в Смоленской губернии в семье небогатых провинциальных дворян. Окончив кадетский корпус, он самостоятельно принял решение отказаться от военной карьеры и поступил в Горный институт в Петербурге. Как указывала в своих воспоминаниях его дочь Н.А. Кривошеина, Алексей Павлович «один из первых в своей среде понял, что будущее в России, как и всюду, за новой для страны тяжелой промышленностью, за новой техникой» [19, с. 12]. После окончания института в 1890 г. он начал работу инженером на Богословском горном заводе на Урале. В 1896 г. Мещерский был приглашен уже на должность директора на Сормовский машиностроительный завод в Нижнем Новгороде. В течение всего нескольких лет он изменил на заводе весь стиль работы: наладил дисциплину, повысил благодаря ряду мер производительность труда, всячески культивировал корпоративный дух у рабочих и инженеров предприятия. Сам Сормовский завод, до того находившийся в глубоком кризисе, выдвинулся в число лучших в стране, а в 1903 г. выпущенный на нем паровоз даже получил золотую медаль на выставке в Париже.

В 1905 г. Мещерский становится директором-распорядителем Общества Коломенского машиностроительного завода и переезжает в Петербург, где находилось его правление. При поддержке петербургского Международного коммерческого банка (и в особенности его директора А.И. Вышнеградского, еще одного крупного столичного предпринимателя дворянского происхождения) он проводит объединение Коломенского и Сормовского заводов в один из первых в России трестов. При активном содействии Мещерского к этому объединению присоединяются другие крупные машиностроительные предприятия страны. Сам же дворянин-предприниматель, как правило, входил в их правления. Кроме того, Мещерский получил пост в совете Международного банка.

Благодаря Алексею Павловичу, стремившемуся вывести продукцию российского машиностроения на европейский рынок, в техническое переоснащение и увеличение производительности его предприятий вкладывались большие средства. Предприятия Мещерского входили в число самых современных в России, производя многие виды технической продукции: паровозы, вагоны, пароходы и теплоходы, сельскохозяйственные машины и др. Перед мировой войной трест Мещерского выиграл конкурс и получил почетный заказ на постройку Дворцового моста в Петербурге.

К 1914 г. Алексей Павлович занимал не менее восьми должностей в руководящих органах различных компаний с правлениями в Петербурге (был председателем правления Русского сельскохозяйственного товарищества «Работник» (производство сельскохозяйственной техники); являлся директором-распорядителем Общества Коломенского машиностроительного завода, Общества железнодорожных, сталелитейных и механических заводов «Сормово» и Общества «Шестерня-Цитроэн»; был членом правлений Общества механических заводов «Братья Бромлей», Общества Выксунских горных заводов, Общества «Океан» (пароходство) и Русского судостроительного общества), а также входил в совет Международного коммерческого банка.

Продукция его заводов отмечалась многочисленными призами, в том числе и на международных выставках. В последние годы существования дореволюционной России Алексей Павлович Мещерский являлся одним из самых авторитетных промышленников страны. Современники часто называли его «русский Форд» в знак признания его выдающихся организаторских способностей и деловых качеств [19, с. 5–18; 22, с. 528].

Значительной и весьма любопытной фигурой в столичной деловой среде являлся Александр Иванович Вышнеградский (1867–1925). Александр Иванович родился в Петербурге в семье профессора практической механики Технологического института и будущего министра финансов. В 1885 г. окончил с золотой медалью столичную Первую гимназию и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета.

Интересно, что во время обучения в университете Александр Иванович сблизился с другим будущим лидером петербургского делового мира, А.И. Путиловым, с которым и в дальнейшем поддерживал дружеские отношения.

После окончания университета в 1889 г. Вышнеградский устроился на службу в Министерство финансов, в Особенную канцелярию по кредитной части. Несмотря на то, что в 1892 г. министром финансов стал С.Ю. Витте, имевший противоречивые отношения с отцом Александра Ивановича, его карьера в финансовом ведомстве

складывалась успешно. Витте, по-видимому, высоко ценил способности молодого чиновника, часто доверяя ему ответственные дела, касающиеся вопросов международного кредита. В 1906 г., когда Вышнеградский принял решение оставить государственную службу, он занимал пост вице-директора Особенной канцелярии и имел чин статского советника [12. Отд. III, с. 140].

После ухода со службы Александр Иванович, уже имевший к тому времени репутацию талантливого финансиста, стал членом правления петербургского Международного коммерческого банка, одного из крупнейших в столице и в стране. В Международном банке, формально оставаясь лишь одним из членов его дирекции, Вышнеградский быстро стал главным действующим лицом, определявшим всю политику этого кредитного учреждения.

Занимая видное положение в петербургском деловом мире, Вышнеградский представлял собой в то же время фигуру для подобных кругов весьма необычную. Ни повышенным трудолюбием, ни тем более аскетизмом он, в отличие от большинства других российских банкиров, не отличался, проводя в клубе, на теннисной площадке или за занятиями музыкой (Вышнеградский являлся также композитором-любителем) гораздо больше времени, чем в банке. «Лыс, ленив и из своей лености создает целые симфонии ленивого тона», – в таких фразах описывал Вышнеградского в своей полшутливой характеристике анонимный корреспондент газеты «Банки и биржа» [7]. В то же время прекрасное знание финансовой сферы и организаторский талант позволяли ему оставаться в числе самых успешных предпринимателей Петербурга. По мнению С.Ю. Витте, А.И. Вышнеградский являлся «одним из самых выдающихся финансистов в банковском деле» [15, с. 127].

Благодаря Александру Ивановичу Международный банк не только сохранил свои позиции и репутацию на российском финансовом рынке, но и заметно укрепил их по целому ряду показателей. Собственные капиталы банка в эти годы увеличились на 36 млн р., а сумма вкладов возросла более чем в три раза. К 1914 г. по величине пассивов, превышавших 600 млн р., Международный банк уступал лишь Русско-Азиатскому. Под руководством Вышнеградского банк принимал активное участие и в финансировании российской промышленности. В предвоенный период он в той или иной форме контролировал более 50 промышленных, железнодорожных и страховых предприятий, участвовал в создании крупных трестов «Колומна-Сормово» (машиностроение) и «Наваль-Руссуд» (военно-морское судостроение) [9, с. 111–112].

Сам Вышнеградский в 1914 г. наряду с должностью директора Международного коммерческого банка входил в правления еще семи петербургских компаний (являлся председателем правлений

обществ Коломенского машиностроительного завода и «Сормово», Нефтепромышленного акционерного общества «Эмба-Каспий»; был членом правлений Страхового общества «Россия», Русского общества артиллерийских заводов, обществ «Шестерня-Цитроэн» и Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги).

В этот период он являлся одним из самых авторитетных финансистов страны. И.И. Колышко вспоминал: «Без Вышнеградского не обходилось ни одно широкое привлечение в Россию иностранного капитала. К руководимому им Международному банку тяготели крупнейшие русские предприятия, сливки бюрократии и центральная политическая мысль» [17, с. 132]. На авторитет Вышнеградского в деловых кругах в рассматриваемый период может указывать также тот факт, что на состоявшемся в июне 1916 г. съезде представителей акционерных коммерческих банков он был избран председателем Комитета съезда [8, с. 95–102].

Одним из крупнейших предпринимателей-дворян Петербурга был и Константин Логинович Вахтер (1837–1917). В отличие от остальных коммерсантов, чьи биографии освещены в данной статье, Вахтер не имел наследственного дворянского достоинства, получив права высшего сословия уже в зрелом возрасте благодаря собственной деятельности.

Вахтер родился в Петербурге, в немецкой купеческой семье. Окончил коммерческое училище. От отца он унаследовал посредническую контору, представлявшую интересы ряда европейских предприятий в России. В короткие сроки ему удалось существенно укрепить положение фирмы, в том числе добиться для нее статуса представителя в России немецкого концерна «Крупп» [6, с. 41].

К сорока годам Вахтер был уже купцом первой гильдии и достаточно состоятельным человеком, чтобы организовать понастоящему значительное дело. В 1880 г., узнав о крупных залежах огнеупорных глин, обнаруженных в окрестностях города Боровичи в Новгородской губернии, он решил организовать здесь производство огнеупорного кирпича, спрос на который в этот период в связи с интенсивным развитием российской промышленности неизменно повышался. Вахтер подошел к делу максимально серьезно: завод был оснащен по последнему слову тогдашней техники, имел собственную железнодорожную ветку, электрическое освещение. Расчет был сделан на близость Петербурга, крупнейшего индустриального центра страны, и он полностью оправдался. Кирпичи Вахтера закупались обществами Путиловских заводов, Механического и Трубного заводов, Русских трубопрокатных заводов и другими известными промышленными предприятиями столицы. Сам Вахтер стал миллионером и получил неофициальное прозвище «огнеупорного короля России». В 1896 г. предприятие, к этому времени значительно

увеличившее масштабы своей деятельности, было акционировано (правление расположилось в Петербурге).

Будучи большим знатоком лошадей, Вахтер на протяжении многих лет состоял членом Царскосельского скакового общества и Императорского общества рысистого бега. В этих обществах состояло немало влиятельных сановников и аристократов, а потому членство в них могло обеспечить знакомства в этих кругах. Такие связи появились и у Вахтера. В частности, он установил близкие отношения с министром императорского двора гр. И.И. Воронцовым-Дашковым. Пользуясь его покровительством (вероятно, не безвозмездно), Вахтер, после принятия в 1875 г. русского подданства, был причислен к управлению Государственного коннозаводства, причем сразу с чином коллежского советника. К 1892 г. ему удалось «по выслуге» получить чин действительного статского советника и потомственное дворянство [16]. Понятно, что в действительности Вахтер на государственной службе состоял лишь формально.

Вообще, в пореформенный период тенденция перехода в дворянство наиболее состоятельных слоев купечества была достаточно заметной. Связи с влиятельными сановниками часто оказывались весомым фактором в приобретении прав на дворянское достоинство тем или иным крупным промышленником.

Коммерческая деятельность Вахтера не ограничивалась производством огнеупорных изделий и посредническими операциями. К концу XIX в. он занимал также должности в правлениях ряда металлургических, машиностроительных и электротехнических компаний. Кроме того, в 1897–1906 гг. он состоял председателем правления петербургского Частного коммерческого банка [10, с. 229].

И в предвоенные годы, будучи уже немолодым человеком, Вахтер продолжал оставаться одним из активнейших участников делового мира Петербурга. В 1914 г. он занимал руководящие должности в восьми акционерных компаниях с правлениями в Петербурге (был председателем правлений Общества Боровичского завода огнеупорных изделий, Общества «К.Вахтер и К» (комиссионерская и техническая контора), Акционерного общества «Соединенные кабельные заводы», Общества спичечных фабрик «В.А. Лапшин», Русского общества для применения озона, Сахалинского нефтепромышленного и каменноугольного общества, Акционерного общества для производства искусственного шелка «Вискоза»; имел пост члена правления в Русском паровозостроительном и механическом обществе), а также входил в совет московского Частного банка [18, с. 58–89].

Итак, рассмотренные биографии подтверждают, что дворянство в последние предреволюционные годы не только участвовало в

коммерции, но и нередко достигало в этой сфере значительных результатов.

Среди упомянутых в статье крупнейших дворян-предпринимателей Петербурга были представители различных слоев дворянства: бывшие чиновники, представители интеллигентских профессий (врач, юрист и инженер), а также представитель «нового» дворянства – выслуживший права высшего сословия купец.

Впрочем, несмотря на значительное своеобразие биографий каждого из них, были и моменты, помимо сословной принадлежности, характерные для всех или почти для всех рассмотренных предпринимателей. Так, необходимо отметить, что все шестеро крупнейших столичных дворян-предпринимателей были так или иначе связаны с кредитными учреждениями. Подобная ситуация являлась отражением свойственной для монополистического капитализма тенденции к сближению финансовых учреждений и промышленности и повышению роли первых в экономической жизни страны.

Важно подчеркнуть и то, что пять из шести рассмотренных в статье коммерсантов благородного происхождения имели высшее образование, ценность которого для крупного предпринимателя в пореформенный период становилась все более очевидной.

Обращает на себя внимание также тот факт, что среди исследованных биографий крупнейших предпринимателей Петербурга не было представителей известных родов, обладавших серьезными капиталами. Можно констатировать, что во всех шести примерах крупные коммерсанты-дворяне добивались успеха в сфере предпринимательства в первую очередь благодаря собственным талантам и деловым качествам.

Список литературы

1. Акционерно-паевые предприятия России. – М., 1914.
2. Алфавит дворянской родословной, 1863–1890 гг. // Центр. гос. ист. архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 8. Д. 21.
3. Алфавитная книга внесенных в родословные книги, 1902–1910 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 8. Д. 25.
4. Алфавит фамилий, внесенных в дворянскую родословную книгу, 1890–1902 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 8. Д. 23.
5. Андросова-Байда Д., Барабаш Н. Петербург в історії роду Білозерських (в XIX – на поч. XX ст.) // Література та культура Полісся. – Ніжин, 2011. – № 66.
6. Афанасьев Н.И. Современники. Альбом биографий. – СПб., 1909. – Т. 1.
7. Банки и биржа. – 1913. – № 35.
8. Беляев С.Г. А.И. Вышнеградский – директор Петербургского Международного коммерческого банка // Из глубины времен. – СПб., 2005. – № 13.
9. Бовыкин В., Петров Ю. Коммерческие банки Российской империи. – М., 1994.
10. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). – М., 1992.

11. Весь Петербург на 1905 год: адресная и справ. кн. С.-Петербурга. – СПб., 1905.
12. Весь Петербург на 1906 год: адресная и справ. кн. С.-Петербурга. – СПб., 1906.
13. Весь Петербург на 1914 год: адресная и справ. кн. С.-Петербурга. – СПб., 1914.
14. Весь Петербург на 1915 год: адресная и справ. кн. С.-Петербурга. – СПб., 1915.
15. Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т. 1.
16. Дело о внесении в дворянскую родословную книгу Вахтера К.Л., 1892–1895 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 6314.
17. Кольшко И.И. Великий распад. Воспоминания. – СПб., 2009.
18. Краснов В.П. Керамический век Боровичей. – СПб., 2007.
19. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. – М., 1999.
20. Макаров А.Ф. Банки и кредитные учреждения. – СПб., 1914.
21. Наряды дел служащих Государственного Дворянского земельного банка, 1885–1918 гг. // Рос. гос. ист. архив (РГИА). Ф. 593. Оп. 30. Д. 71.
22. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999. – М., 2004.
23. Примаченко П.А. Русский торгово-промышленный мир. – М., 1994.
24. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биограф. слов. – М., 2010. – Т. 2.
25. Список гражданским чинам четвертого класса (испр. по 1-е марта 1906 г.). – СПб., 1906.
26. Статистика акционерного дела в России на 1913/14 год. – СПб., 1914.

Петроградская организация меньшевиков на Объединительном съезде РСДРП меньшевиков

В статье рассматривается критический период в политической истории партии РСДРП меньшевиков – Объединительный съезд в августе 1917 г. Ключевая роль на этом съезде принадлежала Петроградской организации меньшевиков и её лидерам. Однако из-за раскола самой столичной организации меньшевиков поставленные на этом съезде задачи по объединению партии не были выполнены.

The article discusses the critical period in the political history of the Mensheviks Party RSDRP - Unity Congress in August 1917. A key role in this Congress belonged Petrograd organization of the Mensheviks and its leaders. However, due to the split of the capital itself Menshevik organization posed problems in this Congress to unite the party were not performed on all key issues

Ключевые слова: революция, меньшевики-оборонцы, меньшевики-интернационалисты, объединительный съезд, петроградская организация меньшевиков.

Key words: Revolution, Mensheviks-defencists, Mensheviks-Internationalists, Unity Congress, Petrograd organization of the Mensheviks.

19 августа 1917 г. в Петрограде открылся Объединительный съезд РСДРП меньшевиков, численность которых к этому времени составляла около 200 тыс. чел. [7, с. 383]. Так как работа съезда уже была предметом обстоятельного анализа в новейшей историографии [1, с. 54–72; 7, с. 382–395], мы остановимся в первую очередь на роли столичной организации и петроградских лидеров партии в целом. Влияние последних на работу съезда было определяющим, поскольку, по едкому, но справедливому суждению А.Н. Потресова, провинциальным делегатам нечего было сказать, у них не оказалось никаких оригинальных мыслей, и потому «бремя решения вопроса ложится целиком на плечи петроградских фракционных вождей» [2].

Столичная организация меньшевиков насчитывала около 9 тыс. членов и оставалась еще самой многочисленной в партии, хотя даже меньшевики-интернационалисты по-разному оценивали возможности ее роста. В то время как И.С. Астров, отвечая в своей анкете на вопрос, сколько членов в организации и увеличивается ли ее численность, написал «увеличивается», Ю. Ларин ответил: «Состав меняется несколько, но почти не растет уже 3¹/₂ месяца» [3, с. 723, 739].

При обсуждении первого и основного вопроса Объединительного съезда – «Политическое положение и задачи партии» – всего лишь подтвердилось, что каждое из представленных на нем течений претендует на то, чтобы дать «прямой и ясный ответ» на коренные вопросы, выдвинутые революцией. Первым выступил И.Г. Церетели, который в своем докладе «Политическое положение страны и задачи пролетариата» в основном повторил и суммировал свои представления о гигантских трудностях и даже неразрешимых противоречиях на пути решения «великой исторической задачи коренного переустройства России на демократических началах» [3, с. 723, 739]. Настаивая на том, что первой задачей, которая встала перед революцией и пролетариатом, было «напрячь все силы к тому, чтобы была ликвидирована война так, как этого требуют жизненные интересы демократической страны и пролетариата», докладчик отметил, что с самого начала эта задача заключала в себе неразрешимые противоречия. По его мнению, эти противоречия состояли не только в том, что войну нельзя было закончить силами только русской революции, но еще и в том, что разорение, вызванное войной, требовало «величайших жертв со стороны наиболее революционных классов, а возможности поднять сколько-нибудь значительно материальное положение трудящихся не было» [3, с. 335].

Констатируя, что из рядов буржуазии оказалось невозможным создать правительство, которое могло быть связанным со всем демократическим движением, и осуществить общенациональную задачу – закончить войну, Церетели как опытный политик стремился создать впечатление, особенно у делегатов из провинции, будто именно перед пролетариатом встала дилемма: оставить власть в руках буржуазии при неизбежности антагонизма к органам революционной демократии или создать новую власть с участием представителей пролетариата. «При неумении со стороны буржуазии возвыситься до понимания политических задач – сильная авторитетная власть не могла быть создана без участия пролетариата, – сказал он далее. – Тогда органы демократии взяли формально ответственность за создание новой власти» [3, с. 336]. Церетели не мог не коснуться вопроса о пребывании представителей партии в правительстве: он считал его неизбежным при условии, что они будут иметь возможность осуществлять общенародную платформу, которая, по его мнению, выдвинута и принята огромным большинством страны. Констатируя в заключение рост максималистских настроений в результате общей деморализации и усиливающееся влияние «безответственных элементов» на пролетариат, докладчик призвал помнить, что задача социал-демократии заключается не только в том, чтобы бороться за лучшие условия жизни и борьбы

для своего класса, но и в том, чтобы защитить революцию, бесстрашно идти против анархизма, поднимать класс до уровня правильного понимания своих задач. Меньшевизм с первого дня своего рождения шел этим путем» [3, с. 336].

После перерыва выступил с докладом Ю.О. Мартов, говоривший «от имени той части меньшевиков, для которой слово пролетариат не есть только частность революционной демократии, для которой оценки политических явлений с точки зрения общедемократической и с точки зрения классово-пролетарской далеко не совпадают» [3, с. 342–345]. Полемицируя здесь с Церетели, он признал, что расхождение в рядах социал-демократии проявляется в оценке роли российской буржуазии. По мнению Мартова, последняя выступала в качестве ведущей силы только на этапе свержения царизма, а затем, решив свои политические задачи, в дальнейшем социальном развитии уже была не заинтересована [3, с. 345–346]. Лидер меньшевиков-интернационалистов категорически не согласился и с тезисом о том, будто основа меньшевистской точки зрения заключается в поддержке буржуазии [3, с. 342–345]. «Какая же общественная сила выдвигается историей и структурой современного общества как движущая сила революции в этот исторический момент, на этой стадии развития буржуазной революции? – задавался вопросом Мартов и отвечал – Это городская и сельская мелкая буржуазия, то, что у нас принято называть революционной демократией в ее непролетарской части» [3, с. 347].

Лидер меньшевиков-интернационалистов отрицательно оценивал вхождение представителей Совета во Временное коалиционное правительство, считал, что оно привело к ослаблению влияния Советов на революционную демократию и способствовало центробежным тенденциям пролетариата и в первую очередь большевизма. Диаметрально противоположной была его оценка июльских событий, с одной стороны, подготовленных всем циклом развития революционного процесса, и с другой – искусственно раздутых контрреволюцией, которая начинает успешно осуществлять свои цели [3, с. 348–349]. Характеризуя новую правительственную коалицию, составленную в результате июльского политического кризиса, Мартов обращал внимание делегатов съезда на то, что «эта коалиция не похожа на те коалиции, которые осуществляются в мирное время, на коалицию революционных классов. Между силами военной касты и силами революционной демократии ведется глухая борьба...» Он предупреждал, что «вооруженные силы страны в этой коалиции становятся орудием контрреволюционных стремлений во внешней и внутренней политике», что «правительство, вышедшее из этой коалиции, является достаточно гибким и удобным орудием в деле контрреволюционного похода на демократическую Россию, на

силы, способные двинуть революцию вперед» [3, с. 350]. В заключение Мартов выразил принципиальное несогласие с политикой большинства меньшевистской партии, назвав ее «от начала и до конца политикой полного забвения и отрицания пролетарского марксизма, революционной стороны марксизма» [3, с. 351].

Представлявший правое крыло меньшевизма А.Н. Потресов в свою очередь полемизировал с Мартовым по вопросу о роли русской буржуазии. В условиях, когда «страна катится по наклонной плоскости в пропасть», призывал он, наша партия должна в первую очередь заботиться о предупреждении катастрофы, помнить, что она «партия государственная», у которой в борьбе с общественным распадом есть «естественный союзник» – буржуазия [3, с. 351–353].

Выступавший последним из докладчиков внефракционный социал-демократ Б.В. Авилов резко усилил политический накал на съезде. Он выразил сожаление по поводу того, что в зале отсутствует «значительная часть партийных наших товарищей» – фракция большевиков, – за которыми «стоят широкие слои пролетариата», он обвинил Церетели в том, что тот «пытался третировать» не представленную на съезде часть пролетариата как ничтожную и анархическую [3, с. 359]. Поэтому он призвал съезд встать на путь признания реальных фактов и выработать такую линию, которая сплотила бы весь революционный пролетариат [3, с. 360].

Прозвучавшие на съезде четыре доклада выявили полную разногласию мнений в оценке политического положения в России и роли политических и общественных сил в переживаемый критический период русской революции, не обозначили конструктивных путей к выходу меньшевистской партии из кризиса. И в заключительном слове докладчики не пришли к согласию ни по одному из принципиальных вопросов, продолжая обвинять, упрекать и поучать друг друга.

Церетели, оставляя за собой последнее слово, предложил в качестве соглашения свою демократическую платформу, ведущую к спасению страны. «Мы ведем демократию от победы к победе, – сказал он, без всякой скромности и как подобает находящемуся в гордом одиночестве вождю, – и если был момент, нанесший удар революции, то это когда наши противники перешли от критики словами к критике оружием. Когда русская революция побеждала, она шла под нашим знаменем, когда она пойдет на убыль, она будет под другим знаменем» [3, с. 413].

Непримиримость заявленных позиций подтвердилась и при обсуждении и принятии резолюции по текущему моменту. При голосовании по вопросу о том, какой из предложенных проектов взять за основу, проект Церетели, предложенный от имени ОК, набрал 115 голосов, а Мартова – 79 [3, с. 424–426, 426–427, 433]. При по-

именном голосовании на вечернем заседании съезда 23 августа резолюция Церетели, в которой выражалось доверие «революционному Временному правительству», была принята 114 голосами против 58 и 15 воздержавшихся» [3, с. 478, 482–483]. Комментируя итоги голосования, З. Галили и А. Ненароков замечали: «Никто, за исключением Церетели, не выразил по этому поводу никакого энтузиазма. И это понятно. Ведь первоначально проект мартовской резолюции собрал более одной трети делегатских голосов, которые в конечном счете так и не получили возможности каким-либо образом влиять на политическую партию» [1, с. 63].

Однако такой исход голосования не был неожиданностью для меньшевиков-интернационалистов. Еще в первый день работы съезда, 19 августа, член Комитета Петроградской организации меньшевиков Ю.М. Ларин, доведя до сведения делегатов, что вечером во всех районах столицы состоятся предвыборные собрания и митинги в связи с выборами в Петроградскую городскую думу, предложил прервать вечером заседание съезда, чтобы его делегаты могли участвовать в собраниях и митингах и тем самым «содействовать проведению членов нашей партии в Центральную городскую думу». При обсуждении этого предложения выяснилось, что желающих агитировать за выставленный интернационалистический список петроградских меньшевиков не так уж много. Несмотря на укоры Ларина – «...в Европе всякий партийный съезд накануне выборов по этой просьбе прервал бы свое заседание, а вы, приехавшие на объединительный съезд, когда к вам столица обращается за помощью, вы кричите: не хотим помогать!» – его предложение было отклонено 86 голосами против 60 [3, с. 358–359].

Выявившийся расклад сил на съезде попытались использовать меньшевики-оборонцы из столичной организации. При обсуждении доклада мандатной комиссии всплыл конфликт в Петроградской организации меньшевиков в связи с выборами делегатов на Объединительный съезд, на который меньшевики-оборонцы получили только 2 места из 9, хотя претендовали на 4. Основываясь на жалобе меньшевиков-оборонцев, Б.С. Батурский от имени мандатной комиссии предложил исправить это «ненормальное положение» и разделить мандаты в соотношении 6 к 3, против чего выступили представители меньшевиков-интернационалистов. «Если вы серьезно говорите о единстве, – заявил И.С. Астров, – то не вторгайтесь в суверенные права общегородской конференции, не заставляйте Петроградскую организацию подчиняться постановлениям, фактически узаконяющим раскол» [3, с. 419]. Представитель меньшевиков-оборонцев В. Мирон (В.К. Иков) обвинил сторонников Мартова в захвате власти в Петроградской организации меньшевиков, в игнорировании роли других партийных течений и апеллировал к съезду

«восстановить справедливость» в руководящих органах в столичной организации [3, с. 419–420]. Отвечая на эти обвинения, Мартов заметил, что, несмотря на существование двух фракций «сверху до низу», единство Петроградской организации сохранялось, что наряду с Центральным бюро интернационалистов действовало и Временное бюро оборонцев, а «во всей организации проводился принцип господства большинства» [3, с. 420]. Батурский от имени мандатной комиссии был вынужден признать, что ей не удалось найти компромиссное решение, и он предложил это сделать съезду, отметив при этом, что «этим вовсе не узаконивается раскол, который фактически существует в организации» [3, с. 422]. По предложению представителя Московской организации И.А. Исува съезд большинством голосов оставил прежнее распределение мандатов в Петроградской организации в силе [3, с. 422]. Это была одна из немногих побед меньшевиков-интернационалистов на съезде.

В накаленной обстановке проходило в течение нескольких дней и обсуждение вопроса об организации партии. П.Н. Колокольников, возглавивший созданную на съезде комиссию по организационным вопросам, считал необходимым восстановить в Уставе партии принцип демократического централизма, «поскольку демократы ударились в кустари, они по ряду позиций независимо и самостоятельно ведут политику рабочих партийных организаций. Это должно быть устранено. Не можем позволить роскошь уступать ленинцам» [3, с. 438]. При обсуждении этого вопроса на пленарном заседании съезда докладчик не скрывал, что серьезные разногласия в комиссии вызвал вопрос о взаимоотношениях парламентских, советских и муниципальных фракций с местными комитетами в связи с необходимостью признания за этими фракциями широкой автономии и несения ответственности не перед Исполнительным бюро, а перед съездами и конференциями [3, с. 502].

Предложенный от имени ОК первый пункт Устава партии – «Членом партии признается всякий, принимающий партийную программу, подчиняющийся партийным решениям и уплачивающий установленный взнос в кассу партии» – был принят делегатами съезда единогласно [3, с. 505]. Этот пункт почти не отличался от первого параграфа Устава, принятого на Шестом съезде РСДРП большевиков [8, с. 265], а требование «каждому члену партии входить в одну из местных организаций и участвовать в ее работе» было выделено в отдельный пункт [3, с. 504].

Поправки левых к другим пунктам устава и в особенности их предложение об ответственности парламентской фракции перед ЦК партии были отвергнуты неубедительным большинством – 95 «за», «против» 88 [3, с. 505]. В окончательной редакции, к удовлетворению Церетели, этот пункт был сформулирован следующим образом:

«Парламентская, советская и думская фракции автономны в своей деятельности и ответственны за нее лишь перед съездом и конференциями и общими собраниями членов; отношения их с исполнительными органами партии слагаются на основе сотрудничества и согласования работы» [3, с. 503, 505]. Зато была принята поправка к пункту о том, что партия «должна быть построена на началах демократического централизма в интересах наиболее планомерного и целесообразного использования организованных сил пролетариата, как для полного завоевания власти, так и для давления на ее органы в условиях современного строя». По предложению Каплана, слова «для полного завоевания власти» были заменены в окончательной редакции словами «для осуществления своих конечных целей» [3, с. 514], что можно было расценить и как нежелание раздражать «живые силы» страны, и как нежелание этой власти.

В ответ группа делегатов-интернационалистов в количестве 26 человек, в основном из Петроградской организации, выступила с заявлением, в котором констатировалось, что принятые большинством съезда принципиальные резолюции о войне и мире и о задачах партии «фактически санкционируют ту практику сотрудничества с буржуазией и отказа от интернационализма, которая уже привела к отколу широких пролетарских масс от меньшевистской партии и грозит ей полным развалом». Оставаясь в рядах партии, эта группа заявляла о своей решимости бороться с оппортунизмом и намерении и впредь выступать перед пролетарскими массами с безоговорочной критикой решений партии и линии партийных центров, если эти решения и эта линия будут идти вразрез с принципами классовой борьбы и интернационализма [3, с. 514].

Со своим заявлением выступила и Московская объединенная организация, которая считала, что «принятые съездом постановления носят ярко оборонческий характер», что «представители большинства съезда не проявили никаких попыток к объединению партии, наоборот, своей непримиримой позицией подорвали всякую возможность действительного, а не формального объединения» [3, с. 515]. На эти заявления резко отвечал Церетели, которому сложившаяся на съезде ситуация напомнила «невыносимую атмосферу фракционных дрызг, взаимных подсиживаний, формальных объединений, условных расколов, в незначительных рядах подпольной социал-демократии» [3, с. 507]. В назидание своим оппонентам лидер меньшевистского центра далее сказал: «Мы теперь дышим воздухом великой русской революции и занимаем первенствующее положение в глазах огромных слоев населения, и не можем представить себе той кружковой психологии, которая так и сквозит в только что заслушанных заявлениях. Если вы думаете, что мы стоим на ложном и губительном для рабочего класса пути, то скажите это прямо. Пусть наши пути разойдутся, и пусть мы не останемся внутри скор-

лупы, занимаясь взаимной грызней, буквоедством и губя то дело, которое стоит перед нами» [3, с. 507].

От «раскольников» отвечал И.С. Астров, уверявший делегатов в том, что меньшевики-интернационалисты пришли на съезд вовсе не для того, чтобы устраивать раскол. «Мы не только остаемся в партии, мы составили большинство в партии, и свою задачу мы не можем считать исчерпанной тем, что удалось сделать на съезде, – заявил он. – Нас еще что-то держит вместе – это остатки меньшевизма, которые мы различаем в нашей тактике, и пока не назрели противоречия настолько, чтобы раскалывать организацию, нужно отстаивать идею партии, а не форсировать события» [3, с. 508].

Церетели явно не устраивала такая позиция меньшинства в партии, и на следующий день, 25 августа, он от имени большинства съезда предложил принять заявление о невозможности допустить в ЦК партии представителей из группы 26, отказавшихся накануне подчиниться партийной дисциплине [3, с. 518]. Мартов назвал это предложение тактикой «русских держиморд, Шейдемана и Ленина», методом «насильственного подавления инакомыслящих» [3, с. 519].

После ожесточенной перепалки, в ходе которой Церетели заявил, что «теперь решается вопрос, будет ли у нас когда-нибудь партия в России, кроме большевиков» [3, с. 520], было принято 80 голосами «за» и 73 – «против» предложение П.А. Абрамовича приступить к выборам в руководящие органы без принятия резолюции [3, с. 521]. Из опубликованной на следующий день в «Рабочей газете» информации явствовало, что в конце заседания в результате достигнутого соглашения между течениями съезда был единогласно принят список членов ЦК. От всех фракций был избран П.Б. Аксельрод, ставший председателем президиума партии. От большинства съезда в состав ЦК вошли 16 человек: И.Г. Церетели, А.И. Чхенкели, Н.С. Чхеидзе, Ф.И. Дан, М.И. Либер, Л.М. Хинчук, И.А. Исув, К.М. Ермолаев, Б.И. Горев, Л.И. Гольдман, П.Н. Колокольников, Ф.А. Юдин, А.Н. Смирнов, Б.С. Батурский, П.А. Гарви, С.М. Зарецкая. От меньшинства съезда 8 человек: Ю.О. Мартов, А.С. Мартынов, С.Ю. Семковский, Р.А. Абрамович, Н.А. Рожков, В.О. Ежов, Е.Л. Бройдо, В.И. Яхонтов [6].

В последний день работы Объединительного съезда, 26 августа, по предложению Мартова, поступившему еще 24 августа, были заслушаны отчеты министров-социалистов С.Н. Прокоповича, А.М. Никитина, М.И. Скобелева. Выступившие не смогли сообщить делегатам ничего утешительного и вразумительного о состоянии страны и ее промышленности, призывали убедить массы в необходимости принесения жертв во имя спасения страны. «Если бы нашелся сейчас смелый класс, который один взялся бы сейчас вывести страну из затруднений, он бы погиб, и перед историей взял бы на себя ответственность за гибель всей страны, – предупреждал Скобелев. – Страна сейчас стоит перед альтернативой: или путем

диктатуры спасти страну, или страна распадется» [3, с. 550]. Доклады министров-социалистов настолько не удовлетворили делегатов от меньшинства съезда, что они предложили принять их к сведению, не обсуждая по существу [3, с. 541–542, 552–553]. Но этого не мог допустить Церетели, призвавший не забывать, что «министры социал-демократы в правительстве не могут целиком проводить все то, что намечает партия», и высказавшийся за принятие резолюции о полном доверии нашим товарищам министрам» [3, с. 553]. После того как такая резолюция была принята 98 голосами при 6 – против и 33 воздержавшихся, меньшинство потребовало голосования других резолюций, чему решительно воспротивился Церетели, оставшийся в президиуме съезда в гордом одиночестве после ушедших из него представителей меньшевиков-интернационалистов [3, с. 553].

И это стало символическим финалом работы всего съезда меньшевиков. Съезд, который должен был стать «объединительным», по признанию представителей различных течений, своей главной цели не достиг. «Он пока, временно, только помешал расколу внутри самой меньшевистской фракции, – писал в «Новой жизни» Г.Д. Линдов. – Он содействовал более ясному и определенному размежеванию течений, социал-демократических и не социал-демократических. Он открыл возможность в более или менее близком будущем объединения всех здоровых революционно-социал-демократических элементов страны, как пребывающих еще в незаконном сожителстве с победившим большинством, так и оставшихся вне этого искусственного и непрочного объединения» [4]. В редакционной статье журнала «Партийные известия», посвященной итогам работы Объединительного съезда, констатировалось, что он «оставил после себя объединенную партию, но по существу не создал реального объединения партии... Действительное объединение партии создается не на съезде и не съездами: подготовленное и закрепленное в повседневной практической работе, оно лишь оформляется съездами и его решениями» [5].

Список литературы

1. Галили З., Ненароков А. Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии // *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. – М., 1995. – С. 17–73.
2. *День*. 1917. 27 авг.
3. *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа / ред. З. Галили [и др.]. – М., 1995.
4. *Новая жизнь*. 1917. 29 авг.
5. *Парт. известия / ЦК РСДРП 1917*. № 6. С. 1–2.
6. *Рабочая газета*. – 1917. – 26 авг.
7. Тютюкин С.В. *Меньшевизм: страницы истории*. – М., 2002.
8. *Шестой съезд РСДРП (большевиков)*. Август 1917 г.: Протоколы. – М., 1958.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.40/43) «1551/1917»

С.В. Любичанковский

«Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант*

В последние несколько десятилетий историческая наука всего мира с каким-то особенным любопытством стала рассматривать проблемы устройства империй (особенно континентальных), жизни в них [2; 6]. Ушли безвозвратно те времена, когда понятие «империя» сопровождалось исключительно негативной коннотацией (вспомним знаменитое выражение «тюрьма народов»). Сегодня под империей понимается система управления сложным, гетерогенным в культурном плане обществом, основанная на опоре Центра на местные элиты. Современная действительность, когда кризис концепта национального государства налицо, когда в рамках процесса глобализации и планетарных цивилизационных подвижек наблюдается отчетливая тенденция к созданию новых и воссозданию уже было забытых «старых» надэтнических государственных образований, делает вышеобозначенный подход к пониманию империй все более востребованным. Особенно важным представляется поиск ответа на вопрос, каковы были механизмы, позволявшие столь сложным системам, каковой была, например, чрезвычайно многообразная в культурном, национальном, конфессиональном планах Российская империя, не просто десятилетиями, а веками сохранять стабильность.

В 2012 г. Самарский научно-образовательный центр подготовки специалистов по отечественной истории, историографии, источниковедению, археологии и этнологии при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» провел комплексное историческое исследование, напрямую касающееся данной проблематики. Проект получил название «"Обретение Родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивили-

© Любичанковский С.В., 2013

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ ««Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281/а2.

зации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)». По итогам исследования, в качестве апробации его результатов, была издана серия научных статей (общим числом 17) в журнале «Вестник Самарского государственного университета», входящем в реестр ВАК [1]. Целью настоящей статьи является обзор данного издания.

В авторский коллектив вошли признанные и уважаемые в научном мире специалисты, доктора и кандидаты исторических наук, докторанты: П.С. Кабытов (руководитель проекта), Л.М. Артамонова, Е.П. Барина, Е.В. Годовова, Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина, Н.Н. Кабытова, З.М. Кобозева, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева, Е.М. Малинкин, Н.Ю. Перла, С.В. Польской, Ю.Н. Смирнов, О.Д. Столяров, А.В. Сюков, В.А. Тюрин. Думаю, не будет преувеличением сказать, что все авторы являются представителями научной школы профессора П.С. Кабытова, что во многом определило и близость методологических установок представленных статей. При этом в тематическом плане опубликованные исследования четко делятся на несколько основных групп:

- теоретико-методологический анализ проблематики: помимо совместной статьи П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана и О.Б. Леонтьевой, о которой подробнее будет сказано ниже, это еще и прекрасная в своей аналитичности отдельная статья О.Б. Леонтьевой о национальной и конфессиональной политике Российской империи как проблеме современной историографии;

- влияние природно-географических условий на историческое развитие региона: еще одна интересная, компактная, но очень глубокая статья П.С. Кабытова;

- специфика складывания полиэтничного и поликонфессионального населения региона: статья В.Н. Зудиной и Н.Ю. Пела о ставропольских калмыках и буддизме в пространстве юго-восточного фронта России, статья Е.В. Годовой о повседневной жизни женской части оренбургского казачества, статья Л.М. Артамоновой об участии духовенства в работе школ Казанского учебного округа;

- формирование социальных практик, хозяйственного поведения местного социума: статья Е.П. Барина и П.С. Кабытова о поволжском дворянстве, статья З.М. Кобозевой о поволжском мещанстве, статья Э.Л. Дубмана о рыболовном промысле в регионе, статья Ю.Н. Смирнова о помещичьем освоении края, статья А.В. Сюкова о модернизации сельского хозяйства региона в начале XX в.;

- формирование региональной системы управления и самоуправления: статья Е.М. Малинкина о реализации разрядной реформы в т.н. «понизовых городах», статья В.А. Тюрина об административном устройстве созданной в середине XIX в. Самарской губернии;

- политико-идеологическая и культурно-просветительская жизнь жителей региона: статья Н.Н. Кабытовой о социально-политической дифференциации населения Поволжья в 1917 г., статья М.И. Леонова об эсерах региона.

Важно подчеркнуть, что «красной нитью» через все исследования проходит проблема формирования региональной идентичности, характеристика процесса осознания социально-психологической и исторической общности на внутрорегиональном и общероссийском уровне. Такой подход был задан выдвинутой гипотезой, которая была сформулирована так: изучаемый регион представлял собой пространство особого типа – «внутреннюю окраину» России, ставшую общей Родиной для различных социальных и этнических групп населения, мигрировавших и расселявшихся в регионе на разных исторических этапах.

Эта гипотеза обоснована в статье журнала, которая открывает номер. Она носит несомненный теоретико-методологический характер и принадлежит перу П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана и О.Б. Леонтьевой. В ней концепт «внутренней окраины», который ныне очень широко распространен в рамках научного направления «имперской истории» в варианте «внутренняя периферия» и авторство которого принадлежит самому П.С. Кабытову, применяется к колонизируемому в течение нескольких веков Средне-Волжскому краю. Идея авторов заключается в том, что именно состояние «внутренней периферии» являлось тем спусковым крючком, который запускал для огромных масс перемещаемых в регион людей процесс «обретения Родины», приобретения особой идентичности, укореняющих людей в регионе и новыми крепкими узами скрепляющих их с Россией как своей Родиной. Иными словами, обретение Родины заключалось в том, что на территории региона из мозаики и хаоса в разное время и по разным причинам прибывших сюда групп складывалась некая новая социокультурная целостность.

Именно исходя из этого тезиса в других статьях журнала на уникальном историческом материале «Средне-Волжской «внутренней периферии» в хронологических рамках, охватывающих несколько столетий, проверена и уточнена концепция фронта как зоны пограничного взаимодействия различных сообществ, в процессе которого изменяются сами участники взаимодействия. Прослежена историческая судьба данного фронта, причины, ход и последствия его вхождения в систему цивилизационных взаимосвязей. Иными словами, концепция «обретения Родины» как особого процесса, обладающего региональной и исторической спецификой, верифицирована на методологическом уровне и наполнена конкретно-историческим содержанием.

Конечно, как и всякое коллективное исследование, данный проект не свободен от некоторых недостатков, диктуемых зачастую именно тем, что это – коллективный проект, и каждый автор реализует исходные методологические установки по-разному, в меру своего понимания и исходя из того исторического материала, которым он оперирует. Вполне естественно, что в статьях по историографии того или иного аспекта проблематики (С.В. Польской, З.М. Кобозева и др.), по общероссийским сюжетам (О.Д. Столяров) или по истории региона начала XX в., когда он почти утратил характеристики «внутренней окраины» (М.И. Леонов, А.В. Сюков и др.), анализ процесса «обретения Родины» не мог не встретить особые трудности. Кроме того, избранный формат представления результатов проекта в виде журнальных статей не дал возможности подвести под опубликованными статьями какую-то финальную черту в виде обобщающего заключения. Думается, эту работу необходимо будет проделать в будущем.

Важно отметить и такую составляющую проекта, как, на наш взгляд, нарочитая нечеткость в определении территориальных рамок. Авторами говорится о пространствах Средней Волги и Заволжья как особом регионе европейской России. В границах современного административно-территориального деления сюда входят Самарская, Ульяновская, Саратовская области; восточная часть Пензенской, западная – Оренбургской области; юго-восточная (закамская) – Татарстана, юго-западная – Башкортостана; западные (прилегающие к р. Урал) – территории Казахстана. У меня сложилось впечатление, что это достаточно искусственные рамки, призванные как бы «удержать» конструируемый регион в рамках европейской части страны. Но так ли резко отличался друг от друга по признаку региональной «идентичности» уральский казак, живший на западном берегу р. Урал от своего собрата, жившего на другом берегу? Житель Оренбурга от жителя Челябинска и Уфы? Житель Астрахани от жителя Саратова? Думается, что граница достаточно призрачна. В этом специфика континентальных империй – сложно даже отграничить окраины, не говоря о таком умозрительном конструкте, как «внутренняя периферия». Возможно, для большей четкости здесь стоило бы ориентироваться на какие-то административные границы, наличие которых не могло не влиять на формирование региональной идентичности. Но, возможно, известная нечеткость в этом вопросе как раз уместна с точки зрения рассмотрения расплывчатых «внутренних периферий» империи с их постоянно смещающимися границами? Для нас этот вопрос остался открытым.

Наконец, не могу не заметить, что отсылки авторов проекта на труд Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи...» как на концептуальную основу рассмотрения проблем разви-

тия российского общества в условиях процесса модернизации, выглядят достаточно искусственными в условиях наличия целой серии фундаментальных теоретико-методологических и конкретно-исторических работ по данной проблематике, выполненных на протяжении последних пятнадцати лет научной школой академика В.В. Алексеева [3–5; 7]. На наш взгляд, у этой школы есть безусловный приоритет в разработке проблем модернизационного перехода на периферии империи.

В заключение хотел бы отметить, что рецензируемый выпуск «Вестника Самарского государственного университета», в котором представлены результаты поддержанного Министерством образования и науки проекта «Обретение Родины...», представляет собой важный вклад в развитие современной исторической науки. Он действительно характеризуется научной новизной и имеет огромный потенциал вырасти в крупную коллективную монографию. Реализованный в Самаре проект позволяет не только решить отвлеченные от современной жизни задачи постижения далекого прошлого, но и указывает на имеющиеся в нашем обществе ресурсы стабильности, а также и имеющиеся «точки хрупкости» социума, не учитывать которые при принятии государственных решений было бы, по меньшей мере, неразумно.

Научное сообщество можно поздравить с появлением добротной научной работы (специального номера научного журнала), в которой содержится серьезная попытка разобраться в реальных механизмах непростой истории своей страны, а авторов статей – с несомненным творческим успехом.

Список литературы

1. Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 8/2(99). Гуманитарная сер. История.
2. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. – Екатеринбург-Ижевск, 2010.
3. Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. – Екатеринбург, 1998.
4. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / под ред. В.В. Алексеева. – М., 2000.
5. Региональное развитие в контексте модернизации / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, М.Н. Денисевич, И.В. Побережников. – Екатеринбург, 1997.
6. Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всерос. науч. конф. (г. Оренбург, 30 окт. – 2 нояб. 2012 г.) / под ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. – Оренбург, 2012.
7. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2009.

Сведения об авторах

Акимова Зинаида Ивановна – кандидат педагогических наук, МОУ гимназия № 19, г. Саранск; e-mail: congress7@list.ru

Гаирбекова Зинаида Саидахматовна – аспирант, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований; e-mail: vernemsa@mail.ru

Гамидова Мария Андреевна – аспирант кафедры всеобщей истории факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: bessnew81@mail.ru

Гостенков Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: fakultet_istorii@mail.ru

Давыдов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: davydov.au@mail.ru

Данович Евгения Самуиловна – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет управления и экономики; e-mail: edanovich@eu.spb.ru

Джунджужов Степан Викторович – кандидат исторических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: svlubich@yandex.ru

Курмышов Василий Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: vasiliy-kurmyshov@yandex.ru

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: svlubich@yandex.ru

Малькова Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: malkovaguap@mail.ru

Масанова Маргарита Дмитриевна – доктор исторических наук, зав. кафедрой социальной работы, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: margomas@mail.ru

Митина Виолетта Валериевна – научный сотрудник отдела этнографии и этнологии, ГКУРМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск; e-mail: congress7@list.ru

Островский Олег Борисович – доктор исторических наук, доцент кафедры методики обучения истории и обществознанию, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: oleg-ostrovskiy@yandex.ru

Разживина Дарья Андреевна – лаборант и очный аспирант кафедры музеологии и краеведения, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова; e-mail: Museolog@mail.ru

Романов Александр Сергеевич – аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: folkrocker@rambler.ru

Салищев Михаил Александрович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: mas1988@mail.ru

Смирнова Алла Александровна – доктор исторических наук, профессор, проректор, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств; e-mail: allasmir@mail.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 2
Том 4. История**

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 24.06.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11. Тираж 500 экз. Заказ № 890

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а